

Алексей Александров

ЗНАМЯ ХИМЕРЫ

Трилогия
в одном
томе

Знамя химеры
Война химеры
Гибель химеры

16+

Алексей Александров

Знамя химеры

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=54082610

SelfPub; 2020

Аннотация

Империя эльфов на вершине своего могущества. Люди, гномы и орки склонились перед величием эльфийских владык. Но близится новое время – время меча, время топора, сумеречное время войны и смуты. Все, кто был тебе дорог, мертвы. Все, во что ты верил, оказалось ложью. Еще вчера ты был наследным принцем, а теперь отчаянно борющийся за жизнь изгой. Но в твоих жилах течет кровь императоров эльфов и правителей орков. Ты должен выжить! Назло врагам и вопреки судьбе. Ты должен выжить и отомстить. Но какова будет цена? Империя эльфов на вершине своего могущества, но дальше... пропасть.

Книга первая Знамя химеры

Часть первая

За честь короны мы умрем...

Глава 1

Утро эльфийской казни

Скоро рассвет. С первыми лучами солнца, стряхнув с себя покрывало ночи, город проснется. Но пока он спит и видит сны. Его сон, защищенный тройным кольцом крепостных стен, спокоен и крепок. Этот город стар, он очень стар, но, подобно своим создателям, эльфам, не дряхлеет со временем. Стены его бастионов и домов не покрывают морщины трещин, башни дворцов блестят золотом, а в многочисленных парках и скверах цветут растения, собранные со всех концов раскинувшейся на большую часть континента империи.

Рассвет скоро. Наверное, я увижу солнце последний раз в этой жизни. День обещает быть крайне насыщенным. Нас ждет суд, приговор, залп лучников и чернота забвения. Справедливый суд. Ха! Приговор мне уже тайно вынесен и одобрен императором и Советом домов*¹. Эльфы оказали невиданную для полукровки честь, приговорив меня к «ветру стрел». Сегодня в полдень. Казнят как равного себе. Сво-

лочи! Лицемерные ушастые сволочи! Им было мало победить – решили сделать из моей казни концерт на потеху публике. Применить казнь, предназначенную для принцев императорского дома. Можно подумать, хоть одного из этих спесивых ублюдков когда-то казнили! Рассвет скоро...

* Совет домов – собрание всех высоких лордов. Постановления Совета имеют силу законов и могут быть отменены только императором.

1 Сноски под знаком «*» здесь и далее являются авторскими примечаниями к книге.

Странно знать время своей смерти, странно и страшно. В битве на страх не оставалось времени, а ведь это была моя первая битва! Похоже, она останется и моей единственной.

Будет сталь править бал,
Вздрогнет в танце клинок²...

2 Там, где не указан автор стихотворных строк, представлены стихи самого автора романа.

Книги и легенды все врут. Пение стрел, танец мечей, заклипания боевой магии, трепещущие на ветру штандарты и благородные рыцари в сверкающих доспехах. Очередное не

видевшее войн молодое поколение впитывает эти знания. И с радостью включается в игры правителей, щедро проливая свою и чужую кровь во имя высших интересов. «Во имя Света!», «С нами творец!», «Во славу добра!», «За честь империи!» – как много можно придумать благородных девизов, во имя которых вчерашние мальчишки и седоусые ветераны будут с радостью умирать. Никто не хочет гибнуть ради власти и богатства правителей, а ведь именно эти цели преследует большая часть войн.

В той мясорубке я потерял веру в благородство войны. Мы резали драконитов, они резали нас. Стоны раненых и хрип умирающих. Запах крови и горелого мяса. Жалобное ржание недобитых лошадей с переломанными ногами или «чесноком¹» в копытах. В кровавой грязи корчились свои и чужие. Как быстро пролитая кровь стирает все различия между созданными творцом расами... Одна красная кровь на всех. Да и есть ли эти различия? У всех две ноги и две руки, одна голова. Гномы довольно низкорослы по сравнению с другими расами. Эльфы, в отличие от прочих, не стареют, да и средняя продолжительность их жизни вдвое превосходит длину жизни остальных рас. Отличия между людьми и орками и вовсе минимальны: орки отличаются зеленоватым оттенком кожи и несколько более длинными клыками. Хотя по клыкам все расы явно проигрывают вампирам. А кровь у всех одинаково красная.

1 «Чеснок» – кованое металлоизделие, применяемое как заграждение против кавалерии: несколько заостренных штырей под углом друг к другу. В некоторой степени прототип танкового «ежа».

Утро выдалось удивительным, поле предстоящей битвы было покрыто сверкающей росой, блестящей на солнце подобно жемчугу. К вечеру в том грязном месиве вряд ли можно было найти хоть одну травинку.

Битва началась с наступления объединенных армий. С левого фланга наступали гномы Горного королевства, сбитые в хирд, похожий на бронированную черепаху. Центр наступающего войска составляли люди, собранные со всех людских королевств, вассальных империи. Хотя там были и представители малочисленного племени вампиров – всего их Анклава. Правый фланг ошетинился пиками орков и полукровок Восточного королевства. Командовал правым флангом Уритрил III – мой дядя.

В череде прерываемых редкими передышками атак, отступлений, маневров и контратак прошел день. Казалось, еще немного – и враг дрогнет, но тут над полем боя появились драконы: все шесть драконов-повелителей, владык Драконьих земель, – а в спину наших наступающих отрядов ударила эльфийская армия. Армия стоящих в резерве союзников, армия правителей империи...

Мы были обречены: нас даже не убивали – нас просто ре-

зали, как жертвенных овец. По сути, мы таковыми и были. Да, пытались прорваться. Поодиночке и группами. Неорганизованными ордами потерявших надежду рыцарей и простых солдат вместе со стоящими плечом к плечу, ошестинившимися подобно встревоженному ежу, спаянными отрядами ветеранов. Хаос битвы перемешал армии. В одном строю рядом стояли крепыши-гномы и яростные орки, спокойные флегматики-вампиры и люди. Крестьяне и короли, ремесленники и дворяне, простые воины рядом с принцами крови: все вместе, плечом к плечу. С трудом держащие в руках выщербленное оружие, в порубленных доспехах, покрытых копотью и грязью. Лучшие из лучших. Элита империи. Обреченные. Преданные. Непокорные. Смертельно уставшие – и все же атакующие свежих эльфийских воинов. С единственным желанием: забрать к творцу как можно больше ушастых выродков перед смертью. Лучники выкашивали нас целыми рядами, с небес лились огонь и молнии, задние шеренги вырезались драконитами. А все-таки мы дошли...

Я рубил мечом, принимал удары на измочаленный щит. Сколько это продолжалось? Секунды? Минуты? Часы? Казалось, эта битва длится вечность. Мышцы стонали от усталости, легкие горели огнем и плевались кровью, сознание стремительно рвалось прочь из измученного тела. Чей-то удар сбил с меня шлем, глаза стали застилать теплые струйки. Последнее, что я помню, – сгорающий в пламени отряд рыцарей во главе с моим дядей и двоюродным братом. Потом бы-

ла темнота. Жаль, что это была не смерть.

Очнулся в плену. Эльфийские маги были столь любезны, что даже заживили мои раны, чтобы я не испортил длинноухим праздник и не скончался раньше запланированного срока.

Спустя три недели меня доставили в Иллириен – столицу империи. В столице, как лицо королевской крови, меня поместили на верхнем этаже одной из башен императорского дворца, в комнате для «почетных пленников».

Толпа всегда жаждет хлеба и зрелищ. Поэтому император придумал публично казнить оставшихся в живых «мятежников», в том числе и принца Леклиса из Восточного королевства, то есть меня. А в умении умерщвлять преступников на потеху толпе палачи не знали равных, во славу Света очищая мир и развлекая народ. Преступников жгли огнем и магией, травили животными, рубили руки и головы, топили. Около ста лет назад одного убийцу сначала четвертовали, потом повесили, затем, еще живого, вынули из петли и отрубили бедняге голову. Так что можно сказать: в плане казни мне повезло. Меня просто привяжут к столбу и расстреляют из луков.

Отхожу от окна и, обогнув широкое ложе в центре комнаты, подхожу к зеркалу. Из него на меня смотрит на редкость мрачный тип. Средний рост, тонкие эльфийские черты лица, смуглая, зеленоватого оттенка, кожа, вполне человеческие уши, розоватые белки глаз и короткие темные волосы. Полукровка, принц полукровок. Среди моих предков

были, наверное, все разумные расы этого проклятого богами мира, исключая, пожалуй, кентавров и горных великанов. Родоначальником считается Леклис Эйкин Эльфиниил – один из племянников эльфийского императора Элберта IV, правившего около восьмисот лет назад. Среди моих предков были люди, эльфы, орки, пара гномов и даже один вампир. Полукровок в империи не любили, большинство из них переселялись в плохо освоенные восточные провинции. Впоследствии там образовалось Восточное королевство. Около двухсот лет назад после ряда кровопролитных пограничных войн с Рассветной империей, в которых ни одна из сторон не добилась успеха, наше королевство вошло в состав империи на довольно выгодных условиях. Мы обязались охранять восточные рубежи от нашествия драконитов, взамен, как «добровольно присоединившимся», нам было дозволено не платить налогов в императорскую казну. На территорию королевства не распространялись законы империи.

Теперь мы просто очередная провинция.

Шаги за дверь... Похоже, это за мной.

Глава 2

Гонец

*Средь оплывших свечей и вечерних молитв,
Средь военных трофеев и мирных костров
Жили книжные дети, не знавшие битв,*

Изнывая от мелких своих катастроф.

Владимир Высоцкий

Тремя месяцами ранее

Близок рассвет. Как болит голова и хочется пить! Похоже, мешать вино, пиво и «воду орков» было дурацкой идеей. Кстати, где я нахожусь? Чуть-чуть, буквально на волосок, раздвигаем ресницы и, стараясь не делать головой резких движений, с любопытством разглядываем обстановку. Хм. Похоже, это моя комната, но она как-то странно выглядит: если раньше в ней был просто бардак, то теперь – первородный хаос. Одежда и бумаги вперемешку с пустыми бутылками разбросаны по всей комнате. Из оружейного сундука, перевернутого набок, вывалены доспехи. На стене чернеет пятно – похоже, поработала магия. И как я буду все это убирать?

Когда мне было лет десять, прибирающий мою комнату слуга нашел много интересных вещей, которые считались потерянными. В том числе свиток с каким-то боевым заклинанием. Мне не удалось проверить, с каким. А жаль: всегда мечтал снести одну из стен своей комнаты. После этого меня ждала легкая экзекуция от отца и наставительная лекция от матери. Все мои оправдания, что это были боевые трофеи и случайные находки, были проигнорированы. После того случая в своей комнате я всегда убирался сам. Еще бы: только

допусти постороннего человека копаться в моих вещах и бумагах!

Да, кстати, а что я делаю на полу, и что на мне надето?

Странно... я закутан в черную медвежью шкуру. Если мне не изменяет память, она должна находиться в центре комнаты, как раз напротив двери. Судя по звукам, в моей кровати кто-то спит. Интересно, кто?

Со второй попытки удастся встать на ноги.

– Так что мы, ваше высочество, видим на кровати? – ехидно вопрошает внутренний голос.

На кровати – два обнаженных женских тела: Клорина и Дэя, полуэльфийки, помощницы главного мага королевства магистра Тиллита, ректора Академии общей магии, первого министра королевства. Обе обладали вспыльчивым характером и терпеть не могли друг друга. Девушки имели в отношении моей скромной персоны далеко идущие планы. Сейчас они спали в обнимку друг с другом, словно сестры или любовницы.

– А на кровати наше высочество видит большие проблемы, – отвечал я внутреннему голосу, стараясь стоять более-менее ровно.

– Надеюсь, ваше высочество приятно провело ночь?

– А что нам подсказывает наша память? – задал я резонный вопрос.

Память услужливо продемонстрировала несколько довольно фривольных картин прошлого вечера и ночи, после

чего отключилась. Судя по картинам, время мы провели действительно неплохо.

– Надеюсь, ваше высочество понимает, ЧТО ожидает наше драгоценное здоровье, когда эти два ангела проснутся в объятиях друг друга? – злорадно проговорил внутренний голос, продемонстрировав картину с колюще-режущими предметами и боевыми заклинаниями, направленными на мою скромную особу с целью нанесения этой особе урона, не совместимого с полноценной жизнедеятельностью.

– Я думаю, чем дальше мы окажемся в это время отсюда – тем лучше!

Натянув на себя штаны и сапоги, я вышел из комнаты и спустился вниз, стараясь ступать как можно тише по скрипучим деревянным ступеням Южной башни замка.

Клорина и Дэя были чудесными девушками. С каждой из них я поддерживал более чем дружеские отношения. Но каждая из них считала себя моей единственной и хотела осчастливить меня до самой смерти. А так далеко мои планы в неполные двадцать лет не простирались. Слава творцу, благодаря специальным заклинаниям дети у наследников престола могли появиться только в официальном браке.

До сегодняшнего дня мне удавалось крутить роман с обеими без особых последствий. Видимо, теперь настало время расплачиваться. Девушки обладали поистине огненным темпераментом, их совместные ссоры нередко сопровождались применением слабых вариантов огненных шаров. Обычно

после этого соперницы проводили несколько дней в своих комнатах, магически ускоряя рост сгоревших волос и бровей.

Замок еще спит. Только на внешних стенах слышится перекличка стражников. Стараясь производить минимальное количество шума, спускаюсь на первый этаж и через одну из окованных медью дверей выхожу к колодцу во внутреннем дворе замка. Достав из колодца ведро обжигающе холодной воды, с наслаждением припадаю к вожденной жидкости. Опрокинув остатки воды себе на голову, опускаю ведро обратно в колодец с целью повторения оздоровительной процедуры. Молоточки, усиленно стучащие в голове после пробуждения, стали успокаиваться, оставив мою голову в покое до следующего раза.

– Приятно видеть, Лекс, что не одному мне плохо в этом замке, – с оттенком ехидства в голосе замечает подходящий к колодцу Ольден, мой двоюродный брат.

– Какая честь, ваше высочество! – стараясь сохранить серьезное выражение лица, отвешиваю в его сторону поклон согласно этикету. – Чем объясняется ваш столь ранний визит?

– Тем же, чем и твой. – Отвесив не менее официальный поклон, Ольден совершает с ведром ту же процедуру, что и я до него. – Вот теперь я ощущаю себя живым, а не думающей разновидностью мертвяка.

– Надо меньше пить!

– Но чаще это делать!

Дружно смеемся.

Пару раз хлопнув меня по плечу, Ольден уходит в сторону северного замкового крыла. Кажется, именно там располагаются покои его невесты, и именно там он предпочитает ночевать последний месяц.

Мы с Ольденом одноклассники. Он старше меня всего на два месяца. Мы были с ним неразлучны с детства, что бы ни делали и где бы ни находились. Вместе обучались, вместе шутили, вместе росли. В горном обвале, унесшем жизнь моих родителей, погибла и его мать. Нам тогда не было и тринадцати. Опеку над королевскими недорослями взяла восемнадцатилетняя сестра Ольдена Ларгорита. У дяди Уритрила времени на наше воспитание не было: ему приходилось управлять Восточным королевством – самым крупным королевством Рассветной империи.

Ларгорита отчаянно пыталась сделать из нас образцовых принцев, наследников престола. Надо отдать ей должное: с помощью десятка учителей она умудрилась привить нам все должные знания. Но привить нам серьезность и ответственность было выше ее сил. Если какая-либо церемония казалась нам скучной, мы самым наглым образом сбегали с нее.

Промучившись до нашего восемнадцатилетия, Ларгорита вышла замуж за своего давнего воздыхателя графа Сердрика, правителя граничащих с землями драконов оркских

территорий. Объявив, что мы теперь вполне самостоятельны, Ларгорита вместе с ошастливленным Сердриком уехала в Приграничье.

Дядя назначил нас на пару должностей и предоставил самим себе. Я получил должность смотрителя королевских арсеналов, Ольден – коннетабля королевских рыцарей.

Следующий год нашей жизни стал чередой непрерывных рыцарских турниров и не менее бесконечных попок. Вскоре дяде Уритрилу это надоело, и в недрах королевского двора созрел заговор, направленный против принцев. Целью заговора под руководством короля Уритрила III и магистра Тиллита была женитьба наследного принца Ольдена и принца Леклиса. С этой целью был проведен большой королевский бал. Частично заговорщикам удалось воплотить свои коварные планы в жизнь.

На балу Ольден познакомился с милейшим семнадцатилетним созданием. Это была Аэлита, одна из младших принцесс граничащего с нами на западе людского королевства Итанол. Их внезапно вспыхнувший роман был главной темой сплетен в течение нескольких недель. Последовавшая за ним быстрая помолвка стала для меня шоком. До сих пор думаю, что не обошлось без заклинаний магистра Тиллита. Сложно было представить Ольдена, признанного балагура и сердцеда, связанным узами брака.

Меня заговорщикам так просто взять не удалось. Утром я мог проснуться в спальне Клорины, а ночью заснуть в спаль-

не Дэи. До сегодняшнего дня данное положение меня вполне устраивало.

Вновь включившаяся в работу память подсказала, что же мы вчера праздновали.

За день до этого дядя Уритрил с большей частью двора отправился на большую королевскую охоту. Ольден и я под разными благовидными предложениями постарались избежать этой незавидной участи. Это, впрочем, не вызвало подозрений: охотиться мы предпочитали вдвоем. Благословение создателя! Какое удовольствие можно получить, гоняясь с толпой придворных за парой оленей?

Так что на целых три дня замок был в нашем распоряжении. Именно поэтому было решено неофициально отпраздновать помолвку Ольдена в «узком» (сотня, не больше) дружеском кругу. Все заинтересованные лица были предупреждены за пару дней до охоты.

Похоже, повальные заболевания среди замковой молодежи не остались без внимания дяди. Уж больно со скорбным лицом он уезжал на охоту. Отбывающий вместе с ним Тиллит предупредил: на королевскую сокровищницу он установил свои самые сильные заклинания. Ха! Было время, когда он таким же образом пытался защитить от наших набегов винный погреб. Именно тогда я и закрутил роман с его ученицами. Каюсь, вначале я собирался, используя свою несравненную внешность, красноречие и природное обаяние – всегда был скромным мальчиком, – попросить их по-

мощи в проникновении в винный погреб. Но после более близкого – очень близкого – знакомства с обеими девушками решил, что разбивать сердца таких красавиц будет жестоко, да и небезопасно. К тому же их появление сразу решило несколько задач: во-первых, в винном погребе появился новый тайный вход. Во-вторых, были решены проблемы с другими претендентками – если не на мое сердце, то на титул. Познакомившись с несколькими портящими внешний вид заклинаниями моих новых подружек, несостоявшиеся фаворитки резко ко мне охладели. Чему я был несказанно рад.

Отослав внутреннюю стражу, мы веселились весь день. Последствия лично моего веселья я уже видел. На последствия общего веселья я смотреть не рискну – по крайней мере, внешне замок не пострадал. В конце концов, Ольден – будущий король, вот пусть он и разбирается со своими подданными.

Работа моей многострадальной памяти была прервана дикими криками, раздающимися около Южной башни.

– Началось... – прокомментировал внутренний голос. – Да благословит нас создатель!

– Л-е-к-л-и-и-и-ис!!! – От Южной башни ко мне направлялись две восхитительные женские фигурки, обтянутые остатками того, что вчера было платьями.

– Доброе утро, дамы! – Послав одну из своих самых обаятельных улыбок, я поклонился и стал озираться по сторонам в поисках ближайшего укрытия.

– Продолжаем заговаривать зубы, – снова заголосил внутренний голос, – и м-е-е-едленно двигаемся куда-нибудь, где крепкие двери и тяжелые засовы.

– Как вам спалось? – Продолжая улыбаться, делаю несколько шагов в сторону конюшни. Проклятье! Слишком далеко! Не добежать.

– Да, про сон – это ты зря спросил, – прокомментировал внутренний голос, в то время как тело совершало прыжок в сторону, под прикрытие стенок колодца. Спасаясь от пущенного общими магическими усилиями – редкое единодушие! – булыжника мостовой.

От неминуемого и довольно болезненного возмездия меня спас рев боевых сигнальных труб на внешних стенах. Последний раз так трубили более пяти лет назад, во время окончания последней войны с драконьими владыками.

Втроем мы кинулись к внутренним воротам. В тех остатках платьев, что на них были, быстро бежать магички не могли. Так что бежали мы чуть ли не в обнимку: Дэя висела на моем правом плече, Клорина – на левом. Было тяжело, но приятно.

Добежали мы туда как раз чтобы увидеть въезжающего эльфийского гонца, одетого в зеленое с золотом одеяние императорского дома. Над гонцом развевалось красное полотнище с черным мечом.

Знак войны.

Глава 3

Подготовка к походу

Посланник императора наделал шуму в замке.

Ольден, срывая голос, гонял слуг, стараясь навести подобие порядка в тронном зале. Я, найдя в своей комнате наименее пострадавшую одежду, оделся и стал ему помогать. Не прошло и часа, как на взмыленных лошадях в окружении охраны прибыл дядя. К его приезду нам удалось совершить маленький подвиг, приведя тронный зал в надлежащий вид. Войдя, он окинул его придирчивым взглядом, после чего подошел к нам и совершенно не по-королевски погрозил сжатым кулаком. Затем проследовал к трону. Гонец вошел в зал и, согласно этикету опустившись на одно колено перед королем, протянул свиток. Свиток был перевязан красным шнуром и скреплен императорской печатью.

Дядя, сидя на троне, углубился в чтение свитка. По мере прочтения лицо его становилось мрачнее и мрачнее. В зале стало непривычно тихо. В гнетущей тишине он позвал слугу с письменными принадлежностями. Быстро набросал ответ и скрепил его печатью.

Получив ответ, гонец поклонился и покинул зал, – у ворот его ждали свежие лошади. С уходом гонца все взгляды были устремлены в сторону короля: было ясно, что королевство ожидает война. Но с кем?

Встав с трона, король окинул притихший двор хмурым

взглядом. На секунду его взгляд остановился на нас с Ольденем.

– Собрать войска. Армия должна выступить против драконов. – Голос дяди был непривычно глух. – Магистр Тиллит, составьте указ о сборе войска и разошлите гонцов по королевству. Принц Ольден, подготовьте королевских рыцарей. Принц Леклис, на вас – организация ополчения. – Поднявшись с трона, дядя в сопровождении магистра быстро удалился в свои покои.

Позже в покоях короля собрался военный совет. Помимо меня и Ольдена там присутствовали: магистр Тиллит; лорд-маршал граф Ранитар, ветеран пограничных конфликтов; капитан королевской стражи барон Глок, прекрасный мечник и образцовый солдат – в детстве он был одним из моих учителей; лорд-казначей граф Браен и гроза разбойников – лорд-шериф граф Фирст.

– Ваше величество, кто возглавит войско? – мрачно спросил лорд-маршал.

– Войско возглавлю я сам, моей правой рукой будешь ты, Ранитар, – дядя грустно улыбнулся. – Тебе не привыкать, старый друг.

– Кого из принцев оставите регентом на время вашего отсутствия? – спросил магистр Тиллит. Похоже, этот вопрос его интересовал особенно остро.

Мы с Ольденем мрачно переглянулись. Обычно в случае долгого отсутствия короля один из его родственников при-

нимал титул лорда-хранителя королевской печати или регента.

На наше счастье, у дяди Уритрила были другие планы. Оглядев наши разом поскучевшие лица, дядя заявил:

– Лордом-хранителем будете вы, магистр. Принц Ольден, как коннетабль, возглавит рыцарей. Принц Леклис возглавит оркскую пехоту, а пока займется формированием ополчения. Барон Глок, окажите принцу помощь. – Глок молча кивает и ударяет сжатым кулаком правой руки по левой стороне груди чуть ниже сердца. – Тебе, Леклис, советую прислушиваться к советам барона. Только ближе познакомившись с войной, они научатся ценить краткие мгновения мира, – добавил король, видя, что магистр Тиллит хочет что-то возразить. – Я не хочу, чтобы кто-то из них, обретя власть, развязал войну от скуки или ради интереса.

– Приму любое решение вашего величества. – Было видно, что магистр недоволен.

Выражения наших с Ольденом лиц сменились на притворно-серьезные.

– Через месяц армия должна быть в месте сбора – в глубине ничейных территорий, это почти в десяти пеших переходах от столицы. Учитывая большое количество ополчения, нам понадобится все пятнадцать переходов, – продолжил дядя. – Таким образом, у нас есть две недели, чтобы собрать тридцать пять тысяч пехотинцев и две тысячи рыцарей. Согласно договору, именно такое количество войск мы должны

предоставить Императору на срок до шести месяцев.

– Магистр, – обратился дядя к Тиллиту, – подготовьте приказ графу Сердрику. Мне нужна половина пограничной армии. Для прикрытия границ мы пошлем ему десять тысяч ополчения. Его войска должны быть сосредоточены на северо-востоке королевства для прикрытия фланга наступающих армий. В случае наступления в глубь территории драконов на графа ложится обеспечение постоянного снабжения. Граф Фирст, на вас – внутренняя безопасность в королевстве. Воры и разбойники всех мастей могут подумать, что с уходом королевской армии их некому будет ловить. Вам придется их разубедить в этом. На время отсутствия армии разрешаю пойманных разбойников вешать прямо на месте. Да, магистр, что там у нас с боевыми магами?

– Ваше величество, как вы знаете, в нашем королевстве всего две сотни практикующих магов. Боевыми можно считать только десятерых из них. Включая меня. Как минимум трое нужны в приграничье, я остаюсь в столице. Значит, с армией пойдет шесть боевых магов и сорок стихийных.

– Да, негусто, – хмуро подытожил дядя.

У всех рас, за исключением вампиров, магические способности были редкостью. Обычно они проявлялись у одного из нескольких тысяч детей в возрасте от десяти до тринадцати лет. Появление магических способностей после двадцати считалось невозможным. Сначала будущие маги в течение восьми лет проходили обучение в Академиях общей

магии, разбросанных по всей империи. На седьмом году обучения ученикам присваивались звание адептов и одна из четырех стихийных специализаций: Огонь, Вода, Земля или Воздух. Следующие два года адепт находился в учениках при практикующем в его специализации маге.

Маги Земли наиболее распространены – в основном это полевые маги, оказывающие помощь шахтерам и крестьянам. К магам Земли также относятся лекари-алхимики.

Маги Воды повелевают водной стихией. Они могут укрощать наводнения и штормы, но в первую очередь их ценят как целителей. Именно они лечат серьезные болезни и травмы, принимают роды.

Маги Воздуха. На них лежит множество обязанностей, главная из которых – контроль над погодой. Они следят, чтобы дожди шли вовремя, когда нужно, а когда не нужно – не шли.

Довольно редко встречаются Маги Огня – наиболее пригодный для боя класс магов, в каждой приграничной крепости мечтают заполучить именно такого. В городах основной их обязанностью является присмотр за пожарами.

Отдельно стоят боевые маги, которым в равной степени подчиняются все стихии. Таких магов всегда были единицы.

Совет между тем продолжился. Пошло обсуждение налогов, видов на урожай, формирования обозов и путей снабжения. Мне стало, откровенно говоря, скучно. Все эти доходы и расходы всегда вызывали у меня сонливость. Я не считал

себя созданным для королевской власти. Вместе с короной на твою голову ложится слишком много забот. Так что меня вполне бы устроила «скромная» должность лорда-маршала. Эльфийско-оркское происхождение позволяет графу Рани-тару выглядеть на сорок лет, но он уже давно разменял седьмой десяток. Конечно, пока еще он легко согнет в бараний рог и меня, и Ольдена, но его время истекает.

– Совет закончен. За дело, господа. Да поможет нам создатель! – Голос дяди разогнал сонливость.

Все поднялись со своих мест и стали расходиться. Лица всех, за исключением меня и Ольдена, были мрачны.

Я направился в главный арсенал, расположенный во внешнем дворе. Именно в нем хранилась большая часть оружия, предназначенного для ополчения. На выходе из тронного зала меня догнал барон Глок.

– Какие будут приказания, ваше высочество? – обратился ко мне старый вояка, вытягиваясь по стойке смирно.

Я от подобного обращения, признаться, опешил.

– Глок, ты что? – удивленно спрашиваю его. – Перепутал меня с дядей? Разве не ты учил меня, с какой стороны держаться за меч? Или ты забыл, как пару лет назад лично вытаскивал нас с Ольденом за уши из многочисленных злчных мест Старого города?

– Леклис, Леклис, когда же ты вырастешь, – вздохнул старый стражник. – Вспомни, чему я тебя учил? Армия строится на единоначалии. А единоначалие держится на авторите-

те. Перед солдатами я всегда буду называть тебя «ваше высочество». Ты же забываешь просто Глока и вспоминаешь, что я еще и капитан.

– Но сейчас-то мы не перед строем! – Не люблю, когда другие правы.

– Должен же ты привыкнуть. Так какие будут указания, ваше высочество? Ну же, мальчик, командуй. Вспомни, чему тебя учили.

– Капитан Глок! – От звука собственного голоса хочется самому встать смирно: все-таки у меня были хорошие учителя.

– Я, ваше высочество! – Спина барона прямая, грудь колесом. Левая рука придерживает ножны меча. Правая вытянута вдоль тела. Взгляд направлен в бесконечность перед собой.

– Согласно распоряжению нашего короля Уритрила III мне поручено в течение двух недель сформировать и подготовить городское ополчение. Приказываю: вне городских стен возвести временный лагерь для размещения и тренировок войск. Всех прибывающих в лагерь делить на три группы: лучников, копейщиков и мечников – в соответствии с их знаниями. Разбивать на десятки и сотни, десятниками приказываю ставить простых городских стражников, имеющих военный опыт. Сотниками назначать десятников городской стражи. Командиров тысяч я назначу лично. Исполняйте!

– Служу королю и королевству! – гаркает Глок, ударяя ку-

лаком по левой стороне груди чуть ниже сердца. Мне ничего не остается, как сделать то же самое. Ненавижу ритуалы!

– Похоже, мальчик, ты еще не безнадежен, – окидывая меня взглядом гордого своим произведением мастера, производит Глок. – Знаю, ты терпеть не можешь ритуалы, но они – один из тех китов, на которых строится армия. Именно армия, а не сборище вооруженного сброда.

* * *

– Слезы творца! Это что?! Меч?! – ору я на толстого начальника арсенала, размахивая перед его мясистым носом кончиком изъеденного ржавчиной клинка. – Если ты мне еще раз поставишь гнилые луки и проржавевшие мечи, я заставлю тебя лично полировать каждую железку в лагере, включая подковы лошадей! Всю вчерашнюю партию мечей отдать в кузницы на переплавку!

– Будет исполнено, ваше высочество, – следя глазами за кончиком меча, нервно сглатывает он.

Покидаю арсенал в сопровождении конного эскорта из четырех стражников. Теперь мой путь лежит обратно, в выросший три дня назад за крепостными стенами шумный военный лагерь. Формирование столичного ополчения, к которому я приступил с гораздо большим энтузиазмом, чем мог сам предположить, – поглощало все свободное время. Уже третий день я с помощью капитана Глока гонял ополченцев. Разбивал их по отрядам, назначал командиров из числа

стражников, ругался со слугами арсенала.

Охотники и лесные рейнджеры формировались в сотни лучников. Большинство из них были наполовину эльфами, так что стрелять научились раньше, чем ходить. Встречались представители и других рас, особенно меня поразили огромный полуорк Трок. Я мог смотреть ему прямо в глаза, сидя на лошади и не наклоняя головы. Под стать хозяину был и его лук со стрелами, больше подходящими для баллисты. Трок был следопытом, причем одним из лучших. Глядя на его размеры, с трудом можно было представить, что этот Черный медведь передвигается тихо, как лесная кошка. Трок стал одним из моих личных телохранителей.

Крестьяне и ремесленники, впервые взявшие в руки оружие, назначались в сотни копеечников. По большей части они будут использоваться для разбивки и установки лагеря, наведения переправ и постройки полевых укреплений. В бою они будут играть вспомогательную роль, оказывая поддержку оркским пехотинцам и феодальным дружинам.

Все умеющие обращаться с мечами формировали сотни мечников. В основном это были охранники купеческих гильдий, кузнецы-оружейники, осужденные преступники: за участие в военных походах все прегрешения перед короной, за исключением убийств, прощались. Эти воины составят центр знаменитого «кулака орков» – боевого пехотного порядка из пяти-восьми тактических единиц, «пальцев», численностью в две-три тысячи воинов. Каждый «палец» имел

сто человек по фронту и тридцать человек в глубину. Первые четыре шеренги по фронту и флангам составляют пикинеры и алебардисты, дальнейшую формацию составляют мечники, в середине построения находятся знамена. На поле боя «пальцы» располагались в две или три линии в шахматном порядке. Интервалы между ними занимали лучники. Во главе каждого «пальца» стоит «военный вождь». Командир «кулака» именовался «рукой». Возможно, по силе удара «кулак орков» уступал «гномьему хирду», зато превосходил последний в скорости передвижения и маневренности.

Падший дернул меня согласиться с предложением Глока и устроить вечером пятикилометровый марш-бросок в полной выкладке. «Армия Восточного королевства всегда славилась своими стремительными маршами», – усмехаясь, заявил он мне. К сожалению, причину его усмешки я понял гораздо позже. Причем Глок настаивал, чтобы я лично возглавил это мероприятие и задавал темп. По его плану, это должно было способствовать увеличению моей популярности! К концу марш-броска я был готов лично себя придушить за согласие на эту пытку; думаю, у большинства добежавших были такие же мысли. Я-то рассчитывал задавать темп, сидя на своем жеребце Шторме. Но у Глока на этот счет были другие планы, и мне пришлось бежать на своих двоих, вспоминая дни загубленного этим садистом детства. Хорошо еще, что в тот день я не надел тяжелых доспехов, ограничившись легким гномьим «хауберком» – кольчужной

рубашкой до колен с длинными рукавами и капюшоном. Те, кто считает, что в тяжелых доспехах нельзя быстро двигаться, и уж тем более бегать, никогда не проходил обучения под руководством Глока. Если бы дядя Уритрил приказал старому капитану научить меня и Ольдена летать, я почти уверен – Глок бы нас научил.

Забег прошел в теплой дружеской обстановке. Путаясь в ножнах, ударяясь головой о пристегнутые к спинам щиты, матерясь и проклиная Падшего, а заодно и меня, воины уже сформированных сотен нарезали круги вокруг лагеря. Бойцы, еще не распределенные по отрядам, радостно наблюдали за нашими мучениями. Правда, радовались они недолго. Пробежав, я первым делом отдал приказ Глоку на следующий день устроить марш-бросок для всех не бежавших сегодня – пусть без оружия и доспехов, но в три раза длиннее.

Из-за недостатка времени последние несколько дней я ночевал прямо в лагере, в разбитом походном шатре. За день я выматывался настолько, что обычно заваливался спать, едва содрал доспехи. В этот день все происходило так же, только в палатку я не вошел, а, скорее, вполз с единственным желанием: чтобы меня кто-нибудь добил. Кстати, желающих в тот день стало гораздо больше – сотен на семь. Развалившись на прекрасно знакомой медвежьей шкуре, заменявшей мне постель, я потянулся к стоящей у изголовья «ложа» корзинке. Там была припрятана целая бутылка вина. К моему удивлению, корзинка оказалась пуста! В ней лежала только

небольшая записка, в которой две до боли знакомые мне особы извещали одного знакомого им принца, что вечером завтрашнего дня ожидают его высочество в его замковых апартаментах. В случае неявки указанного высочества в означенное время высочеству предлагалось искать для дальнейшей жизни место подальше от королевского замка.

Искуситель – внутренний голос – сразу же предложил несколько вариантов решения проблемы. Особенно многообещающим показался вариант с толстым суком и крепкой веревкой.

Тяжело вздохнув и сунув записку обратно в корзинку, я завалился спать.

Днем, свалив на капитана Глока руководство ополченцами, я стал основательно подготавливаться к предстоящей встрече. Разумеется, никаких мечей брать с собой я не собирался. А вот с особо прочными гномьими доспехами и наиболее сильными защитными амулетами расставаться не стал. Время военное все-таки. Здравомысленно рассудив, решил, что брать на свидание шлем и щит – плохая мысль.

Прибыл поздно вечером в замок. Захватив на кухне пару бутылочек хорошего вина и немного фруктов, я пошел на место назначенной встречи.

Уже на подходе к башне меня насторожило полное отсутствие охраны и слуг. В то время как остальная часть дворца, несмотря на позднее время, гудела, как пчелиный улей.

Соблюдая все мыслимые меры предосторожности, подхожу ко входу в башню и открываю дверь. Пока все тихо. Можно поздравить себя с успешным началом первой фазы встречи. Поднимаюсь наверх, в свою комнату, открываю дверь и застываю в состоянии полнейшего удивления. Хлорина и Дэя – обе – находятся в моей постели. Одеты они... Хм... Легче сказать, что они раздеты. Прозрачные ночные рубашки признавать одеждой разум решительно отказывается. Сердце начинает бешено ускорять свой ритм. В легких ощущается недостаток воздуха.

Мое появление не вызывает никакой реакции, кроме обольстительных улыбок на двух совершенных лицах.

– Кажется, обошлось, – комментирует внутренний голос, а дрожащие руки в это время судорожно пытаются отстегнуть пряжки доспехов. Вмиг два ангела превращаются в беснующихся фурий. Отреагировать на столь резкое превращение капитулировавший мозг не успевает.

– С каждым разом совместное заклинание телекинеза им удастся все лучше и лучше, – дает комментарий внутренний голос, тело в это время летит вниз по лестнице. Все-таки надо было надеть шлем!

Все вокруг чернеет, я теряю сознание.

Очнулся и почувствовал, что две пары рук осторожно обследуют мое покрытое доспехами тело.

– Лекс, с тобой все в порядке? – спросила Хлорина.

– Леклис, прости, – плакала Дэя.

Я был уверен, что умер, но в настоящий момент меня это не волновало. Под моей головой вместо подушек были четыре прекрасные груди, а надо мной склонились два встревоженных ангельских лица.

Решив, что в чертоги создателя еще успею, я громко застонал.

– Лекс, не умирай! – всхлипнула Дэя, целуя меня.

– Дай ему воздуха, ты, похитительница чужих женихов! – возмутилась Клорина. – Ты виновата, что мужчина, которого я люблю, лежит здесь и умирает.

– Я виновата?! Это твоя глупая затея с телекинезом чуть не убила его! – закричала Дэя.

Похоже, назревает скандал.

Я снова громко застонал и сделал вид, что с трудом могу открыть глаза.

Обе девушки стали меня успокаивать, глядя по голове.

«Хорошего помаленьку», – решаю я, поизображав пару минут израненного героя. С трудом поднявшись на ноги и пошатываясь, пытаюсь подняться по лестнице. Уже на третьей ступеньке жутко кружится голова, и я начинаю заваливаться назад. Видимо, столь скорый спуск подействовал на меня гораздо сильнее, чем я думал. Дальнейшая картина напомнила картину четырехдневной давности, но с точностью до наоборот. Не я нес девушек, а они несли меня. Клорина поддерживала меня с левой стороны, Дэя – с правой. Совместными усилиями им удалось довести меня до моей по-

стели.

Вынув из доспехов и стянув с меня одежду, девушки усиленно принялись разминать мое ушибленное тело.

– Кажется, поспать мы сегодня не сможем, – опять вклинился с комментариями внутренний голос. На этот раз он был абсолютно прав.

Разбудил меня настойчивый стук в дверь.

Глаза удалось разлепить только с четвертой или пятой попытки. Стараясь не разбудить лишь под утро утомившихся девушек, с трудом умудряюсь встать. Прикрыв себя какими-то тряпками, иду принимать раннего посетителя, твердо решив спустить оного с лестницы, если он меня разбудил из-за ерунды.

На пороге, смущенно переминаясь с ноги на ногу, стоял Торк.

– Простите, ваше высочество, капитан Глок просит вас скорее прибыть в лагерь.

– Торк! Ты не мог бы передать капитану, что я занят?

– Ваше высочество, капитан просил передать, вам... вас... они... – Торк смущенно устался в пол. Несмотря на свой рост, Торк был на удивление добродушным и застенчивым малым. Проводя большую часть времени в одиночных рейдах по бескрайним лесным просторам королевства, он испытывал явные трудности при общении.

– Что еще просил передать капитан?

– Он просил передать, что если вы не придёте в лагерь сами, он притащит вас в него за уши.

– Хм, он может. Ладно, Торк, проследи, чтобы подготовили моего жеребца Шторма.

– Слушаюсь, ваше высочество. – Немного замявшись, он кланяется и уходит.

Стараясь не шуметь, быстро одеваюсь. Похоже, тайные побеги из собственных покоев становятся традицией.

– Лекс, даже не думай снова сбежать! – садится в кровати Дэя, ее огненно-рыжие волосы растрепанной гривой спадают на спину.

– Солнышко, я бы рад остаться, но не могу.

– Ты нас совсем не любишь! – соблазнительно покачивая бедрами, подходит ко мне Клорина, закутанная в простыню. Растрепанные после сна волосы искрятся чернотой.

С трудом проглатываю слюну, любуюсь совершенной формой груди, обрисовывающейся под тонкой тканью простыни. Это все мое?

– Тут вы правы: не люблю, – улыбаюсь я.

– Наглец! – получаю пощечину от Клорины по левой щеке.

– И от меня добавь, – улыбается из постели Дэя.

Получаю пощечину по правой щеке.

– Почему мы тебя любим? – заявляет Дэя, подобно кошке потягиваясь на кровати.

– Потому что я силен, красив, умен и необыкновенно скромн.

– Скорее, потому что ты – принц, – усмехается она.

– Девушки, если вы метите в королевы, спешу вас огорчить: королем становиться я не собираюсь. Пусть у Ольдена болит голова от налогов, законов и дипломатии, – ухмыляюсь я. – Ладно, мне пора, дня три я в замке не появлюсь.

– У-у-у, как скучно, можно нам отправиться с тобой?

– Может, среди твоих подчиненных мы найдем парочку более симпатичных мальчиков, – поддерживает подружку Клорина.

– Только попробуйте – и останетесь без десерта! – Обхватываю Клорину за талию, притянув к себе, нежно целую в губы.

– А мне десерт? – обиженно надувает губки Дэя.

– Я могу получить его за тебя, – еще крепче прижимаясь, шепчет Клорина, легко кусая мою шею.

– Попробуй, и тебе придется учиться летать! – вспыхивает Дэй.

– Не ссорьтесь, девушки. – Отпускаю Клорину, подхожу и целую Дэю. – Мне пора.

Дни шли своим чередом. Королевство готовилось к войне. В столицу прибывали рыцари, стягивались ополчение и дружины. Прибыли пять тысяч орков графа Сердрика под руководством полковника Луска, героя последней войны. Формировались обозы, запасался фураж для лошадей, ковались запасные гвозди и подковы, точились мечи, штопались коль-

чуги. Украшенные шрамами ветераны обучали новичков.

Наконец к назначенному сроку приготовления были закончены, выход армии был назначен в полдень.

Проснулся я в тот день довольно поздно. Вчерашним вечером девушки устроили мне прощальный ужин, закономерно закончившийся в постели. Поцеловав на прощание Клорину и, разумеется, Дюю, уставший, но довольный, я, надев доспехи и захватив сложенные в поход вещи, отправился в лагерь. Там Торк должен был позаботиться о моем шатре и сменных лошадях.

В лагере завершались последние приготовления к походу, снимались пехотные палатки и рыцарские шатры. Войска выстраивались в две колонны вдоль городской стены напротив ворот. На стенах наблюдать за выходом войска собрался, казалось, весь город.

Затрубившие сигнальные трубы сообщили о приближении короля. Дядя в сопровождении свиты выехал из городских ворот, по правую руку от него ехал Ольден. Что-то в его виде подсказывало мне, что спал он в эту ночь довольно мало. Слева двигался лорд-маршал. За ними следовали две сотни королевских рыцарей под пурпурным штандартом королевства с изображением вставшей на дыбы химеры, украшенной коронами. Внушительное зрелище!

Терпеть не могу этих утомительных ритуалов! Добрых полчаса пришлось ждать, пока дядя обьедет и поприветствует выстроившиеся отряды. Наконец вновь затрубили сиг-

нальные трубы и дядя направил коня по дороге на север. Следом двинулись сотни всадников, цвет рыцарства королевства. За ними пошли пехотные колонны, которые я и возглавил совместно с полковником орков Луском.

Поход начался...

Глава 4

Битва

Звонко лопалась сталь под напором меча,
Тетива от натуги дымилась,
Смерть на копьях сидела, утробно урча,
В грязь валились враги, о пощаде крича,
Победившим сдаваясь на милость.

Владимир Высоцкий

– Вот-вот рассвет. Как ты думаешь, сколько их там? – хмуро спросил Ольден: в последний месяц он вообще редко улыбался. Да и я, признаться, тоже.

Мы сидим прямо на земле около походного шатра. Вокруг встревоженным ульем гудит просыпающийся лагерь. В предвкушении нашей первой битвы спать мы не ложились. Дядя и лорд-маршал обладали большим опытом и после окончания совещания с другими руководителями похода – отдыхали.

– Разведчики говорят, что более ста тысяч, и к ним про-

должают подходить подкрепления.

– Будь проклят Падший, их столько же, сколько и нас! – Ольден со злостью втыкает в землю кинжал. – Когда и, главное, как дракон узнал время и место вторжения?

– Ты думаешь, они знали заранее?

– Почему заставы на границе были пустыми? Почему все селения драконитов оставлены без суеты задолго до появления наших войск? Обычно бегут, схватив только самое необходимое. Где это видано, чтобы беженцы оставляли в домах только голые стены? Дракон знал, что мы идем, поэтому заранее отвел жителей и войска!

– Может, магия? – пожимаю я плечами.

– Нет, с армией идет куча магов. Весь поход они контролировали магическую активность на несколько лиг вокруг.

– Но мы же сняли кучу войск с восточных границ! Да и шпионы дракона не спали.

– Ну и что? Они могли знать только о выходе войска, но не о цели удара. Ничейные земли граничат с тремя драконьими королевствами. Как они узнали, что целью будет Утар-Ар-Лог? Кто-то его заранее предупредил о наших планах и указал направление главного удара, и этот кто-то был явно не из простых воинов!

– Да ладно тебе ворчать, Ольден, признайся, что ты просто соскучился по своей ненаглядной Аэлите, – вкрадчиво произношу я, проверяя, как выходит из ножен лежащий на коленях меч. – Сегодня мы наконец-то завершим эту про-

клятую Падшим кампанию. А в подарок своей драгоценной невесте привезешь драконью голову. Сам знаешь: все затевается ради этой головы.

Эльфийские маги придумали какое-то хитрое заклинание, которое сможет убить дракона. В этом походе были все шансы его испытать.

Ольден улыбнулся:

– В отличие от тебя, мне не приходится ходить к своей невесте закованным в латы.

Слухи о моих похождениях не могли долго оставаться в тайне.

– Кстати о латах, – вставая, продолжает он. – Помоги мне в них влезть, а то мой оруженосец куда-то пропал.

Идем в шатер, где помогаю Ольдену натянуть поверх плотного стеганого поддоспешника двойную гномью кольчугу и кольчужные штаны. Пристегиваю подвижный нагрудник, так называемую «рачью грудь», с юбкой, наспинником и набедренниками. Ольден возится с наручами, с привязными налокотниками в форме полураковины. Поверх нагрудника надеваю вороненое «ожерелье» (высокий стальной воротник с гибкими наплечниками). Завершают одеяние пластиковые поножи и рифленые перчатки с выступами на суставах.

– Вот теперь я готов к подвигам, – комментирует Ольден, беря шлем и полуторный клинок эльфийской ковки с пламевидным лезвием и длинным долом¹. – Тебе помочь собраться?

1 Дол – углубление в виде желобка овального, треугольного или четырехугольного сечения, идущее вдоль клинка: для облегчения веса клинка и увеличения его сопротивления изгибу.

– Обойдусь. Лучше проследи, чтобы подготовили Шторма, – бросаю я, выходя из шатра.

– Ладно, прослежу.

Зайдя к себе, довольно быстро влезая в привычный «хауберк» и кольчужные штаны с увенчанными небольшими шипами наколенниками. Поверх – холщовая налатная накидка со своим гербом: увенчанная коронами химера на черном фоне. Химера – герб Восточного королевства, короны показывают принадлежность к королевскому дому, черный цвет означает верность. Закидываю за спину круглый щит. К поясу слева креплю простой и надежный двухфутовый оркский палаш. Справа пристегиваю узкий четырехгранный кинжал милосердия – клинок с вогнутыми гранями, с рукоятью и ножнами из черного рога. Взяв на локоть шлем, покидаю шатер и направляюсь к импровизированной конюшне для королевских лошадей в центре лагеря.

Небо на востоке стало ярко-алым. Цвет крови. Скоро над горизонтом поднимется солнце. Многие сегодня увидят его в последний раз.

У конюшни меня уже ждет Ольден, держа под уздцы двух

вороних жеребцов: моего Шторма и своего Лорда. К седлу Лорда приторочено длинное копьё и треугольный щит с такой же химерой, как и у меня, но на синем фоне, символе чести.

– После свиданий разлюбил тяжелые доспехи? – поглядев на меня, хмыкает он.

– В них слишком больно падать, – улыбаюсь я, – и сомневаюсь, что здесь кто-то умеет делать массаж.

– Попроси Торка.

– Я сказал – массаж, а не отбивную.

– Пойду собирать рыцарей. – Ольден вручает мне поводья Шторма. – Присмотри за ним.

– Конечно, присмотрю: это мой любимый конь.

– Я не к тебе обращаюсь, а к Шторму... Удачи, Лекс, – Ольден неожиданно стискивает меня в объятьях. – Сегодняшний день запомнят в веках, он многое изменит.

– Удачи, тебе, Ольден! – Хлопаю его по спине. – Только не вздумай умирать! Как я это объясню Аэлите?

– Аэлита не может угостить тебя огненными шарами, так что лучше сам поостерегись. Объясняться с твоими тигрицами я не стану. Мне еще дорога моя жизнь, – размыкая объятия, произносит Ольден. – Ладно, хватит обниматься. Сегодня вечером мы отпразднуем нашу первую битву. До встречи!

– Пожалуй, пора будить пехотинцев, – говорю сам себе, провожая взглядом его удаляющуюся фигуру.

Ольден помогает лорду-маршалу командовать рыцарской кавалерией. Мне, как всегда, поручили пехоту. Моим заместителем был полковник Луск, хотя, говоря по правде, скорее это я был заместителем Луска. Все мое командование зачастую сводилось к озвучиванию его «советов».

Эта дурацкая кампания не задалась с самого начала, думал я, направляясь к полковнику орков. Благословение создателя! Во имя чего нашему славному императору понадобилось вновь развязывать войну с драконьими владыками?! Обычно эти войны заканчивались, после массового кровопускания в паре-тройке битв, возвращением враждующих сторон на исходные рубежи. Это в том случае, если в битву не вмешивались сами драконы-повелители. Если от одного дракона при поддержке стрелков и магов можно было хоть как-то отбиться, понеся большие потери и не причинив дракону существенного вреда, то с появлением на поле боя второго дракона битва превращалась в бойню. К счастью, альянсы друг с другом у них были достаточно редки и недолговечны, да и направлены такие альянсы бывали только против других драконов.

Мы двигались на восток. Почти месяц пришлось трястись в седле, продвигаясь с объединенной армией в глубь Драконьих земель. На пути движения не было никого, редкие поселения и заставы драконитов были пугающе пусты. Сохнувшая трава, редкие рощи, дневная жара и ночные насекомые.

Жуткая скука. Вот и вся романтика Великого похода во имя Света. Наша почти сорокатысячная армия составляла авангард основных сил. Войска шли двумя колоннами. Впереди и по флангам на расстоянии одного перехода двигались легкие конные разведчики. Армии человеческих королевств двигались вслед за нами. Десятитысячная армия гномов составляла арьергард. Пятидесятитысячное эльфийское войско двигалось в двух переходах позади. Наконец, уже на подходах к цитадели Утар-Ар-Лога, разведчики сообщили о преградившей дорогу армии дракона.

Основу драконьих войск составляли дракониты: покрытая змеиной кожей, сотворенная Падшим жуткая пародия на создания творца. Все созданные творцом расы могли иметь детей в межрасовом браке – полукровок. С драконитами такого не было.

Сражались дракониты обычно в пешем строю или на ящерах, которые были чуть ниже и в два раза шире лошади, с длинным, украшенным шипами хвостом. Сидели на них обычно парами: один драконит управлял ящером, другой удерживал длинное, с тройным наконечником копьё. Эффективность такой «кавалерии» была крайне низкой, ящеры были слишком медлительны для таранного удара. И брали, скорее, своей массивностью и живучестью.

Иногда во главе войска выступали драконы.

Убить дракона. Ха! Раньше такое случалось только в детских сказках с благородными рыцарями и прекрасны-

ми принцессами. Драконы абсолютно невосприимчивы ко всем видам магии, в том числе и боевой. Чешую дракона не могло поцарапать даже зачарованное оружие. Пробить кожу на крыльях не могли эльфийские длинные луки и тяжелые гномьи арбалеты. Тяжелые баллисты могли пробить крылья дракона, но были слишком неповоротливы. Попробуйте сбить поливающую поле боя огнем и магией бронированную тучу,двигающуюся со скоростью хорошего скакуна. Сложно представить, что дракон будет ждать, пока в него прицелятся и выстрелят. Драконов часто называли злыми и коварными, но глупыми – никогда. В бою они уничтожали в первую очередь все то, что может им повредить.

Всего Падшим было сотворено десять драконов-повелителей для руководства другими своими творениями – драконитами. Они поделили между собой большую северо-восточную часть материка, образовав десять драконьих королевств. Шесть из них прекрасно себя чувствуют и по сей день. Если бы не взаимная ненависть и постоянные междоусобные войны, в которых погибло три дракона, они давно бы уже были правителями мира.

Во время Великого Вторжения, около полутора тысяч лет назад, объединенной армии тогда еще молодой Рассветной империи удалось уничтожить руководившего вторжением дракона-повелителя Штар-Ар-Лога. Именно на его землях спустя семь веков образуется королевство полукровок, позднее названное Восточным. Дракон и его армия, преследуя

разбитые войска империи, вошли в одно из ущелий Железных гор. Именно там совместными усилиями лучших магов империи была приготовлена ловушка. На зажатого в ущелье дракона и его армию маги обрушили горные склоны. Как утверждают легенды, ущелье было засыпано до вершин гор, а сами горы, окружающие ущелье, стали вполовину ниже. Одно известно точно: заваленное ущелье разбирали около десяти лет. Найдя тело Штар-Ар-Лога, маги не увидели на нем сколь-нибудь заметных ран. Заваленный скальными породами дракон просто задохнулся.

Все эти мысли крутились в моей голове, пока я вел Шторма вдоль развернутых пехотных палаток, направляясь к полковнику Луску. Задумавшись, я чуть не налетел на Торка, бесшумно возникшего откуда-то сбоку. Если мне малая пехотная палатка была где-то по пояс, то ему – по колено.

– Служу королю и королевству, – как всегда пряча взгляд, поприветствовал меня он. – Ваше высочество, полковник Луск приказал вас разбудить. Время поднимать войска.

– Спасибо, Торк, но я не ложился, так что будить меня не надо. Как видишь, я и сам направляюсь к полковнику. И буду рад, если ты меня проводишь.

– Служу королю и королевству, – опять начал он ту же песню.

Простую просьбу этот здоровяк принимал как приказ. Дальше идем вместе.

– Торк, почему мы воюем с драконитами?

– Ваше высочество?

– Я спрашиваю: для чего этот поход?

– Мы должны убить дракона-повелителя, ваше высочество, – смущенно отвечает орк, – он – создание Падшего и служит злу.

– Создание Падшего – да, – соглашаюсь я. – А при чем тут зло? Торк, мы уже месяц бредем по «проклятой» земле. И что ты видишь? Покинутые селения мало отличаются от селений в нашем королевстве. Нет ни заборов из костей, ни ужасных капищ для кровавых жертвоприношений. Почему мы решили, что они зло? Кто нам дал такое право? И почему мы несем добро на кончике меча?

– Но, ваше высочество, мы же с ними постоянно воюем.

– Мы воюем от времени Сотворения. И чаще всего – друг с другом. Драконы делают то же самое.

– Не знаю, ваше высочество, я простой следопыт, – оправдывается он.

– Ладно, Торк, не бери в голову – наверное, я просто устал, – промолвил я. – Просто устал.

Прикрывая ладонью глаза от солнца, поднявшегося над горизонтом, я осматривался вокруг. С высокого холма на левом фланге, где находилась королевская ставка, открывался вид на место предстоящей битвы.

Войска уже заняли свои позиции. Прямо передо мной в две линии разворачивались пять «пальцев» «кулака орков» с рыцарями на флангах. Далеко на правом фланге я с тру-

дом различил несокрушимый плотный строй щитов десяти-тысячного «гномьего хирда». Огромная квадратная масса в сто рядов по фронту и сто шеренг в глубину. Гномы оставались верны своим секирам и топорам, категорически не признавая пик и алебард, а мечи делали только на продажу. Помимо этого у каждого гнома имелся короткий арбалет, закинутый за спину. Атаку хирда всегда предварял ливень пущенных с близкого расстояния арбалетных болтов и металлических топоров. В центре завершали построения войска человеческих королевств. Тут балом правили почти пять тысяч тяжелых рыцарей – настоящая конная лавина. За рыцарями в три расположенные друг за другом баталии выстроились отряды пехоты. На долю Восточного королевства остался левый фланг.

Войска драконитов сплошной линией вытянулись по гребням расположенных на востоке холмов, надежно скрывающих большую часть их армии от любопытных взглядов.

Неожиданно в центре людского войска запели трубы, и конная лавина медленным шагом двинулась в сторону темнеющих рядов противника.

Рядом со мной грязно выругался дядя:

– Проклятье Падшему! Что они творят?! – в бешенстве размахивая выдернутым из ножен клинком, ревет он. – Ведь решили же начать сражение с фланговых ударов пехоты! Славы захотели?! Кретины, они даже не стали ждать своей пехоты!

В это время конная лавина постепенно начала убыстрять бег, разгоняясь для удара. Даже на расстоянии чувствовалась дрожь земли под тысячами копыт. Неожиданно атакующая кавалерия растворяется в воздухе. На месте тысяч всадников – только дрожь земли и катящаяся волна сминающейся травы. Полог невидимости. В бой вступили боевые маги.

С небес срывается ветвистая молния, ударяя, казалось бы, в пустое место; словно из воздуха в месте удара падают лошади и люди, полог невидимости мгновенно слетает с несущихся во весь опор всадников. Маги врага тоже не спят. Вот кавалерийская лавина появляется уже в ста ярдах перед вражеским строем. Со стороны драконитов хрипят роги, неожиданно весь центр их армий разворачивается и отступает назад, почти скрываясь за гребнем холма. Перед изумленными рыцарями вырастает лес глубоко вбитых толстых кольев. Лошади переднего ряда просто нанизываются на них, словно дичь на вертел, кажется, что лавина врезается в невидимую стену. Ржание покалеченных лошадей и крики людей сливаются в жуткую какофонию звуков. По флангам смешавшейся конной лавины ударяет пехота драконитов, начиная избивание гордости семи королевств. Рыцари отчаянно сопротивляются, но, сбитые в кучу и окруженные с флангов, лишённые своего главного преимущества – таранного разгона, – падают один за другим. Помочь рыцарской кавалерии некому: пехотные части только приготовились выступить. Остатки рыцарей начинают спешно отступать, оставляя на земле

своих менее везучих товарищей. В спину им срывается ливень стрел, но, не долетая, подобно мотылькам, летящим на огонь, сторает в воздухе. Сорвавшаяся с небес молния также не наносит вреда, разбиваясь веером искр.

– Надеюсь, идиот, скомандовавший эту атаку, остался в гостях у драконитов! Леклис, мальчик мой, – поворачивается ко мне дядя. – Начинай атаку.

– Служу королю и королевству! – Ударяю рукой по груди и, прищпорив Шторма, рысью устремляюсь к замершему у холма «кулаку», за моей спиной грохочут копытами три десятка королевских рыцарей – мои телохранители.

Подлетев к стоящему между первой и второй линиями «пальцев» Луску, киваю головой:

– Командуйте, полковник, начинаем.

– Будет исполнено, Рука! – кивает он. – Сигнальщик, два коротких, три длинных!

Над полем боя играет сигнальный рог.

– П-р-р-риготовиться! – гуляют по шеренгам крики сотников.

– Барабаны, счет! – продолжает командовать Луск.

По команде начинают бить барабаны, под их счет «кулак» вместе с лучниками начинает движение. С левого фланга похожим образом начинает наступать гномий хирд.

Под бой барабанов «кулак» начинает обманчиво медленное движение.

Триста ярдов.

– Держать строй!

Со стороны вражеских войск прилетает несколько слабеньких огненных шаров, разбивающихся о магическую защиту.

Двести ярдов.

– Сигнальщик! – снова командует полковник: – Три коротких, один длинный!

По полю гуляет сигнал рога, ему вторят сотни лучников:

– Стой! – Лучники останавливаются в промежутках между «пальцами», «пальцы» продолжают движение.

– Готовься! – Стрелы накладываются на тетиву.

– Дуга три пальца! Целься!

– Огонь! – Лучники второй линии делают залп, стрелки первой линии пропускают «пальцы» второй.

Сто пятьдесят ярдов.

Первые два залпа лучников сгорают, остановленные магической защитой. Зато два последующих достигают целей: похоже, нашим магам удалось снять защиту. А туча стрел, прилетевшая из-за гребня холма, бессильно сгорает, не долетая до наступающих пехотинцев. Очередной залп лучников проходит над головами. Поняв, что обстреливать наступающий «кулак» бесполезно, лучники драконитов начинают обстреливать наших лучников. Первые убитые и раненые падают в траву. Маги не всесильны, и магической защиты над стрелками нет. Пожертвуй меньшим, чтобы сохранить боль-

шее. Кровавый, но по-своему честный закон войны.

Сто ярдов.

– Мечи из ножен! Пики, товсь! Бегом а-р-р-рш!

Пики опускаются, чаще бьют огромные оркские барабаны, «пальцы» начинают ускоряться.

Пятьдесят ярдов.

«Пальцы» второй линии занимают промежутки первой линии, образуя единую колючую волну.

Над рядами проносится оглушающий боевой клич орков:

– У-р-р-р! – «Ур», с оркского – «бей».

Сшибка.

Пикенеры самозабвенно колют все, что движется. Стена щитов начинает прогибаться, дракониты отчаянно рубят концы пик, мечут копыя. Все смешалось. Треск ломающихся пик, шипение и крики ярости и боли, отрывистые команды.

Я и Луск с резервом и моей охраной располагаемся за вгрызающимся в драконьи порядки стальным «кулаком орков».

Позади нас лучники начинают посылать стрелы за гребень холма, пытаясь поразить драконьих стрелков. Те яростно отвечают им, и их стрелы собирают обильную кровавую дань. Неожиданно мое внимание привлекает начавшая странно сминаться трава на склоне одного из холмов, в четырехстах ярдах левее кипящей свалки.

– Торк!

Молчаливый гигант возникает рядом со мной:

– Да, ваше высочество!

– Ты можешь послать стрелу вон в тот склон?

Торк кивает и скидывает с плеча свой восьмифутовый лук. Накладывает на тетиву, больше похожую на корабельный канат, длинную стрелу, еще четыре стрелы втыкает в землю перед собой. Пять сухих щелчков тетивы о наперсток перчатки лучника – стрелы по крутой дуге устремляются к склону далекого холма. Ниже. Ниже. Четыре стрелы втыкаются в землю, одна, казалось бы, застревает в воздухе. Внезапно далекий склон холма становится усыпан сотней ящеров, строящихся для атаки. Полог невидимости – крайне нестабильное заклинание, порой снять его может даже сильный порыв ветра. Интересно, зачем маги попытались укрыть им атаку рыцарей? Хотели напугать драконитов?

– Проклятье Падшего! Полковник, у нас неприятности! – Показываю Луску на склон холма. – Эти долбаные маги прозевали вражеских ящеров! Нужно спасать лучников!

– Сигнальщик, три коротких, три длинных. Слезы творца, где наша кавалерия?! – ревет он.

Перекрывая гвалт битвы, поет рог. Лучники начинают откатываться назад, они уже и сами заметили опасность. Слишком поздно: ящеры начали ускорять движение. Лучникам не успеть, стрелами ящеров не остановишь. Нужен удар тяжелой кавалерии. В голову приходит единственно правильное решение: пожертвуй меньшим, чтобы сохранить большее.

– Тебе жить надоело? – вопрошает внутренний голос. – А так хорошо все начиналось!

– За мной! – надевая шлем и легко пришпорив Шторма, команду я своим телохранителям.

Наверное, со стороны эта безумная атака выглядела красиво. Три десятка рыцарей, идущих наперерез наступающему валу. Копыта лошадей вздымают комья земли. Солнечные лучи отражаются от сверкающих доспехов. Ветер колышет нашлемные плюмажи и флажки на концах копий.

Дракониты разворачивают ящеров на нас, решая сначала раздавить кучку сумасшедших всадников, оставив лучников напоследок.

Мои телохранители опускают копья и выстраиваются в линию.

Со страшным грохотом ряд рыцарей врезается в свободный строй ящеров. Отчаянное ржание лошадей перебивается треском ломающихся копий и криками всадников. Шторм проносится между двумя массивными тушами. Слегка наклоня щит, отражаю удар копья слева. Мечом рублю копейщика справа. Шторм легко перепрыгивает через качающиеся из стороны в сторону, волочащиеся у самой земли хвосты и едва не сталкивается со вторым рядом ящеров.

Скользкий удар проходит по шлему: не успел среагировать. Меч пробивает плотную чешую ящера справа. Такая рана – лишь царапина для этого гиганта.

Неожиданно Шторм встает на дыбы, копьё с тройным на-

конечником входит в его грудь. Выпрыгиваю из седла начавшего падать коня. Вокруг меня мешанина ящеров, еще не выбитых рыцарей и лишившихся седоков лошадей. На земле хрипит Шторм. Подскакиваю к боку ближайшего ящера. Драконит пытается поразить меня копьем. Отвожу удар щитом и зарубаю невезучего копыеносца. Второй драконит сбивает меня с ног, с диким шипением бросившись на меня прямо со спины ящера. Падаем, я теряю меч, драконит наваливается сверху, пытаюсь ударить узким кинжалом. Перехватив правой рукой руку с кинжалом, сильно бью его краем щита по голове. Тело драконита обмякает на мне, с виска тонкой струйкой течет кровь. Поднимаюсь с земли. Недалеко бьет хвостом лишившийся наездников ящер. Бросив щит, забираюсь по широким ремням на его спину. Поднявшись наверх, достаю из ножен узкий клинок. Пристраиваю кинжал в месте соединения головы и толстой шеи: как мне рассказывал Луск, именно тут находится одно из уязвимых мест ящеров. Всем телом наваливаюсь на рукоять кинжала. Ящер ревет от боли, его передние ноги подгибаются, он медленно оседает. Во второй раз оказываюсь на земле. Наконец уши жадно ловят близкий длинный звук рога. Сигнал, предвещающий атаку тяжелой кавалерии. Оставшиеся дракониты начинают отступать. Ложусь за телом уже переставшего биться в предсмертной агонии ящера, накрываюсь подобранным щитом. Глупо умереть под копытами собственной конницы не входит в мои планы.

Через несколько мгновений прокатывается вал тяжелой кавалерии. Несколько лошадей перепрыгивают через мое импровизированное убежище. Кажется, все. Теперь можно перевести дух. Устало поднимаюсь с земли и, сев на тушу ящера, оглядываю место битвы. Все мои рыцари мертвыми лежат на земле, если среди них и были раненые, то они погибли, затоптанные лошадьми.

– Они тебе верили, Лекс, а ты обрек их на смерть. Как ты будешь смотреть в глаза их родным? Сможешь ли объяснить, почему выжил сам?

Впережку с ними валяются несколько десятков драконитов и четыре ящера. Взгляд останавливается на лежащем Штурме: благородное животное еще живо. Подхожу к своему коню и встаю перед ним на колени, осматривая рану. Плохо. Очень плохо. С такой раной ему не сможет помочь даже квалифицированный маг. Проклятье Падшему! Мне предстоит сделать грязную работу. Взгляд умного животного полон боли и понимания. ПОМОГИ, ТЫ ЖЕ ВИДИШЬ, КАК МНЕ БОЛЬНО! Достая уже послуживший мне сегодня кинжал. Руки противно дрожат. Обнимаю лошадиную голову и пристраиваю стальное острие снизу. Прости, друг, покойся с миром! Закрываю глаза и крепко прижимаю к себе голову Штурма...

Глава 5

А гибнуть во цвете – уж лучше при свете...

Столица Рассветной империи

Двери отворяются. Входят два эльфа-стражника. Поверх доспехов – зеленые плащи, расшитые золотом. Золотой и зеленый. Цвета императорского дома.

На мой вопросительный взгляд один из них утвердительно кивает:

– Пора, ваше высочество.

Шагаем не спеша по прекрасным залам императорского дворца. С удовольствием оглядываю богатое убранство залов. С еще большим удовольствием я разнес бы этот дворец по камешку.

Бежать я не пытался. Да и как? Из дворца не выбраться – он нашпигован стражниками и магами охраны. Так что придется доставить эльфийским ублюдкам радость и сыграть спектакль до конца, благо мне в нем отведена одна из главных ролей. Осталось недолго.

Через некоторое время путь нам преграждают еще два эльфа императорской охраны, скучающие на страже около большой позолоченной двери. Увидев нашу процессию, они резко вытягиваются по стойке смирно, нацепляя на лица мину внимания и невозмутимости. Похоже, один из моих конвоиров – важная шишка. Но, впрочем, это уже не важно. Двери отворяются, я оказываюсь в огромном зале императорского Трибунала* с галереями по двум краям широко-

го длинного прохода, оканчивающегося перед ступенчатым возвышением в конце зала с тремя креслами на нем. Стены зала украшены многочисленными стягами с гербами старших эльфийских домов. Несмотря на ранний час, зал забит эльфами. Причем явно не из младших домов. Старшая знать... Garone и Jallile, лорды и леди империи. Похоже, тут присутствует даже несколько garonel'lare (с эльф. – высоких лордов). Для полноты картины не хватает лишь самого Светлого императора.

* Императорский Трибунал – чрезвычайный суд. Созывается только по решению императора. Обычно всего лишь утверждает приговоры, уже подписанные императором или Советом домов.

Скорчив на лице презрительную мину, в звенящей тишине начинаю путь к возвышению. Охранники молчаливо топаят рядом. С двух сторон по всей длине прохода – двойная цепь стражников. Интересно, это меня так боятся? Тешащая самолюбие мысль сделала путь к возвышению гораздо приятней.

Останавливаюсь перед возвышением. За двойным кольцом стражников, на креслах, расположенных около стены, сидят три эльфа. За ними висит огромный зеленый стяг с белым лебедем в императорской короне, взлетающим на фоне восходящего солнца, – гербом империи. С интересом рас-

смаатриваю судьей. Эльфы как эльфы, на вид всем не дашь больше двадцати пяти – тридцати лет, сколько им на самом деле – знает только Падший. Именно поэтому меня никогда не прельщали чистокровные эльфийки, которые довольно регулярно бывали при нашем дворе. Сегодня она молода, свежа и обольстительна, а завтра ты узнаешь, что она умерла от старости. На центральном кресле сидит эльф, тонкие черты лица выражают равнодушие и скуку.

Высокий лорд Уриэль! Глава Дома восходящего солнца! Именно он командовал эльфами в том злосчастном походе. Эльф осматривает меня с ног до головы полным презрения и ненависти взглядом. Я не остаюсь в долгу и отвечаю ему тем же. Наши взгляды скрещиваются, и мы пару минут играем в игру «прогляди дырку в своем противнике». Первым не выдерживает Уриэль. Он отводит взгляд и машет рукой:

– Начинайте!

Худой высокий эльф, стоящий справа от возвышения, начинает монотонно зачитывать обвинение:

– Милостью творца и повелением императора Элберта VII Эльфиниила императорский Трибунал приступает к рассмотрению дела наследного принца Леклиса из Восточного королевства, обвиняемого в заговоре и мятеже против императора и империи...

Речь была длинной, нудной и лживой. Я обвинялся в возмущении покоя в империи, разжигании войны и мятежа с преступной целью захвата власти, убийстве граждан импе-

рии и прочем... Исходя из обвинения выяснялось, что во время похода на драконьи королевства все союзные армии под руководством моего дяди взбунтовались против империи. Только мудрость императора и храбрость верных долго эльфов, сумевших окружить и уничтожить мятежников, не позволили заразе распространиться по землям империи. Бред больного, а не обвинение!

– Обвиняемый, вы признаете свою вину? – обратился ко мне с центрального кресла Уриэль.

Сейчас я вам все выскажу!

– Я полностью признаю свою вину. – На тело напало странное онемение: я не могу шевелиться, мои губы сами произносят слова. – И отдаю себя на милость императора.

Я это сказал?! Проклятье Падшего! Что тут творится? Кто контролирует меня? Управление сознанием – особый раздел магии, запрещенный, наряду с некромантией, на всей территории империи. Пытаюсь вернуть контроль над своим телом и пошевелить рукой. Неудача. Единственное, что удастся – это двигать глазами в бессильной ярости. Похоже, выступить мне не удастся. Кто-то очень хорошо подготовился к процессу.

– Отлично, Трибунал учтет ваше искреннее раскаяние! – Уриэль торжествующе улыбнулся... Похоже, он прекрасно знает цену моей искренности. – И вынесет справедливый приговор.

Еще одна ложь: приговор мне уже вынесен и подписан им-

ператором. Весь этот судебный процесс – лишь концерт на потеху толпе, призванный поддержать иллюзию справедливости и непредвзятости императорского правосудия.

Между тем процесс продолжается, начинают выслушиваться свидетели обвинения. Естественно, свидетелями были эльфы – около десятка, – руководившие эльфийской армией в походе на восток. Они живо обрисовали всю картину подлой измены и вероломного нападения наших армий на своих эльфийских союзников, а также собственный героизм и мужество своих солдат, окруживших – большую в два раза! – и полностью уничтоживших армию мятежников. Если бы я мог контролировать свое тело, то давно катался по полу со смеху. Всех этих свидетелей я запомнил в лицо, клятвенно обещая себе дождаться их в чертогах творца и устроить им там веселую жизнь.

Наконец судебный фарс завершился, в звенящей тишине глава Трибунала огласил приговор:

– Принц Леклис, ваша вина полностью доказана. Злодеяния, совершенные вами, настолько серьезны, что Трибунал единогласно приговорил вас к смертной казни. Принимая во внимание ваше раскаянье, – еще один торжествующий взгляд в мою сторону, – а также далекое родство с императорским домом, Трибунал приговаривает вас к ветру стрел сегодня в полдень на Арене казней.

По толпе зевак, стоящих на галереях, прошел восторженный гул. Еще бы: последний раз эту казнь использовали око-

ло двух сотен лет назад. При неудачном мятеже младшего принца императорского дома.

Паралич, охвативший мое тело, спал. Похоже, маги сняли свой контроль. Я не стал кричать, что ВСЕ ЛОЖЬ, все было не так, нас предали. Не бросился на стоящего за кольцом охраны главу Трибунала. Это ничего бы не изменило, а только позабавило толпу. Толпа остается толпой, она равнодушна ко всему, кроме сплетен, скандалов и денег. Поглядев в глаза главе Трибунала, я тихо задал только один давно мучивший меня вопрос:

– Почему?

Молчание было мне ответом. Развернувшись, я под конвоем покинул зал. Впереди меня ждала Арена казней.

Почему эльфы предали нас? Почему драконы выступили вместе? Кто в императорском дворце использует запрещенную магию? Слишком много вопросов, Лекс, и слишком мало времени. С этими невеселыми мыслями я вместе с конвоем проследовал из императорского дворца. Во внутреннем дворе меня уже ожидала черная карета, в которую было запряжена четверка вороных лошадей. Узкие окошки кареты прикрыты толстыми решетками, что, на мой взгляд, было совершенно лишним. В такое узкое окошко я бы не пролез, даже будучи младенцем. Присутствовал также конный эскорт из десятка эльфов и двух магов. Неужели я настолько страшен? Залезаю в полумрак кареты, эльфы закрывают дверь. Маги несколько раз взмахивают руками, накладывая

какое-то заклинание. Наша процессия не торопясь трогается с места.

Поездка по улицам города запомнилась смутно. Страх и отчаянье, мешавшие мне спокойно спать по ночам, отступили. В душе воцарились покой и полнейшая апатия. Чудес не бывает, меня не спасут. Да и некому меня спасать: все остались на том поле.

Монотонный цокот копыт убаюкал меня, я погрузился в сон.

– Дракониты! Проклятье Падшему! Сколько их! Опять атакуют! – несется по солдатским рядам.

Солнечный диск, устав смотреть на битву, готовится опуститься за горизонт.

– Держать строй! – командую я, пытаюсь придать своему голосу как можно больше бодрости. – Держать строй!

Полковник Луск погиб при отражении третьей атаки от случайной глупой стрелы, пробившей забрало шлема, так что командую теперь я сам. Или это была пятая атака? А какая атака по счету сейчас? Кажется, седьмая. Нет, седьмая была три или четыре атаки назад, в кавалерийском контрударе после нее погиб лорд-маршал граф Ранитар.

Мы устали, мы смертельно устали. Мы все еще держим гребни холмов, цепляемся за каждый ярд. Дракониты накачиваются подобно волнам. Мы держимся, потому что нам приказали держаться, – и мы держимся. Почему их так мно-

го? Какие сто тысяч, кажется, тут собрались войска со всех драконьих королевств! Нет, это невозможно. Где эльфийская армия? Мы же гибнем! Почему не подходят эльфы? В строю остались либо лучшие, либо удачливые. Хотя и те, и другие могут не пережить следующей схватки. Армии смешались, теперь мы удерживаем только три центральных холма. Вражеские маги сумели сотворить какое-то заклинание и одним ударом уничтожили всех лошадей. Рыцари дерутся в пешех порядах. Наши маги уже не помышляют о наступательных заклинаниях, сосредоточив остатки сил на отражении вражеских магических атак. Насколько их еще хватит?

Испуганный крик проносится над рядами:

– Драконы!

На темнеющем небосводе замечаю постепенно вырастающие точки. Одна. Вторая. Третья... Шестая. ЭТО ЖЕ НЕВОЗМОЖНО! Над еще секунды назад сплоченными и готовыми к бою рядами пронесются вопли отчаянья и ужаса. Еще недавно казавшийся единым, ощетинившимся сталью монолитом строй начинает распадаться.

Над усыпанными трупами холмами пронесаются пронзительные, больше похожие на плач, гудки сигнального рога. Один короткий, два длинных, один короткий, два длинных. Один короткий, два...

– Отступать! – срывая голос, кричу я. – Назад, все назад! Не бежать! Держать строй!

Срываясь на бег, начинаем откатываться назад. У кого-то

не выдерживают нервы: бросая оружие и доспехи, они начинают беспорядочное бегство в робкой попытке выиграть еще хоть пару мгновений жизни.

Где же эльфы?!

Ударившие в лицо солнечные лучи вырывают меня из пелены сна. Что, уже приехали? Протираю глаза. У открытых дверей кареты, выпучив на меня глаза, стоит эльф с выражением удивления и растерянности на лице. Кажется, он впервые видит, чтобы осужденный на смерть самым наглým образом спал перед самой своей казнью. Вылезаю из кареты и ободряюще хлопаю его по плечу. Лицо эльфа сначала белеет, потом краснеет. Похоже, он близок к обмороку. Его товарищ начинает тормошить его за плечи, остальные с опаской поглядывают на меня. После пары пощечин эльф приходит в себя и начинает что-то шептать конвоирам. Те бросают на меня взгляды, полные опаски и уважения, видимо, восхищаясь моей блистательной наглостью. Стражники проводят меня через арку окрашенных в красное ворот на Арену казней.

Передо мной – окруженная большими трибунами овальная песчаная площадка длиной ярдов сто и ярдов пятьдесят шириной. На этой территории огромное количество разнообразных средств умерщвления: плаха, несколько виселиц с веревками и крючьями, пара почерневших от копоти столбов, громадный котел. Трибуны заполнены волнующимися толпами народа. Эльфы любят зрелищные казни. Впрочем,

не только эльфы.

Меня сажают в одну из небольших клеток по кругу песчаной площадки. Несколько соседних клеток также заняты. Рассматриваю своих соседей по несчастью. Несколько гномов и людей, пара орков и полукровок. Все они, похоже, как и я, – участники похода, причем явно не из простых воинов. Одного из гномов я узнаю – это Олаф, прозванный Весельчаком, глава одного из горных кланов. За время похода я успел с ним сдружиться: немногочисленные рыцарские попойки, постоянным участником которых он являлся, были единственным развлечением весь первый месяц похода. Увидев меня, он приветственно мне кивает, будто мы на дружеской пирушке.

Под гром фанфар и рев трибун на арене появляется палач. Хоть маска скрывает его лицо, я почти уверен, что это человек. Ушастые – натуры тонкие и ранимые, сами мараться не станут. Лицемерные ублюдки! Будут жадно и с наслаждением смотреть за казнью, смаковать каждый кровавый эпизод, а потом скажут: «Это было ужасно». Чувствительные они... твари! Ненавижу!

На помост за палачом поднялись несколько подручных, один из которых несет большой топор. Первого из осужденных выволакивают из клетки. Это здоровый, обнаженный до пояса орк, украшенный многочисленными нитками шрамов. Где я мог его видеть? На секунду мы встречаемся взглядами, и я узнаю одного из военных вождей, командира цен-

трального «пальца» первой линии. Пока я тщетно пытался вспомнить его имя, орк вырвался от державших его эльфов. Ударив головой в нос одного из преградивших ему путь помощников палачей, он кинулся на ряды охраны. Похоже, он просто хотел умереть сражаясь, а не под топором палача. Такой возможности ему не дали. Не успев добежать до кольца стражников, орк неожиданно упал, потом какая-то сила подняла его в воздух и бросила на землю. Удар был такой силы, что он потерял сознание. Маги охраны не спят. Ждать, пока он придет в себя, эльфы не стали, распластав бессознательное тело на эшафоте. Взмах топора. Песок Арены жадно впитывает кровь. Обезглавленное тело утаскивают прочь.

– Мятужник мертв! – Палач поднимает отрубленную голову за волосы и демонстрирует ее зрителям. – Слава императору!

Как же звали этого орка?

– Давай второго! – командует палач.

Следующего обреченного ведут к эшафоту. Взмах топора. Очередное тело утаскивают с Арены. Похоже, сегодня толпу ждет на редкость однообразное зрелище. Меня пока не трогают, видимо, решив оставить напоследок. Очередной взмах топора и очередное обезглавленное тело покидает Арену. Кто-то восходил на эшафот сам, высоко держа голову, с вольным, непокоренным взглядом. Кто-то шел на подкосившихся ногах, покорно и механически. Одним из последних казнили Олафа. Стоя на эшафоте, Весельчак в очередной раз

оправдал свое прозвище.

– Это лекарство – снадобье острое, – глядя на топор, сказал он, – но врачует все болезни.

Взмах топора. Я остался один.

Под очередной рев фанфар меня выводят из клетки и, проведя вокруг трибун, привязывают к деревянному столбу почти в самом центре Арены. Палач, вопросительно глядя, показывает мне темную повязку для глаз. Отрицательно мотаю головой.

«Какое синее сегодня небо...» – отстраненно думаю я. Под грохот аплодисментов на Арене появляется шестерка затянутых в зеленое эльфийских лучников. Пройдя по Арене круг почета, лучники выстраиваются в шеренгу в тридцати ярдах от меня. Жаль, что приходится умирать вот так, на потеху толпе. Все мы смертны, но именно сейчас, стоя у расстрельного столба, я понимаю, насколько люблю жизнь.

– Pilin! – командует один из эльфов. Лучники достают стрелы.

Надо мной сверкающая синева небес...

– Serto'uthili! – Стрелы ложатся на тетиву.

Каждая частичка кожи впитывает солнечный свет...

– Pindith! – Эльфы натягивают луки.

Свежий ветер, словно женские губы, ласкает лицо...

– Sanare! – командир эльфов взмахивает рукой, ко мне устремляются стрелы...

Глава 6

Особенности эльфийской охоты

Холодное солнце ослепительно сверкало на поверхности ледников и вершинах горных склонов. Весеннее небо радовалось взгляд глубокой насыщенной синевой. По широкой горной долине ехала цепочка всадников. Вокруг расстилался густой лес, все еще присыпанный снегом. Копыта лошадей мягко ступали по неглубокому снегу: было видно, что всадники не торопятся.

Из густого косматого ельника слева от всадников испуганно выскочил покрытый белой шкурой длинноухий заяц и, отчаянно петляя, устремился прочь. Один из наездников стремительно вскинул лук. Тяжелая оперенная тремя черными перьями стрела прервала очередной прыжок беглеца.

– Отличный выстрел, леди Эйвилин! – произнес один из всадников, поворачиваясь к стрелку.

Стрелок скинул с головы обитый белым мехом капюшон теплого плаща. Солнечные лучи озарили лицо юной девушки. Длинные волосы цвета спелой пшеницы золотой волной спадали на спину чуть ниже плеч, из-под волос выглядывали острые кончики ушей. Легкий румянец на лице девушки свидетельствовал о том, что ей приятна похвала или приятен сам спутник.

– Спасибо, лорд Уриэль. Я подумала, что свежая дичь будет неплохой добавкой к нашему рациону, – звонко ответила

девушка

– Леди, упорно отказываясь называть меня по имени, вы просто разбиваете мне сердце! – лорд Уриэль, глава Дома восходящего солнца, верховный судья императорского Трибунала Рассветной империи, отвесил спутнице учтивый поклон. – Неужели это так сложно, леди?

– Я подумаю, garone'lare, – с равнодушием светской львицы ответила девушка, одарив спутника улыбкой.

– У вас нет сердца, леди! – Уриэль картинно схватился за грудь. Похоже, пикировка со спутницей доставляла ему удовольствие.

Лорд Уриэль слыл опытным сердцеедом, разбившим не одно сердце. Два месяца назад он решил, что ему не составит труда быстро покорить только что представленную ко двору юную девушку и сломить ее сопротивление. Но он просчитался: юное создание, милостиво принимая подарки и ухаживания, отражало сердечные притязания Уриэля – да и не только его – с упорством гномьих бастионов. Часть придворных кавалеров быстро охладела к неуступчивой красавице. Но не Уриэль. Холодность и упорство, с которым девушка отвергала его навязчивые ухаживания, заставили его только утроить усилия. Совместная охота должна была, по мнению garone'lare, поставить победную точку в затянувшемся противостоянии.

Тем временем ехавший впереди эльф остановил свою лошадь. Проворно соскочив с седла, он стал внимательно

осматривать покрытую снегом землю у себя под ногами.

– Вы нашли следы нашей дичи, лорд Эйлор? – возбужденно спросил его подъехавший Уриэль.

– Нет, – отрицательно покачал головой эльф. – Просто стая волков прошла здесь несколькими часами ранее, снег уже почти скрыл следы.

– Большая стая? – заинтересовался Уриэль.

– Трудно сказать. Часть следов могло засыпать. Не менее шести крупных особей.

Встревоженная девушка подъехала к ним:

– Тут есть волки?

– Не бойтесь, леди, они не нападут на столь большой и хорошо вооруженный отряд, – попытался успокоить ее Уриэль.

– Кто вам сказал, что я боюсь их нападения? – От слов девушки повеяло холодом горных ледников. – Я беспокоюсь лишь о том, чтобы они не испортили нам охоту. Они ведь могут найти дичь раньше нас.

– Не думаю, леди. Наша добыча волкам не по зубам. – Шутливым тоном Уриэль попытался вернуть расположение красавицы и восстановить утраченные из-за случайно брошенной реплики позиции. – Присутствие зубастых соперников сделает охоту еще более захватывающей, – добавил он, видя, что девушка картинно проигнорировала его слова.

Стало темнеть, небо заволочло тучами, ветер усилился, сильнее повалил снег. Холод стал пробиваться через теплую одежду и морозить путников. Пора было разводить костер

и становиться на ночевку. Однако ночевать под открытым небом в метель было, по меньшей мере, глупо. Поэтому отряд охотников направился к ближайшему горному склону с целью найти какую-нибудь пещеру или хотя бы укрытие от ветра. Примерно через час безрезультатных поисков путникам наконец-то повезло. Поднявшись вверх по одному из пологих склонов гор, окружающих долину, они нашли небольшую ровную площадку. Несколько огромных каменных глыб окружали ее, подобно стенам древней крепости, закрывая от пронизывающего ветра. Слуги Уриэля собрали хворост и развели огромный костер. Привязав к мордам лошадей мешочки с овсом, уставшие путники сели вокруг костра. Из леса вернулась охотничья партия, прибавив к зайцу леди Эйвилин парочку тетеревов и еще одного зайца.

Один из эльфов, наскоро выпотрошив добычу, начал готовить ужин. Из походных сумок на свет появились хлеб, вино и фрукты. Запах готовящейся на огне дичи расплылся по лесу.

Перекусив, отряд стал готовиться к ночевке. Один из эльфов накрыл несколькими теплыми попонами дрожащих и жавшихся друг к другу лошадей.

– Высокий лорд, можно задать вам вопрос? – осторожно присела около Уриэля Эйвилин.

– Леди, за один лишь милостивый ваш взгляд я открою вам все государственные тайны империи!

– Оставьте ваши страшные тайны для кого-нибудь друго-

го, – задорно улыбнулась девушка, мягко освобождаясь от приобнявшей ее руки Уриэля. – Скажите лучше, как вам удалось найти такую дичь?

– Этот мерзавец оскорбил меня на процессе. Смерть на Арене была бы для него слишком легким наказанием. К счастью, мой добрый друг – наследный принц Телувиэль – помог мне в самые кратчайшие сроки убедить императора изменить приговор. – Глаза лорда Уриэля мстительно сверкнули. – Я поймаю его живьем и буду медленно сдирать с него кожу! Он у меня сотню раз пожалеет, что не умер тогда, на Арене казней...

Глава дома так увлекся своими мечтаниями, что не заметил, как его собеседница, брезгливо сморщив носик, отошла на другую сторону костра. Закутавшись в теплый плащ, она легла спать.

Увидев, что объект его страсти находится вне досягаемости, Уриэль, проворчав проклятие мятежному принцу Леклису, завалился спать. Вслед за своим командиром вокруг костра улеглись и остальные эльфы. Одиноким часовым, сев на небольшой камень у костра, остался поддерживать огонь и охранять покой спящих товарищей.

– Sanare! – Эльф взмахивает рукой, ко мне устремляются стрелы. Казалось, время замедлило свой ход, и вся моя жизнь чередой хаотичных образов промелькнула перед глазами:

...тепло материнских рук, залечивающих мне легкую ссадину, полученную в ходе очередных проказ...

...легкий подзатыльник отца за свиток с боевым заклинанием...

...лицо дяди, получившего известие о гибели моих родителей и его супруги...

...резвый жеребенок Шторм, бегающий по внешнему двору...

...рукопожатие Ольдена...

...разметавшиеся по подушке волосы Дэи...

...наставление магистра Тиллита...

...завернутая в простыню Клорина ...

...темные ряды драконитов...

...сеющие смерть эльфийские стрелы...

...сгорающий в пламени отряд рыцарей...

Стрелы бессильно сгорают прямо передо мной. Путы, связывающие меня, ослабевают. Я не могу удержаться на ногах и в звенящей тишине смолкнувших трибун падаю на колени, во впитавший кровь моих товарищей песок Арены. Под пение фанфар сверкающий зеленую герольд зачитывает новый приказ императора:

– Его Императорское Величество Элберт VII Эльфиниил, милостью творца Император Рассветной империи, рассмотрев все обстоятельства дела мятежного принца Леклиса из Восточного королевства, решил проявить милость и отменить приговор императорского Трибунала! За свои прегре-

шения перед короной принц приговаривается к охоте в течение пяти сезонов! С полным прощением в конце пятого сезона!

Сон... Этот проклятый Падшим сон снится мне уже несколько дней. Сволочи, ушастые сволочи! Решили растянуть удовольствие от моей казни и поохотиться на меня в качестве дичи...

Охота – старинный эльфийский ритуал, правила его просты: приговоренный выбрасывается в Потерянной долине без всякого оружия, с минимумом припасов, и пытается выжить. Потерянная долина – небольшая территория, окруженная высокой горной грядой. В одну из древних войн боевые маги что-то там напутали с заклинаниями, в результате чего времена года в долине стали противоположны временам года в обычном мире. Если было лето, то в долине – зима, и наоборот. Единственный выход из долины перекрывался длинной стеной с часовыми по периметру. Выбраться иначе, чем через окованные бронзой ворота в стенном проеме, невозможно. Идеальное место для кровавой эльфийской забавы. Каждый месяц группа охотников от шести до десяти человек въезжает в долину для охоты на приговоренную дичь. Если осужденный в течение недели умудряется остаться в живых, охотники убывают обратно. Дичь имеет право убить охотников, если сможет. Пережившая охоту дичь может прийти к стене и получить небольшое количество продовольствия на месяц. С наступлением нового месяца ситуация повторяет-

ся. Переживших один сезон охоты были единицы. Два сезона не удавалось пережить никому. Меня приговорили к пяти.

В лучах восходящего светила покрытые снегом вершины окрасились в нежно-розовый цвет. Прогоревший костер едва теплился. Поднявшись с накрытых толстым одеялом сухих веток, я подкинул в тлеющие угли немного хвороста и вновь раздул огонь. Как только огненные языки выросли и принялись с жадностью обглаживать ветки, кинул в костер несколько здоровых поленьев. Запас дров я нашел в пещере: видимо, в прошлую охоту одной из жертв удалось достать топор и подготовиться к зиме. Воспользоваться своими запасами тот неизвестный не успел.

Эльфы выпустили меня в этот загон, именуемый Потерянной долиной, неделю назад, снабдив месячным запасом продовольствия, некоторыми мелочами и теплой одеждой. Добряки! Видимо, сама мысль о том, что я могу загнуться сам, без их непосредственного участия, доставляла им ужасные душевные страдания. Оружие стало главной моей заботой в первые дни пребывания в долине. Первое время им служила здоровая толстая палка. Через пару дней я наткнулся на обустроенную пещеру в северо-западной части долины. Тут был запас дров и хвороста, огромные валуны прикрывали вход и сохраняли тепло. В этом убежище я начал приготовления к встрече с охотничьей партией.

Из ремня, палки и камня величиной с кулак изготовил жалкое подобие кистеня. Острым камнем заточил концы

небольшой трехфутовой рогатки. Несколько толстых прямых веток, найденных в пещере, заострил на концах и обжег на костре, изготовив таким образом пару метательных копий. Я не рассчитывал с помощью этого «оружия» убить охотников. Прятаться от них я тоже был не намерен. Эта пещера должна была стать местом моей последней схватки. Сумрак и огромные камни уберегут меня от стрел: в ближнем бою у меня были ничтожные шансы, но при другом раскладе шансов не было совсем.

Подбросив дров в огонь, выхожу из пещеры. Умываюсь обильно выпавшим снегом. Лицо покрывает легкая щетина. Усы и борода росли у меня крайне медленно, сказывалось наличие оркской и эльфийской кровей, но теперь мне бы не помешало хорошее бритье. Хотелось бы узнать, как я сейчас выгляжу.

На разгоревшийся костер ставлю наполненный снегом помятый медный котелок. В ожидании, пока закипит вода, на огромном плоском камне, служащем мне столом, с помощью острого камня режу пару сухих, сморщенных морковок. В закипевшую воду кидаю полоску вяленого мяса и нарезанную морковку, немного порывшись в сумке с припасами, туда же добавляю маленькую луковицу. Варим несколько минут, и супчик готов.

– Пожалуйте, ваше высочество, на завтрак, – говорю сам себе и грустно усмехаюсь.

Мы еще живы, Леклис, мы все еще живы!

С наслаждением прихлебываю обжигающее варево. На огне в это время весело булькает кружка с мятным чаем.

Неожиданно сквозь слабый треск костра я слышу треск сухих сигнальных веток у входа в пещеру. Кружка с чаем летит на землю, сам я перекатываюсь за огромный валун около одной из стен. Из-за пояса достаю кистень и прислушиваюсь. Треск веток около пещеры продолжается, иногда прерываясь фырканием лошади. Осторожно крадусь вдоль стены к светлomu пятну выхода.

У пещеры стоит красивый гнедой жеребец, испуганно фыркая и мотая головой. Ноги и бока покрыты свежими ранами с коркой засохшей крови. Внимательно оглядываюсь по сторонам: похоже, конь один. Но откуда он тут взялся? И где его хозяин? Медленно приближаюсь к явно чем-то напуганному животному. Конь недоверчиво фыркает и делает несколько шагов назад.

– Ну же, мальчик, иди сюда. Я тебе не обижу, – успокаивающе говорю я, медленно приближаясь.

Фыркнув пару раз, жеребец все-таки подходит ко мне и начинает обнюхивать протянутую к нему руку, видимо, в поисках угощения. Похоже, он голоден. Нежно обхватываю двумя руками шею животного и ласково глажу. Мелкая дрожь, сотрясающая жеребца, проходит. Придерживая за гриву, провожаю добычу в пещеру. Покопавшись в продовольственных сумках, нахожу небольшой мешочек с мелко рубленной пшеницей.

– Что же случилось с охотничьей партией? – задаю вопрос кормящемуся с моих рук жеребцу. Ответа, понятное дело, получить не удастся.

Поев, конь заваливается на сухие ветки, собранные для разжигания костра, и засыпает.

Подкинув огню побольше дров, собираю все свое оружие и вновь выхожу из пещеры. На мое счастье, снег сегодня не идет. Цепочка следов отчетливо прослеживается и, петляя вдоль горного склона, тянется на юг, в сторону выхода из долины. Покрепче сжав оружие, направляюсь вдоль следов. Примерно через пару часов ходьбы путь мне преграждает огромный снежный завал: глыбы льда вперемешку с комьями снега. Видимо, весеннее солнце подтопило ледник, и ночью сошла лавина. Интересно, неужели охотничья партия каким-то чудом оказалась под ней?

Начинаю медленно обходить снежный завал. У кромки леса он обрывается, повалены несколько деревьев. На белом покрывале снега виднеются тела трех эльфов. Подхожу к первому из них и аккуратно переворачиваю его рогаткой. Этот мертв. Снимаю с покойника перевязь с коротким клинком. Ему он все равно уже не нужен. Резким движением вырываю клинок из ножен. В моих руках оказывается полторафутовый меч с прямым обоюдоострым симметричным клинком с треугольным острием, лезвие плавно изгибается к заостренному концу. Таким мечом прекрасно наносить как колющие, так и рубящие удары. Бабочковидная гарда отде-

ляет клинок от плоской, инкрустированной серебряным узором рукояти с ромбовидным яблоком на конце¹. Как давно я не держал в руках хорошего клинка!

1 Яблоко, навершие – деталь, завершающая рукоять меча. Предназначалась для предотвращения выскальзывания из руки и балансировки клинка. Часто, хотя и далеко не всегда, делалась округлой яблоковидной формы.

Продолжаю осмотр тел. Второй эльф также мертв, неестественно вывернутая шея свидетельствует об этом. Подхожу к лежащему на снегу третьему телу, с ног до головы закутанному в теплый плащ. Проклятье Падшему, совсем еще юнец! Ради чего его понесло на эту охоту? На теле не видно ран, но лицо эльфа покрывает неестественная бледность. Подношу начищенное до блеска лезвие ко рту эльфа. Поверхность клинка слегка запотеваает. Этот жив, но, похоже, сильно обморозился. Что с ним делать? Добить? Ладно, пускай пока полежит. Если не загнетса, после того, как закончу осмотр, возьму его с собой: надо узнать все об их охотничьей группе. Продолжаю исследовать место схода лавины. К найденному клинку прибавляются изящный эльфийский лук и несколько лошадиных попон, сбруя и седло. Стрел, правда, удалось найти всего три. Похоже, эльфы разбили лагерь где-то на склоне. Снежная шапка устремилась вниз и обрушилась на спящих эльфов. Этих троих не засыпало, а протащило вниз

по склону. Возвращаюсь к мертвым эльфам, не брезгую и еще раз внимательно их обыскиваю. Снимаю с одного из них широкий кожаный ремень. Во внутреннем кармане второго нахожу небольшой мешочек серебряных монет. Подбросив мешочек в руке, сую его за пазуху. Возвращаюсь к юнцу. Похоже, еще жив. Заворачиваю его в лошадиную попону и осторожно забрасываю на спину.

Обратно в пещеру возвращаюсь уже к полудню. Угли костра ярко тлеют, освещая мое временное пристанище. Жеребец все еще устало сопит на сухих ветках. Подбросив в костер дров и подвинув поближе к нему свое ложе, переношу на него укрытого с головой паренька и начинаю расстегивать полушубок на его груди. Руки натываются на не характерные для мужчины выпуклости.

– Ты – идиот! – прокомментировал внутренний голос.

Стянув с головы «юноши» плащ, я убедился, что голос прав. «Юношей» оказалась молоденькая девушка с длинными светлыми волосами. Проклятье Падшему! Поворачивая ее с боку на бок, я стянул с нее одежду и принялся растирать. Найдя в припасах фляжку с маслом, разогрел ее на огне. Перевернув эльфийку на живот, стал втирать теплое масло ей в спину. Вытер влажные волосы и укутал в теплое одеяло. Заглянул в ее лицо: было видно, что к ней возвращается жизнь. Пропала мертвенная бледность, щеки налились здоровым румянцем. Дыхание стало ровным и спокойным. Девушка спала. Во сне черты ее лица стали нежными, совсем

детскими. Всклипнув во сне, она повернулась на бок. Одежда сползло с груди, открывая вид, от которого по телу прошла волна возбуждения. Проклятье Падшему, у меня уже три месяца не было женщины! Будто темный ангел вселился в мое сознание.

– Возьми ее, она слаба и не сможет сопротивляться. Даже если будет, что с того? Ты сильнее, и вы здесь одни. Отыграйся на ней за боль и унижение, причиненные ее народом. Заставь ее ползать у тебя в ногах и вымаливать прощение.

Моя честь...

– Не говорим мне о чести! Твоя честь осталась на том безымянном поле вместе с честью твоих павших товарищей.

Молоденькая девчонка должна ответить за преступления своих правителей? Смешно.

– Эта девчонка ехала охотиться на тебя. Мы на войне, и она такой же трофеей, как твой короткий меч, снятый с трупа.

Нет, я не опущусь до уровня ходячего на двух ногах животного. За такой поступок я буду презирать сам себя. Возможно, я уже не тот сверкающий рыцарь, что был раньше. Но есть границы, за которые нельзя заступать.

Собрав в кулак остатки воли, я поправил на девушке слезшее одеяло, вышел из пещеры и хорошенько вытер снегом лицо. При отсутствии перед глазами раздражающего фактора страсти, бушевавшие во мне, стали утихать.

Постояв немного на свежем воздухе, возвращаюсь в пещеру и сажусь на камень около костра. Глядя на лижущие

дерево языки пламени, я задремал.

Из полудремы меня вывело тихое потрескивание сухих веток, на которых лежала девушка. Немного приоткрываем глаза. Девчонка осторожно поднимается с постели и тянет руку к оставленному недалеко луку. Вот хитрая бестия! Похоже, ее абсолютно не смутила резкая смена обстановки и собственная нагота. Девушка заметила, что я с интересом наблюдаю за ней. Вскрикнув, она кинулась в сторону лука. Бросаюсь к ней и ударом тела сбиваю с ног, опрокидывая обратно на постель.

– Тихо, – пытаюсь успокоить ее, – я тебе ничего не сделаю.

После недолгой борьбы удается прижать девушку к постели. Оказываюсь сверху. Девушка часто порывисто дышит, отчего грудь вздымается подобно океанским волнам. На несколько секунд задерживаю взгляд на этом завораживающем зрелище. Зря. Изловчившись, пленница ударяет меня коленом в то место, к которому так усиленно прилила кровь. В глазах темнеет, не могу вздохнуть от боли. Тыльной стороной ладони наношу сильную оплеуху по левой щеке девушки. Голова ее опрокидывается на постель, со всхлипом она теряет сознание. Сам я скатываюсь на пол пещеры и пытаюсь опять научиться дышать. Спустя какое-то время мне это удается.

Бросаю взгляд на постель. Девушка все еще без сознания.

– Тебе всегда везло с поклонницами, – ехидно комментирует внутренний голос.

Поливаю голову девушки из кружки с водой. Она открывает глаза и мутным взглядом окидывает обстановку. Увидев меня, тихонько вскрикивает и прижимается к стене пещеры, пытаясь укутаться в одеяло. Левая щека ее сильно покраснела, отчего лицо стало казаться еще красивее, из уголка разбитых губ течет тонкая струйка крови. Зеленые глаза наполняет влага – похоже, девушка близка к истерике.

– Не подходи, насильник! – стараясь еще глубже зарыться в одеяла, всхлипывает она.

Тяжело вздохнув, сажусь на камень около костра.

– Милая леди, – с сарказмом в голосе начинаю я. – Я нашел вас замерзающей в долине, принес сюда и помог прийти в себя. Вашей столь трепетно оберегаемой добродетели не было нанесено никакого вреда. – Бросаю в ее сторону откровенно презрительный взгляд. – Если, конечно, она у вас была.

Слезы мгновенно испаряются из глаз девушки, теперь ее взгляд мечет молнии. Похоже, она готова кинуться на меня. Предупреждая это, кидаю в нее сверток с одеждой:

– Оденьтесь, леди, иначе сохранение вашей девственности будет под большим вопросом.

– Отвернитесь, – тихим голосом просит она.

В ответ на это заявления нагло улыбаюсь:

– У меня на лбу крупными буквами написано «дурак»? Одевайтесь, вряд ли вы меня сможете чем-то удивить. – Окидываю ее равнодушным взглядом. – Тем более что удивлять

там совершенно нечем.

Вспыхнув, как утренняя заря, незнакомка бросает в мою сторону яростный взгляд и начинает одеваться. Стараюсь наблюдать за этим процессом равнодушным взглядом. Чтобы сглотнуть обильную слюну, прикладываюсь к кружке с водой. Слезы творца! Девушка просто прекрасна: отлично сложенное тело, радующие глаз формы, идеальный овал лица. Ее сложно сравнивать с Дэйи или Клориной. Ее красота отличается от их красоты так же, как ранняя весна отличается от цветущего лета и холодной зимы. Одевшись, она настороженно садится по другую сторону костра. Взгляд, брошенный в мою сторону, я бы назвал удивленным.

В это время из глубины пещеры появляется еще один мой трофей. Легко ступая меж камней, гнедой жеребец встает за моей спиной и обнюхивает мои плечи.

– Откуда у вас конь высокого лорда? – удивленно спрашивает эльфийка.

– Какого высокого лорда? Этот жеребец сегодня утром вышел к моей пещере. Именно ему вы обязаны своей жизнью. Кстати, леди, возможно, вы представитесь? Надо же знать, кого я взял в плен.

– В плен?

– А как же вы думаете, леди? Перед вами опасный мятежник – принц Леклис из Восточного королевства. Меня ваш всемилостивейший император приговорил к смерти дважды. И не говорите мне, леди, что в этой долине вы оказались для

того, чтобы пострелять зайцев.

– Меня пригласил лорд Уриэль, *garone l'lare* восходящего солнца. Таким образом он надеялся завоевать мое расположение. А мне просто надоело при дворе, я устала выслушивать лживые комплименты, флиртовать и строить глазки на пыщенным старшим.

– Лорд Уриэль был с вами? – возбужденно перебил я ее исповедь. – Глава императорского Трибунала?

– Да. Именно он добился у императора пересмотра вашего приговора.

– Жаль, что не имею счастья лично поблагодарить его за оказанную милость. – Пальцы до хруста в суставах сдавили удерживаемую в руках кружку. – Однако, леди, мы уже давно беседуем, а вы так и не представились.

– Леди Эйвилин, к вашим услугам. – Девушка встает, делает шутливый реверанс и несмело улыбается. Похоже, она свыклась с окружающей действительностью, для нее все это – лишь очередное приключение. Она еще не знает, что большинство приключений заканчивается плохо.

Она начинает мне нравиться.

– Рад приветствовать вас, леди, в своем скромном убежище. Что произошло с охотничьей партией?

– Я точно не знаю. Мы расположились на ночлег на небольшой горной площадке. Проснулась я от дикого грохота и ржания лошадей. Потом меня что-то ударило, и я потеряла сознание. Очнулась... в пещере с каким-то гоблином. –

Она бросает в мою сторону мстительный взгляд.

– Похоже, вас накрыла и протащила небольшая лавина. Я нашел вас у кромки леса. С двумя вашими мертвыми спутниками. Сколько всего людей было с высоким лордом?

– Десять, не считая меня. Вы нашли только двух мертвцов? – с надеждой в голосе спросила она.

– Да, леди. Но спешу вас разочаровать: если бы другие ваши спутники остались живы, они нашли бы вас гораздо раньше. Хотя, возможно, они были только рады от вас избавиться, – возвращаю эльфийке мстительный взгляд. – Что же мне с вами делать?

– Отпустить, – робко просит она, – за мое спасение я обещаю вам пересмотр приговора.

– Да, – губы растягиваются в ироничной усмешке, – милость императора мне хорошо знакома.

Долгое время молча смотрим на огонь. Я замечаю, что девушку начинает клонить в сон:

– Вам надо поспать, леди. Что с вами делать, я решу завтра.

Глава 7

Добрые дела наказуемы

Ветер снаружи бросался на скалы долины, но в пещере было тепло.

Девушка все еще спала, по пещере я двигался тихонь-

ко, чтобы ее не потревожить. Покормил гнедого и повторно осмотрел его раны. Они были неглубокими и почти все зажили. Перекусил сам из своих скудных запасов. Девушка пошевелилась; подумал, не разбудить ли ее, но решил, что не надо. Еще раз внимательно ее осмотрел: дыхание ровное, глаза закрыты; похоже, она не притворяется, а действительно спит. Захватив меч и лук, я направился к выходу.

Ветер утих. Начался легкий снегопад. Достав меч из ножен, совершаю им несколько простых ударов, проверяя балансировку и привыкая к длине клинка. Вспоминаются долгие уроки на замковом плацу с капитаном Глоком:

– Любой удар завершается четким положением оружия в руке – это закон! Возврат оружия после удара имеет огромное значение и является неотъемлемой частью атаки. Основное правило возврата, нарушаемое лишь в исключительных случаях: клинок должен быть развернут в сторону предполагаемого нападения. Это позволит всегда держать оружие в положении готовности.

Плавно перетекая из одного положения в другое, провожу несколько атак на воображаемого противника. Клинок хорош, но непривычно короток. Им удобнее скорее колоть в тесных пехотных порядках, чем рубить.

Легкая разминка неприятно вымотала меня: слишком давно отсутствовала практика с мечом. Вернув клинок обратно в ножны, я присел на небольшой камень у выхода из пещеры и приступил к осмотру лука. Сложный двухфутовый

лук – обычное оружие конных эльфийских стрелков – состоит из трех деревянных пластин, покрытых приклеенными костяными накладками. Роговые наконечники облегчают крепление тетивы. Лук небольшой, с плечами одинаковой величины и изгиба, концы сильно изогнуты наружу. В моих руках оказался прекрасный образец. Костяные накладки были покрыты изящной резьбой, изображающей двух переплетенных друг с другом змей. Головы змей служили для крепления тетивы, а сплетенные хвосты образовывали рукоять. Лук был в отличном состоянии.

Закончив осмотр, я погрузился в раздумья.

Как вырваться из этой ловушки? У меня есть пара недель до выхода новой охотничьей партии. Законы охоты были суровы и к самим охотникам: если они не возвращались в течение недели, их никто не искал.

Что делать с девушкой? Использовать как заложницу? Не получится. Эльфы свято чтят правила охоты. Будь в моих руках даже Уриэль, они не открыли бы ворота. Хотя, окажись в моих руках высокий лорд, я бы вернул его по кусочкам. Торг был бы возможен, если в плену у меня был кто-то из принцев крови. Но у меня только молоденькая смазливая девчонка, а у императора... нет дочерей.

Надо как-то заставить эльфов открыть ворота: тогда у меня есть мизерный шанс прорваться. Открыть ворота они могут перед охотничьей партией. Интересно, я смогу прикинуться эльфом?

Подождав, пока принц Леклис покинет пещеру, Эйвилин открыла глаза и принялась разглядывать обстановку. Она лежала на охапке сухих веток, покрытых теплым одеялом. Ярко полыхающий костер разбрасывал по стенам пещеры причудливые тени. В углу на куче покрытого попоной хвороста спал гнедой жеребец. Стараясь не шуметь, девушка аккуратно слезла со своего ложа и прислушалась. Тишину пещеры нарушал только треск костра да сопение спящей лошади. Прячась в сумраке у стен и стараясь двигаться тише, она отправилась к бледнеющему пятну выхода.

У выхода пещеры Леклис практиковался во владении мечом. Спрятавшись за камнем, Эйвилин смотрела, как он стремительно проводит комбинации ударов. Короткий клинок казался сверкающим смертоносным продолжением его руки. Закончив очередную атаку, он бросил взгляд в сторону пещеры. Эйвилин спряталась за камнем и задумалась. Принц был совершенно не таким, каким она себе его представляла: подлый мятежник, кровавый предатель. Его поведение обескураживало. Очнувшись в пещере в первый раз, она сначала смутилась и впала в гнев, увидев себя раздетой. Но она достаточно знала о том, как замерзают, чтобы понять: Леклис спас ей жизнь. И он не воспользовался ее наготой, а ведь она ехала его убивать! Заявил, что она пленница, но обращался довольно мягко.

Выглянув из-за укрытия, она увидела, что Леклис сидит

спиной ко входу и внимательно рассматривает лук. Стараясь не наступать на разбросанные около пещеры ветки, девушка направилась к нему.

Краем глаза замечаю крадущуюся тень. Устало усмехаюсь:

– Это вы, леди? Или на мое несчастье уцелел кто-то из охотников? – не оборачиваясь, спрашиваю я.

– Как вы узнали? – Удивленная девушка садится напротив меня.

Ох, уж эти эльфы! Считают себя высококлассными следопытами и порой забывают об элементарных вещах:

– Леди, подкрадываясь в следующий раз, не забудьте, что свет имеет глупую привычку давать тень. Вы же подкрадывались со стороны солнца.

Девушка смутилась:

– Я так увлеклась, что совсем забыла про это.

– В следующий раз, леди, такая забывчивость может стоить вам жизни.

Некоторое время молчим.

– Почему вы меня спасли? – Похоже, этот вопрос не дает ей покоя.

– Наверное, леди, я должен красиво соврать и сказать, что истинный рыцарь не мог оставить девушку умирать на снегу. Правда, все гораздо проще: мне нужно было узнать о вашей охотничьей группе. А у ваших мертвых спутников узнать ин-

тересующие меня сведения было довольно сложно.

– Я все равно обязана вам жизнью.

– У вас, леди, есть прекрасная возможность вернуть долг.

Кажется, это заявление ее встревожило. Девушка бросила на меня настороженный взгляд и немного отодвинулась:

– Что это значит?

– Вы, леди, поможете мне покинуть эту долину.

– Интересно, как? Будете использовать меня как живой щит? Это не поможет.

– Хм, как живой щит. А это неплохая идея, – поддеваю я ее. – Но хочу предложить другой план. Стражники на стенах откроют ворота охотничьей партии...

– Но она погибла под лавиной, вы мне сами сказали, – нетерпеливо перебивает меня Эйвилин.

– Тут вы не правы, – я выкладываю свой главный козырь, – выжили двое.

Несколько секунд она обдумывает мои слова, затем ее лицо озаряет улыбка понимания:

– Вы хотите прикинуться участником охотничьей группы?

– Совершенно верно, и вы мне можете помочь в этом.

– А что будет, если я откажусь? – бросает на меня очередной настороженный взгляд.

Грустно усмехаюсь:

– Оставлю вас в пещере и попытаюсь вырваться один.

– В одиночку у вас нет шансов.

– Кто знает? – пожимаю плечами. – Это лучше, чем сидеть в этом каменном мешке и ожидать очередных охотников. Хотя теперь у меня есть нормальное оружие, и шансов отбиться стало больше, но рано или поздно моя удача иссякнет. Не хочу умирать подобно загнанному в пещеру медведю.

Некоторое время девушка молчит, видимо, принимает решение. Я не мешаю ей. Не напоминаю, что спас жизнь. Мне надо, чтобы она решилась сама. От этого решения зависит моя жизнь.

Эйвилин поднимает голову и смотрит мне в глаза:

– Хорошо, я поеду с вами. Первая часть вашего плана мне ясна. Если на вас накинуть мой плащ, издалека вас могут принять за моего спутника. Нам двоим стражники откроют ворота. Но что вы будете делать дальше?

– Пусть откроют ворота, я подъеду как можно ближе и попытаюсь вырваться верхом.

– Да? Пространство за воротами застроено, единственная дорога еще сотню ярдов идет вдоль стен. Вас наспигуют стрелами, как соломенную мишень для стрельбы.

– У вас есть другое предложение, леди?

Девушка снова задумалась. Некоторое время ее взгляд изучает мою фигуру и лицо.

– Может получится, – решает она, после чего вновь обращается ко мне. – Если на вас накинуть мой плащ и скрыть лицо под повязками и капюшоном, то в темноте вас вполне могут принять за Уриэля. Вы мало различаетесь по росту и

фигуре.

– А голос?

– На вопросы отвечать буду я. Вы – лорд Уриэль – могли сильно пострадать в схватке с мятежником. Да и не так хорошо стражники с ним знакомы, чтобы узнать по голосу.

– Так можно обмануть простую охрану у ворот, – задумываюсь я. – А как быть с капитаном стражи и магом охраны?

– А вы собираетесь с ними встречаться? Или вы думаете, что они будут день и ночь стоять на стенах и ждать вашего появления? Старшие офицеры и маг живут не в казармах, а в отдельных домах в городке за стеной. Миновав охрану ворот, я могу сказать страже, что мы будем ждать их утром в гостинице. Так мы можем миновать опасное пространство у стены. Обманув стражу, вы сможете покинуть город без лишнего шума. Утром я скажу, что высокий лорд срочно отправился в столицу.

– А вы не думаете, что, когда все откроется, к охоте приговорят вас?

– Скорее, меня удалят от двора и отправят домой.

– Какая жестокость! – усмехаюсь я. – Такой жертвы от вас я принять не могу. Первая часть плана настолько безумна, что может сработать. А вот утром вы, приняв вид перепуганной насмерть девчонки – у вас этот образ удачно получается, – расскажете про лавину и пленение. И про то, как злобный и жестокий принц Леклис заставил вас помочь ему бежать. Ночи мне хватит, чтобы убраться от долины подальше.

– У меня только одно условие: отдайте мне мой лук, это подарок отца! – жадно разглядывая оружие, просит девушка.

Вопросительно поднимаю бровь и иронично спрашиваю:

– Интересно, что помешает вам меня сразу пристрелить?

– Вы спасли мою жизнь, за это я спасу вашу и помогу выбраться. Верните мне лук, это мое единственное условие! – упрямо сжав губы, заявляет девушка. – Если боитесь, оставьте у себя стрелы.

– Почему бы нет? – решаюсь я и не без сожаления возвращаю лук и стрелы. Если она меня пристрелит, то я умру с твердой уверенностью, что был прав: все эльфы – лицемерные ушастые сволочи!

Пока мы разговаривали, стало смеркаться. Солнце исчезло за высоким горным хребтом задолго до наступления темноты.

В пещере было сухо и тепло. Эльфийка, скрестив ноги, села на мое ложе. Мне пришлось довольствоваться нагретым камнем у костра. Гнедой жеребец самым наглым образом храпел в углу пещеры.

– Леди, вы не знаете, как зовут мой трофей? – кивнув головой в его сторону, спросил я.

– Вообще-то Ainskaig, – улыбнулась девушка, – но лорд Уриэль чаще называл его проклятьем Падшего и неблагодарной скотиной. Конь не любил Уриэля.

– У нас много общего, – хмыкаю я. – Айнскаир. Айнскаир. Пока произнесешь – язык сломаешь. Это на старэльфий-

ском?

При правлении Элберта III основным языком Рассветной империи стал так называемый новоэльфийский, или общий. От эльфийского в общем языке осталось только название и наименее зубодробительные словечки. Основу языка составил один из главных человеческих диалектов.

– Вы совершенно правы. В переводе на общий это будет «быстрый, как ветер».

– Ветер. Хорошая кличка для лошади. Пожалуй, так теперь я и буду его называть.

Перекусив из моих скромных запасов, мы некоторое время дружески беседовали о мелочах. Когда совсем стемнело, я расстелил рядом с костром лошадиную попону, которая должна была послужить мне сегодня постелью.

Боясь нарушить выкованное между нами ранее хрупкое равновесие, я все-таки решил задать давно интересующий меня вопрос:

– Леди Эйвилин, – обратился я к притихшей девушке, – вы можете рассказать о себе?

Долгое время она не отвечала.

– Моя мать родом из младшего дома, – тихо начала рассказывать она. – У нее обнаружился сильный магический дар, и она отправилась обучаться в столичном университете. Там она познакомилась с моим отцом. Отец был наследником одного из старших домов. Женившись на моей матери против воли главы дома, он навлек на себя его гнев. Отца

лишили наследных прав и сослали наместником в одну из отдаленных провинций. Там я родилась и выросла. Полгода назад отец отправил меня в столицу, к дяде. Он думал, что при дворе я найду себе удачную партию.

Из каких домов были ее родители, девушка не сказала. Настаивать я не решился.

Богатый на события день закончился...

Мы отступаем. Еще немного, и драконы начнут выкашивать наши ряды подобно темным жнецам Падшего. Армии откатываются назад. Часть солдат, бросив оружие, начинает паническое бегство. Они уже мертвецы. Оставшиеся воины выстраивают несколько каре вокруг уставших магов и медленно отходят. Пока маги смогут заблокировать магию, у нас есть мизерный шанс дожждаться подхода эльфов.

Дракониты бросаются в яростные атаки на ощетинившиеся сталью порядки. Шедшее последним каре неожиданно замирает. Развернув знамена, оно перестраивается в линию и разворачивается в сторону драконитов. Видя жертву товарищей, мое каре из остатков «кулака» начинает перестраиваться с твердым намерением принять бой вместе с ними.

– Держите этот проклятый Падшим строй! – срывая голос, ору я. – Отходить! Всем отходить! Не делайте их жертву бессмысленной!

Восстановленное каре продолжает пятиться назад.

Наконец-то!!!

Из-за холмов, с которых мы начали битву, стремительно вылетают эльфийские конные лучники. Подобно двум гигантским клешням морского краба, они начинают охватывать наши отступающие каре с флангов. На вершинах холмов, трепеща штандартами, выстраиваются стрелки и пехотинцы.

Эльфы натягивают луки, на наши ряды падает ливень стрел. Радостный крик, пронесшийся было над ними, сменяется воплями ужаса и проклятий. Эльфийские пехотинцы на холмах начинают методичную резню безоружных беглецов.

Прижатая к моему лбу холодная рука вырывает меня из пелены сна. Мой взгляд фокусируется на эльфийке, стоящей около меня на коленях. В тусклом мерцании прогоревшего костра видно ее испуганное лицо.

– Что с вами? – произносит она, убирая руку. – Вы так страшно кричали...

С трудом удается взять себя в руки.

– Сон, леди, просто страшный сон, – стараюсь подавить нервный озноб, отвечаю я.

– Вы странный. – Ее лицо озаряет несмелая улыбка. – Прекратите называть меня «леди». Разве сложно произнести «Эйвилин»?

Почему на меня так действует ее улыбка? Когда я вижу ее, отчаянье и боль, растревоженные видениями прошлого, отступают, а бушующая во мне буря ненависти успокаивается.

Нападает странное умиротворение. Хочется просто лежать и смотреть на ее улыбку. Война, мир, предательство – пусть все катится к Падшему...

– Похоже, ты влюбился, – хмуро комментирует внутренний голос.

Мысленно приказываю ему заткнуться.

– Простите, леди, что потревожил ваш сон... – Холода в моем голосе хватит на пару ледников.

Собрав в кулак остатки воли, отворачиваюсь к стене и закрываю глаза. Со стороны девушки слышится обиженное сопение. Она резко поднимается и возвращается на свое ложе. Давлю в себе желание кинуться следом за ней. Завтра все это не будет иметь никакого значения. Я не знаю, удастся ли мне вырваться из этой ловушки или моя уставшая душа наконец-то обретет покой в чертогах творца. Одно известно точно: завтра я расстанусь с эльфийкой навсегда.

Остаток ночи прошел спокойно. Кошмары прошлого больше не терзали меня, и я неплохо выспался. В этот раз из оков сна меня вырвали чьи-то большие теплые губы, упорно исследующие мое лицо. Открыв глаза, я увидел морду Ветра (теперь моего жеребца), усиленно обнюхивающего мое лицо и волосы. Разочарованный таким исходом, я потрепал гриву жеребца и поднялся со своего ложа. Проклятье Падшему! Чтобы я еще раз спал на практически голых камнях! Все тело ломило так, будто на нем всю ночь веселилась толпа пья-

ных гоблинов в компании с горным великаном.

Девушки в пещере не было. Настороженно оглядевшись, я увидел, что ее лук мирно покоится на ложе. Облегченно перевожу дух. Похоже, эльфийка не сбежала. Сухой треск у входа подтвердил мое предположение. Вошедшая Эйвилин сухо поприветствовала меня и принялась копаться в сумках с припасами. Пожав плечами, я покинул пещеру.

Весь день прошел в подготовке к «прорыву» через эльфийскую стражу. За это время мы перебросились с эльфийкой всего несколькими десятками фраз. Разрезав мою запасную рубашку на лоскуты (добряки эльфы хорошо меня снабдили), Эйвилин аккуратно перебинтовала мое лицо. Нацепив на себя походный плащ и перчатки, я скрыл голову под глубоким капюшоном. Девушка придирчиво осмотрела меня со всех сторон и одобрительно кивнула. Будем надеяться, что стражники сосредоточат все внимание на ней и не заметят всей несуразности моего вида.

Как только начало смеркаться, я вывел жеребца из пещеры и старательно оседлал. Легко вскочив в седло, протянул руку эльфийке и помог сесть впереди меня. Из вещей я взял с собой двухдневный запас провизии, деньги и меч.

К заходу солнца мы прибыли к воротам в стене, отделявшей долину от остального мира. Стражники с невысокой башни, возвышающейся над воротами, попросили нас представиться.

– Уриэль в сопровождении леди Эйвилин, – звонко отве-

тила девушка.

Среди эльфов на башне произошло заметное оживление. Ворота не открывались. Правой рукой я стал нервно тереть рукоять пристегнутого к седлу меча. Девушка прокричала имя высокого лорда еще раз, но ей не ответили. Наконец из бойниц свесился один из эльфов.

– Спуститесь на землю! – прокричал он. – Вы должны знать правила: проезжать верхом через ворота запрещено.

Эйвилин резво выскочила из седла. Захватив меч, я последовал за ней. Окованные медью створки медленно распахнулись.

– С возвращением, милорд, – поприветствовал меня один из стражников с факелом.

Кивком головы ответив на его приветствие и настороженно оглядываясь, я проследовал за ворота. Эйвилин последовала за мной, ведя за собой жеребца.

Миновав арку ворот, мы оказались в широком тупике. Прямо передо мной темнели стены длинного деревянного склада. С востока возвышалась громада сигнальной башни, пристроенной к невысокой башенной арке ворот. Пустынная улица тянулась на запад вдоль крепостной стены. Ворота за нашими спинами скрипуче закрылись, стражники ловко накинули тяжелый засов и вернулись в башню.

Начинаю настороженно двигаться вдоль крепостных стен, за моей спиной Ветер, придерживаемый девушкой, цокает подковами о камни мостовой. Нас встречают три десятка

эльфийских пехотинцев с листовидными щитами и короткими копьями. Во главе отряда стоит эльф, подобно мне закутанный в длинный плащ с накинутым на голову капюшоном. Я крепче стискиваю рукоять меча

– Назовите себя! – потребовала фигура, завернутая в плащ.

Голос! Какой знакомый голос! Прежде чем память подсказала ответ, Эйвилин в третий раз представила меня:

– Лорд Уриэль, глава Дома восходящего солнца, верховный судья императорского Трибунала.

– Жаль, – усмехнулась тьма под капюшоном. Запоздалая догадка была словно вспышка молнии. Ласкающие яблоко меча пальцы железной хваткой впились в рукоять.

– Зачем нам два *garonel'lare* восходящего солнца? – проговорила фигура и скинула с головы капюшон.

– Лорд Уриэль... – тихо ахнула за моей спиной эльфийка.

Ненависть, всеобъемлющая ненависть затмила мой разум. Об эльфийке и Ветре я забыл. С ухмылкой, больше похожей на волчий оскал, сбрасываю с себя надоевший плащ. Убить! Умереть, но убить! Вцепиться руками в горло! Стереть с его лица эту гнусную улыбку! Вырвать из груди сердце и растоптать ногами!

– Убить его, – скучаяще произнес высокий лорд и скрылся за рядами стражников.

Прикрывшись щитами, эльфы двинулись на меня. Клинок сам оказался в руке. Ты допустил ошибку, высокий лорд, не

позвав на помощь лучников. Перед смертью я вырежу твое сердце.

Тяжелый удар по затылку стал для меня полной неожиданностью. Пошатнувшись, я упал на правое колено. Тепло устремилось к земле. Чтобы сохранить равновесие, пришлось опереться рукой с зажатым клинком о холодные камни мостовой. Пытаюсь подняться – на голову обрушивается второй удар. Повернув голову, замечаю, как побледневшая Эйвилин роняет на землю небольшой круглый камень. Мостовая стремительно приближается. Милосердная тьма забытия принимает в объятия измученное сознание. Сквозь тьму чей-то знакомый голос произносит:

– Рад, что с вами все в порядке, светлая леди. Я уже готовился возглавить поисковую партию. Император не простил бы мне смерти своей племянницы.

Глава 8

Особенности эльфийской охоты в осенний период

С огромным трудом удалось раскрыть глаза. Сколько прошло времени? Как же болит голова! Во рту соленый металлический привкус крови. Идиот! Глупый доверчивый щенок! У горного тролля мозгов больше, чем у тебя: так глупо попасться... Стоило какой-то смазливой девчонке пустить пару слезинок, и ты тут же раскис! За последние три месяца ты должен был понять: благородство, честь – это просто пустые

слова. Те, кто пытаются следовать этим мертвым понятиям, быстро становятся мертвецами. Героизм... Ха! Герои долго не живут!

Вспоминаю бледное лицо Эйвилин и падающий на мостовую камень.

Проклятье Падшего, почему же не получается ее ненавидеть? В душе лишь пустота и тупая боль.

Оцениваю обстановку. Нахожусь в большой камере, через узкое зарешеченное окошко пробивается лучик солнца – значит, уже день. Я по пояс раздет и растянут на громадном столе. Руки и ноги привязаны кожаными ремнями к его углам. В двух жаровнях у стены полыхают раскаленные угли. Рядом со мной на небольшом столике разложены различные угрожающего вида предметы. Пытаюсь вывернуться из пут – тело скручивает острая боль: пара ребер, похоже, сломана. Видимо, добряки эльфы не смогли отказать себе в удовольствии попинать бессознательное тело.

Внезапно распахивается дверь, в светлом пятне проема показывается чья-то незнакомая фигура. Полумрак камеры мешает разглядеть ее лицо. Фигура приближается и останавливается около стола с пыточным инвентарем.

Увидев лицо подошедшего, не могу сдержать нервной дрожи. Среди эльфов сложно найти уродов, но этот был исключением. Нос свернут в сторону, левая скула вплюснута внутрь черепа. Из глазного провала смотрит бледный глаз, лишенный зрачка. Вся левая половина лица покрыта сетью

свежих багровых шрамов. На этом ужасном фоне резко выделяется прекрасная правая половина лица и длинные бело-снежные волосы. Увидев, что я очнулся, эльф оскаливает рот в беззубой ухмылке:

– Что, красавчик, любишься? – Обезображенное лицо дышит ненавистью. – Не так давно я тоже был красавчиком. Пока один из грязных полукровок ударом щита не раскрыл мне половину черепа. Маги с трудом поставили меня на ноги, но вернуть нормальный облик уже не смогли. Теперь даже продажные девки отказываются иметь со мной дело.

Эльф начинает перебирать пыточный арсенал, руки в черных перчатках нервно дрожат.

– Жаль, что тот полукровка умер, но теперь у меня есть ты, принц, – истерично хихикает палач. – Прежде чем лорд Уриэль тебя убьет, тобой займусь я. Ты проклянешь тот день, когда появился на свет. Ты будешь молить меня о смерти.

Скрип двери прерывает монолог сумасшедшего палача. В узкий проем протискиваются три фигуры. Вот это да! Лорд Уриэль собственной персоной! Да еще и с двумя охранниками! Почему-то я не удивлен... Уриэль, бросая в мою сторону ненавидящие взгляды, становится недалеко от стола. Охранники молчаливыми истуканами застывают за его спиной. Смотрю в глаза эльфу. Он не выдерживает моего взгляда и нервно дергает плечами. Мои губы сами складываются в презрительную усмешку.

– А вы храбрец, *garone'lare!* – Стараюсь вложить в голос

как можно больше презрения. – Взяли на встречу со связанным пленником всего двух охранников. Вы, наверное, и спите с ними? Да не краснейте вы так! Я никому не скажу.

– Смейтесь, принц, пока еще можете, – жестоко усмехается Уриэль. – Приступай, – кивает он палачу.

На углях жаровни палач начинает раскалять стальной прут.

– Да, высокий лорд, вы – храбрец, – стараясь сдержать дрожь, продолжаю я. – Наверное, леди Эйвилин оценила, как храбро вы оставили ее умирать в долине.

– Я не бросал ее! – неожиданно взрывается Уриэль, голос его срывается на визг. – Меня завалило лавиной, я с трудом выбрался и вернулся в крепость! Я хотел отправить поисковую пар...

Поняв, насколько глупо он выглядит, оправдываясь перед пленником, Уриэль замолкает на полуслове. Его лицо идет красными пятнами. Если бы взглядом можно было убивать, я был уже мертвецом.

– Надеюсь, перед ней вы будете более красноречивы, – нагло улыбаюсь я.

– Эта гордячка еще приползет ко мне на коленях! – мстительно сверкает глазами эльф. – Скоро все изменится. Смейся, принц. Через час ты будешь целовать носки моих сапог и молить о смерти. Потом придет черед и других.

Палач, одетый в кожаный передник и толстые рукавицы, подходит к жаровне и снимает с огня раскалившийся

прут. Алеющая головка медленно приближается к моей груди. На секунду палач останавливает раскаленный кончик в каких-то дюймах от меня, потом резким тычком вгоняет прут в мой правый сосок.

Только в глупых сказках попавшие в плен герои под пытками сохраняют презрительное молчание. Благородство, достоинство – все это теряет смысл, когда в тебя входит раскаленное железо.

Боль взорвалась в мозгу. Тело само забилося в путах, сквозь крепко сжатые зубы прорвался несдержанный крик. В воздухе повис тошнотворный запах паленой плоти.

Лорд Уриэль достал из кармана камзола кружевной платок и прижал к носу.

– Хорошее начало, – прокомментировал он. – Продолжай.

Боль, целый океан боли. Кажется, болит каждый кусочек тела. Несколько раз сознание проваливалось в спасительное забытие. Но каждый раз холодная вода возвращала меня из беспомощности, приводя с собой боль. Я ничего не вижу, в пелене мелькают какие-то странные тени. Одна из теней нависает прямо надо мной.

– Ну же, принц, сколько можно терпеть? – произносит она столь ненавидимым мною голосом. – Еще немного – и ваши раны не вылечит ни один целитель. Помолите меня о снисхождении. Достаточно нескольких слов, и ваши страдания прекратятся.

Собрав остатки сил, посылаю кровавый плевков в сторо-

ну тени. Слышу вскрик: кажется, попал. Сознание вновь устремляется прочь из израненного тела.

* * *

Отгородившись от хлопот дня покрывалом ночи, улицы города погрузились в сон. На небесном своде ярче засияли созвездия. Выглянули две луны, извечные спутницы. Большая, кроваво-красная Аишиу и ее меньшая сестра – бледно-желтая Уртай. Только размеренные шаги эльфийских патрулей и редкие переключки стражников на стенах разгоняли звенящую ночную тишину.

Очередной патруль, раздвигая горящими факелами темноту ночи, прошел по площади перед мрачной тюремной башней. Едва он скрылся за поворотом улицы, невысокая закутанная в черное фигура бесшумной тенью пробежала по площади – и замерла у стены перед входом в башню. Некоторое время неизвестный жадно вслушивался в ночные звуки. Было тихо. Едва слышимо скрипнули дверные петли, и вновь воцарилась тишина.

В небольшой караульной комнате на заставленном бутылками столе спали вповалку несколько эльфов в доспехах стражи. С улыбкой окинув взглядом эту картину, фигура в черном плаще продолжила движение. Ноги в высоких сапогах аккуратно переступали через разбросанное в беспорядке оружие и доспехи. Миновав короткий коридор, она снова замерла перед узкой деревянной дверью, ведущей вниз к каме-

рам. Недолгая возня позаимствованной у спящих стражников связкой ключей – и последнее препятствие осталось позади. Спустя несколько десятков ступеней фигура оказалась в самом сердце башни, в ее печально известной пыточной. Перед ней предстала малоприятная картина. На потемневшем столе был распят полукровка, засохшая кровь из многочисленных ран покрывала его тело сплошной коркой. Страшные раны на груди были обуглены. Кисти стянутых ремнями рук покрыла неестественная синева. Тихо ахнув, неизвестная фигура быстро приблизилась к столу. Сверкнул сталью острый нож, перерезая путы, стягивающие пленника. Леклис не двигался, только тихое хриплое дыхание свидетельствовало о том, что он еще жив.

Убрав нож, неизвестный защелкнул на руке узника снятый с себя серебряный браслет в виде двух переплетенных змей с изумрудными крупинками глаз. Убедившись, что браслет плотно охватил предплечье, он нажал на глаза змеек. По телу Леклиса прошли цепочки небольших голубых искорок. Фигура всхлипнула и сбросила капюшон: длинные волосы золотым водопадом упали на спину Эйвилин.

* * *

Из забытья меня вырвала ужасная колющая боль по всему телу. Чья-то рука, завернутая в край плаща, зажала мне рот, приглушив сорвавшийся с губ крик. Чувствую, что путы, стягивающие меня, исчезли. Преодолевая ужасную боль,

удаётся поднести к глазам правую руку. На предплечье, чуть ниже локтя, поблескивает серебром искусный браслет в виде хорошо знакомых переплетенных змей. От браслета вверх по руке, подобно нитям паутины, расходятся дорожки светящихся искорок. Мои покрытые кровавой коркой раны затягиваются на глазах, оставляя после себя тонкие ниточки шрамов. Медленнее всего заживают три обугленные раны на груди. Кожа на их месте получается сморщенной и неживой, как будто неловкий портной поставил несколько неаккуратных заплаток на моем теле. Наконец перевожу взгляд на склонившуюся надо мной фигуру Эйвилин. Девушка пытается мне что-то сказать. С трудом удаётся разобрать слова:

– Тише! Ты можешь встать? – шепчет она мне. – Прости, я не могла поступить иначе. Стражники убили бы тебя.

С трудом сажусь на пыточном столе и, свесив ноги, пытаюсь встать на каменные плиты пола. Тело охватывает страшная слабость, голова кружится, я начинаю заваливаться вперед. Эйвилин, тихо вскрикнув, прижимается к моей груди, пытаясь помешать падению. Валимся на пол уже вместе, причем я удачно оказываюсь сверху. Эльфийка полузадушенно хрипит. Ценой невероятных усилий перекатываюсь на спину и, закрыв глаза, жадно глотаю воздух. Девушка, поднявшись рядом со мной на колени, пристраивает на них мою голову.

На губы падает несколько теплых капель; машинально слизнув их, чувствую соленый вкус слез. Открываю глаза: на

лице Эйвилин блестят две мокрые дорожки.

– Прости, я не могла прийти раньше! – Она близка к истерике.

Сделав над собой усилие, приподнимаю руку и ласково провожу ладонью по ее щеке, девушка жадно ловит мое прикосновение.

– Мне уже лучше, Эйвилин. Нам надо выбираться? – тихо спрашиваю я.

– Да. Тебе как можно скорей нужно покинуть город. Высокий лорд поклялся тебя четвертовать и выбросить в долину на съедение волкам. Сможешь подняться?

С трудом сев, я прислушиваюсь к своим ощущениям и утвердительно киваю:

– Да.

– Я помогу, – встает девушка с холодных плит пола.

С ее помощью привожу себя в вертикальное положение. Боль прошла, но все тело налито свинцовой тяжестью, будто я целые сутки упражнялся с оружием.

Киваю в сторону застегнутого на предплечье браслета:

– Артефакт?

– Да. Браслет, подарок моей матери. На него наложено мощное заклинание исцеления.

Теоретически любой предмет можно зарядить заклинанием – и не одним, – но на практике магическая энергия быстро рассеивается. Наиболее хорошо сохраняли манну драгоценные металлы и камни, поэтому именно драгоценности ча-

ще всего являются магическими артефактами. По ряду причин артефакты довольно редки. Любой артефакт с течением времени требовал подзарядки, причем именно у того мага, который его создал. Частота зарядки зависит от комбинации драгоценных металлов и камней, из которых сделан зачарованный предмет, а также от силы и количества вложенных заклинаний. Сила заклинания зависит от мага. Чаще всего зачаровывают мелкие предметы: перстни, кольца, кулоны, браслеты. Реже всего – оружие (на самом деле заклинание накладывается не на само оружие, а на драгоценные камни, которыми оно украшено).

– Нет, не снимай, – останавливает меня девушка, видя, что я хочу вернуть ей браслет. – Тебе придется носить его несколько дней: он поддержит силы, пока ты окончательно не придешь в себя.

С ее помощью мне удастся покинуть камеру. Миновав коридор, мы оказываемся в караулке. Стражники спят. Я вопросительно киваю в их сторону. Улыбнувшись, Эйвилин прикладывает палец к моим губам и тихо шепчет на ухо:

– Сонная трава. Вечером новая смена стражников обнаружила в караулке корзину вина. Ее тайно оставил мой... – Она немного замялась: – ...Слуга.

Минуем стражников и покидаем тюремную башню.

Ночь все еще безраздельно правит городом. Аккуратно двигаемся вдоль одной из широких темных улиц. С каждым шагом ко мне возвращаются крупницы сил, но до полного вос-

становления еще очень далеко.

Неожиданно впереди нас загораются факелы ночного патруля, вынырнувшего из лабиринта многочисленных боковых переулков. Эйвилин увлекает меня в сторону, в сумрак небольшого переулка.

Моя спина прислоняется к холодной каменной стене здания. Девушка вжимается в меня, прикрыв нас обоих своим черным плащом. Ее теплое дыхание обжигает мою шею не хуже раскаленного железа. Чувствую испуганное биение ее сердца. В душе возникает волна щемящей нежности к этому храброму созданию.

Патруль проходит мимо нас и растворяется в ночи. Разомкнув объятия, продолжаем движение.

Некоторое время спустя мы выходим на окраину городка. Широкий тракт тянется на юг, истаивая в сумраке ночи. Эйвилин тихонько свистит.

Из темноты выныривают две тени. Одна из них принадлежит высокому эльфу, закутанному, подобно Эйвилин, в длинный черный плащ. Эльф окидывает меня мрачным взглядом. Мое внимание привлекает вторая тень, идущая за незнакомцем. Из темноты доносится дружеское фырканье, и, мотнув лохматой гривой, ко мне подходит навьюченный Ветер. К его седлу приторочен знакомый мне короткий меч.

– Ветер, как ты тут оказался? – спрашиваю я, обнимая его за шею.

– Я попросила лорда Уриэля отдать мне твой меч и коня в

память о моих приключениях, – улыбнулась эльфийка. – Он не смог мне отказать. Еще бы: если при дворе узнают, что он меня бросил, его карьере придет конец.

– Ты недооцениваешь высокого лорда, Эйвилин, – хмурюсь я – Он ведет собственную игру.

– Хватит разговоров, мятежник! – резко перебивает меня забытый незнакомец. – Забирай своего коня и убирайся отсюда!

– Повежливей, Илион! – оборачивается к нему Эйвилин. – Он спас мне жизнь.

– За это вы спасли его, – парирует эльф. – Между вами больше нет долгов.

Он подходит ко мне.

– Я обещал помочь Эйвилин, поэтому ты покинешь эту долину живым. Но наша следующая встреча будет для тебя последней. Одевайся, мятежник! – бросает он мне сверток с одеждой.

– Мятежник?! Эльф! Я – мятежник?! – ярость накатывает на меня подобно волне. – Это вы, ушастые выродки, предали нас!

Эльф выхватывает узкий кинжал. Я тянусь к рукояти меча.

Неожиданно между нами возникает Эйвилин:

– Хватит! – И, обращаясь к своему спутнику, добавляет: – Илион, жди меня в гостинице.

Бросив на меня хмурый взгляд, эльф бесшумно растворя-

ется в ночи.

– Оденься, Лекс. – Девушка, перебирает брошенную мной на землю одежду. – Одежда моего слуги должна тебе подойти.

«Слуги, как же!» – думаю я, со злостью натягивая на себя одежду. Эйвилин целомудренно отвернулась.

Кого вы обманываете, леди? Меня? Или, может быть, себя? С каких это пор слуги носят рубашки из черного эльфийского шелка и сапоги из оленьей кожи? Не каждому барону по карману такое одеяние.

– А что ты волнуешься, Лекс? Какое тебе дело до девчонки и ее поклонников. Ты спас ее, она вытащила тебя. Эльф правильно сказал: между вами больше нет долгов.

Только переодевшись, я почувствовал, насколько замерз. Мы все еще были в долине, а тут стояла ранняя весна. Плотнее завернувшись в полы плаща, я, шатаясь, подошел к Ветру и потрепал его лохматую гриву.

– Пора прощаться, светлая леди, – бросаю я, специально назвав ее по титулу.

Девушка подходит ко мне.

– Жаль, что мы не встретились раньше, – тихо шепчет она.

Я хмуро киваю в ответ.

– Прощай, Леклис.

Неожиданно теплые девичьи губы касаются моей щеки. Эльфийка, не дав мне опомниться, стремительно растворяется в ночи.

– Прощай, Эйвилин, – тихо шепчу я. – Мне тоже жаль... Идет война, Лекс, сейчас не время и не место для любви. Рядом призывно фыркает Ветер. С трудом сажусь в седло и галопом направляю его по дороге на юг, к выходу из долины. Черный плащ за моей спиной раздувается подобно крыльям дракона.

«Куда двигаться дальше?» – думал я, стоя на большой развилке.

Небо на востоке стало предательски краснеть.

Мне нужно вернуться домой. Интересно, как там сейчас? По идее, мне нужно двигаться на восток, но это значит, что придется пересечь практически пол-империи по землям эльфов. Искать на этом пути меня будут особенно тщательно. Двигаться на юг? Придется идти через земли людских королевств. Сейчас людские королевства сотрясают междоусобные войны. Впрочем, люди постоянно воюют друг с другом. Север?

Я задумчиво почесал бровь.

Север – это горные кланы гномов. В свое время наши королевства попортили друг другу немало крови, после чего решили, что лучше заключить союз. Из всех созданных творцом рас именно с гномами у полукровок сложились наиболее тесные отношения. Но что там творится сейчас? Горный король мертв. Нового короля должен избрать Совет, но Совет глав кланов также уничтожен. Гражданская война? Чушь!

Гномы – единственные создания творца, которые не воевали друг с другом.

Итак, решено: север! Через земли гномов я могу добраться до ничейных земель, а там до Восточного королевства – несколько пеших переходов. Гномы должны помочь, остались же в этом проклятом Падшим мире хоть какие-то осколки чести.

Поворачиваю Ветра на северный тракт. До восхода солнца я должен уйти как можно дальше. Как только солнце встанет, придется покинуть дорогу и пробираться через лес. Проклятье Падшему! Чувствовал я себя прескверно, слабость не проходила, очень хотелось спать. Проезжаю еще немного и сворачиваю с имперского тракта.

Солнце поднялось над горизонтом, начав новый забег по небосклону. Легкий туман окутывал шумевший вокруг лес. Узкая тропинка, петляя меж корней, вела меня все глубже в чащу.

Спать, спать, спать – одна эта мысль билась в моем мозгу. Неожиданно лес расступился, я оказался на большой лесной поляне с огромным вековым дубом. Среди его причудливо переплетенных корней решаю устроить привал. Не разводя костра, я заваливаюсь в мокрую от утренней росы траву и, плотнее закутавшись в плащ, проваливаюсь в сон.

* * *

Гневное хриплое ржание Ветра вырывает меня из объятий

сна. Открываю глаза: тени стали длиннее, солнце уже начинает клониться за горизонт. Мой взгляд обращается в сторону Ветра. Коня сотрясает нервная дрожь, ноздри бешено раздуваются, ловя воздух. Он косится в сторону темнеющего леса и настороженно хрипит. Из леса доносится возбужденный вой собачьей своры.

Собачьей своры!

Сердце бешено ускоряет ритм, остатки сна мгновенно испаряются. Не замечая слабости, вскакиваю с земли и мгновенно оказываюсь в седле. Хорошо, что перед сном я не распряг Ветра. Легко ударив коня пятками, припускаю в сторону леса. Как же мне надоело чувствовать себя дичью!

Пригибаясь к самой шее Ветра, пускаю его в галоп. Над головой стремительно проносятся кроны деревьев, узкая тропинка змеей петляет меж стволов. В спину мне несется радостный вой своры, почувствовавшей добычу.

Лес делается реже. Тропинка устремляется вверх по склону большого холма. Стрелой долетев до его вершины, Ветер вздымается на дыбы. В двух ярдах впереди гребень холма пересекает широкая рана глубокого оврага. Встревоженные копытами Ветра камни срываются в колючий кустарник на его дне.

Восторженный лай раздается уже совсем близко. Грустно усмехаюсь и, потрепав Ветра по шее, покидаю седло. Достав из ножен короткий клинок, резко ударяю перед собой; благородная сталь певуче рассекает воздух. Скидываю плащ и

наматываю его на левую руку.

Вот и все.

Удача, отпущенная мне творцом, иссякла. Сколько можно бегать? Я уже слишком задержался на этом свете. Сердце усиленно гонит кровь по венам, пытаюсь хоть немного выдавить свинцовую усталость. Разворачиваюсь к Ветру и сильно хлопаю его по спине, пытаюсь прогнать. Благородное животное обиженно хрипит, отступает немного в сторону, но не убегает.

Рассекая вечерний сумрак, на склон холма выпрыгивают несколько белых теней эльфийских гончих. Увидев впереди долгожданную добычу, собаки с радостным рыком устремляются вперед.

Оставив далеко позади свою стаю, ко мне несется огромный вожак. Не добегая нескольких ярдов, он, широко раскрыв зубастую пасть, в огромном прыжке взлетает в воздух. Резко падаю на колено – белая туша пролетает над моей головой и с удивленным визгом падает в темнеющий провал оврага. Вскрываю на ноги, колющим ударом прямо в оскаленную пасть встречаю вторую тень. Третья собака с остервенением виснет на левой руке. Совершаю резкий поворот вокруг себя, ноги собаки отрываются от земли, но она не отпускает мою руку. На выходе из разворота мечом разрубаю еще одну оскаленную тень. Легко подбрасываю меч в воздух и перехватываю обратным хватом. Несколько колющих ударов – вцепившаяся в руку гончая медленно оседает на зем-

лю.

Это все?

Возбужденно осматриваюсь по сторонам. Ветер ударом задних копыт отправляет в овраг последнюю собаку, еще одна бьется в предсмертной агонии под его ногами. Около меня валяются три мертвые туши, из глубины оврага жалобно скулит вожак.

На взмыленном коне на холм взлетает всадник. В темной фигуре узнаю эльфа, который меня пытал. Увидев трупы собак, он яростно вскрикивает:

– Мои песики! – Уродливое лицо поворачивается ко мне: – Ты заплатишь мне за это, принц!

Стараясь стоять ровно, делаю приглашающий взмах:

– Подходи ближе, вас похоронят вместе.

Перекинув со спины круглый щит, эльф выпрыгивает из седла. В его правой руке звенит цепь с «утренней звездой»¹.

1 «Утренняя звезда» – бронзовый шарик с ввинченными в него стальными шипами. Использовался в качестве навершия палиц или кистеней. Такое навершие увеличивало вес оружия и оказывало сильное моральное воздействие на противника, устрашая его своим видом. Шипы сильно затрудняли ношение оружия, создавали большое сопротивление воздуху и часто застревали в щитах или доспехах.

Эльф стремительно преодолевает разделяющее нас рас-

стояние, «утренняя звезда» описывает гневные круги над его головой. Завершив очередной круг, шар сверкающей змеей устремляется мне в ноги. Отпрыгиваю влево. Шар, тяжело чавкнув, входит в землю рядом со мной. Пользуясь этим, пытаюсь ударить эльфа по руке с оружием. Эльф быстро поворачивается вокруг себя и подставляет под мой удар щит. Стремительно отхожу назад, уходя из-под очередного удара «утренней звезды».

Разорвав дистанцию, замираю и настороженно оглядываюсь по сторонам: не подошли ли другие охотники? Эльф понимает мои взгляды по-своему, его лицо перекашивается ухмылка:

– Вас не спасут, принц. В этом лесу мы одни. Я не знаю, кто помог вам, но теперь он далеко. Я первым узнал, что вы сбежали, и сразу ринулся следом. Моих собачек не обманешь! – истерично хихикает палач. – Может, вернемся в вашу уютную камеру и продолжим прерванный разговор?

Делаю правой рукой оскорбительный жест, больше подбаивающий портовому моряку, а не принцу крови.

Эльф, покраснев от ярости, бросается в атаку. Снова приходится проявлять чудеса прыткости. Дыхание начинает сбиваться. Перед глазами все чаще идут красные круги. Увернувшись от очередного удара «звезды», пропускаю удар щитом и падаю в русло небольшого ручья, стекающего в овраг с высокого холма по соседству. Меч с обиженным звоном отлетает прочь. Эльф стремительно нависает надо мной,

занося оружие для завершающего удара. Посылаю ему в лицо комок грязи и проворно перекатываюсь в сторону меча. «Звезда» с плеском входит в место моего падения.

– Мои глаза! Я нечего не вижу! – с ревом хватается за правый глаз палач.

Я вцепляюсь в мокрую рукоять и, шатаясь, встаю на ноги. С моей покрытой грязью одежды стекают капли воды и пота. Палач, отбросив щит, усиленно трет глаза, слепо размахивая перед собой «утренней звездой». Не давая ему опомниться, подскакиваю со спины и перерубаю его шею. Голова эльфа слетает с плеч. Прокатившись по земле, она падает в овраг. Мертвое тело еще несколько мгновений стоит, потом плашмя валится в русло ручья, вода окрашивается в красный цвет.

– Подлый удар, – комментирует внутренний голос.

– Мы не на турнире, а на войне! – успокаиваю я себя. – На войне благородства нет. Ты либо победишь, либо умрешь – третьего не дано.

Силы покидают меня, я падаю на колени. С хмурого осеннего неба срываются первые капли дождя. Пофыркивая и мотая головой, ко мне подходит Ветер. Вцепившись в его гриву, повторно поднимаюсь на ноги. Надо убираться отсюда, до гор еще четыре дня пути.

Преодолев брезгливость и слабость, обыскиваю тело эльфа. Не найдя нечего интересного, снимаю с его пояса короткий кинжал в кожаных ножнах. Повертев в руках «утреннюю

звезду», отбрасываю ее прочь – это оружие требует определенной сноровки в обращении.

Помывшись в ручье, иду и подбираю брошенный эльфом небольшой круглый щит. Забираюсь в седло и медленно пускаю Ветра в обход оврага; из кустарника, темнеющего на его дне, раздаются жалобные завывания раненного вожака.

Глава 9

Не все спокойно в горном королевстве

Саунфол уныло брел вдоль крепостной стены, окружающей небольшой приграничный городок.

«Как же плохо быть самым младшим в отряде! – думал молодой гном. – Кто бежит за пивом? Саунфол! Кто стоит полуночную стражу? Опять Саунфол!»

Юный гном обиженно почесал светлый пушок на подбородке. «Росла бы скорее!»

Борода – гордость любого гнома. Молодой гном считался взрослым, когда его борода достигала длины хотя бы в дюйм. Именно тогда он мог заводить семью и открывать свое собственное дело, минусом было то, что взрослый гном должен платить налоги. Гном, достигший восемнадцатилетнего возраста, был обязан пройти шестимесячное военное обучение в одном из многочисленных пограничных гарнизонов. В дальнейшем он мог остаться на постоянной службе или найти себе мирное ремесло.

– Проклятье Падшему, – пробормотал гном, прислоняя к зубцу стены выданный клевец¹.

1 Клевец – разновидность боевого топора. Большой вес боевых топоров обеспечивал отличную пробивную силу, но не всегда был удобен. Клевец и чекан были оружием, объединяющим высокую пробивную способность с хорошей досягаемостью и небольшим весом. У клевца широкое лезвие топора заменялось узким отогнутым вниз лезвием, клевец можно, скорее, назвать боевой киркой. Такой топор при небольшом весе и длине пробивал любые доспехи и щиты, так как удар приходился на очень малую площадь. Однако клевец мало подходил для отражения ударов и неизбежно застревал во всем, что пробивал.

Сняв шлем, он воровато огляделся по сторонам и достал из-под войлочной подкладки шлема небольшую деревянную трубку и кiset с табаком.

– Часовой на посту не может: есть, пить, спать, курить, справлять естественные надобности и другим образом отвлекаться от несения службы, – зло процитировал он параграфы Дозорного устава и послал плевков в ночную темноту под стеной.

Поднеся к носу кiset, гном жадно вдохнул дурманящий запах: табак и ячмень – единственное, что выращивали гномы в своих скудных долинах. Неожиданно его внимание при-

влек тихий звук у стены. Выглянув из-за зубца, он осторожно огляделся: вокруг стояла непроглядная ночь. Луны скрылись за тучами. Слабый северный ветер неприятно охлаждал укрытое кольчугой тело. Послав очередной плевков в темноту, Саунфол с помощью факела и загодя приготовленной лучины раскурил трубку.

– Пивка бы сюда, – проговорил он.

Пред его глазами возник образ огромной кружки темного пенистого пива, подаваемого в местной таверне, к пиву прилагалось блюдо с копченой колбаской и аппетитные формы дочки трактирщика. Юный гном сглотнул обильную слюну и, причмокнув губами, яростно запыхтел раскуренной трубкой.

Его внимание привлек очередной едва слышный шум у подножья стены. Злобно ругнувшись, Саунфол, пытаясь разогнать ночную тьму снятым со стены факелом, вновь высунулся из-за зубца.

Тишину прервал пронзительный свист. Саунфол вздрогнул и беззвучно повалился назад. В его левом глазу темнело древко небольшой короткой стрелы.

Этой ночью юному гному повезло: из часовых его убили последним.

Огромные створки ворот стали медленно отворяться. Поток малорослых теней, звеня оружием, расплзался по улицам спящего города.

* * *

Угли и пепел, черные угли и серый пепел покрывали землю. То тут, то там виднелись жалкие скелеты развалин. На одиноко стоявшем столбе ветер теребил почерневшую и обугленную вывеску, на которой я с трудом разобрал надпись: «Пьяный торговец».

Подняв с дороги мелкий камушек, я запустил его в толстого черного ворона, деловито копавшегося среди обгоревших тел.

Промах.

Ворон тяжело взлетел, оглашая окрестности противным хриплым карканьем. Отлетев подальше, он уселся на небольшой валун. Его черные глаза презрительно меня разглядывают. Иди дальше, странник. Придет время, я попирую и твоей плотью. А пока – иди, ищи свою смерть.

Подняв другой камень, тоже запускаю его в ворона.

Опять промах.

Проигнорировав этот бросок, наглая тварь начинает чистить свой клюв.

Легкий хруст под ногой отвлек меня от мести падальщику. Убрав ногу, я наклонился и поднял из грязи небольшую сломанную фигурку механического рыцаря. Гномы делали не только оружие – подобные фигурки были весьма распространенным увлечением среди детей, если у них были богатые родители. Игрушки заводились маленькими ключиками и могли двигаться. Рыцари размахивали оружием, осадные

башни передвигались, игрушечные катапульты и баллисты стреляли. Сколько сражений с помощью таких вот игрушек разыграли мы с Ольденом, когда были маленькими... Отбросив рыцаря в сторону, продолжаю осмотр.

Ворон продолжает чистить клюв.

Похоже, враг напал внезапно, ночью. Обгоревшие тела виднелись в развалинах зданий. Не видно следов борьбы или бегства. Постояльцев гостиницы перебили прямо в постелях. После чего разграбили караван и подожгли постройки.

Но кто мог это сделать?

Разбойники? Хотелось бы посмотреть на этих «храбрецов». Торговля и торговые пути были плотью и кровью Горного королевства, поэтому в отношении разбойников действовало крайне жесткое законодательство. Пойманных разбойников без всяких ухищрений отправляли на съедение пещерным медведям, таким же образом карали убийц. Поэтому разномастные «сборщики дорожной подати» старались держаться подальше от гномов.

Но кто же тогда напал на них? Эльфы?

Я раздраженно поскреб надоевшую щетину. Скорее бы побриться.

Эльфы не станут убивать курицу, несущую золотые яйца. Горное королевство слишком зависело от торговли. А все торговые маршруты вели через земли эльфов.

Что же происходит в этом проклятом Падшим мире? Эльфы предают своих старых союзников, причем большая часть

искренне считает, что предали их. Драконы-правители выступают вместе и уничтожают вторгнувшиеся войска. При этом они проявляют невиданное прежде великодушие и отпускают эльфийскую армию. Теперь вот это – выжженный торговый пост на самой южной окраине Горного королевства.

Кто мне объяснит?

Эх, попался бы мне тогда в долине лорд Уриэль. У меня к нему накопилось множество вопросов.

– Попадись тебе высокий лорд, ты, быть может, узнал бы ответы. И что бы ты с ними делал? Без помощи Эйвилин ты бы не выбрался из той ловушки.

Эйвилин... Это имя вызвало во мне волну нежности. Я машинально погладил скрытый под одеждой браслет.

Интересно, как сложились бы наши судьбы, встретиться мы раньше?

– Лекс, весь мир катится к Падшему, а ты думаешь, как бы хорошо тебе жилось, не будь этого. Сотри с лица это дурацкое влюбленное выражение и возьми себя в руки. Забудь девчонку: вы – враги. Следующая ваша встреча может быть последней для одного из вас.

Мой взгляд остановился на единственной дороге, ведущей на восток. Я знал: именно эта дорога вела к Железному холму. Не знаю, чем руководствовались гномы, назвав холмом огромную гору, изрытую множеством туннелей. Железный холм был столицей Горного королевства. Три высо-

кие каменные стены окружали ее подножие. Огромная рукотворная дорога опоясывала гору, постепенно поднимаясь к вершине. Вдоль дороги располагались фасады зданий, которые служили входами в огромные лабиринты подземных пещер. Из вершины горы постоянно валил дым – это работали искусные дымоходы, отводившие дым многочисленных плавильных печей и кузниц на вершину горы.

Внутреннее убранство горы состояло из многочисленных лабиринтов, длинных коридоров со светящимися кристаллами в стенах, широких винтовых лестниц и водяных подъемников. В самом центре горы находились палаты подгорного короля и Совета старейшин.

Железный холм – сердце Горного королевства. Оттуда берут начало все гномьи кланы, именно там проживала добрая половина малочисленного подгорного народа. Остальные поселения Горного королевства – это небольшие пограничные городки и шахтерские поселки.

О сокровищах Железного холма слагали легенды. Многие армии сломали зубы о его неприступные бастионы в бесполезной попытке захватить.

Запрыгнув в седло, я направился на восток.

До встречи, странник! Ворон проводил меня презрительным карканьем, после чего вернулся к прерванной трапезе.

* * *

На поле боя я наткнулся на расстоянии одного дневного

перехода от Железного холма. Отряд гномов попал в искусно замаскированную засаду.

Дорога вдоль берега небольшого озера была покрыта темными пятнами мертвых тел. Везде валялись разбитые щиты и сломанное оружие. Походная колонна гномов не ожидала нападения: как только она втянулась в долину, на нее обрушился ливень арбалетных болтов. Нападавшие прятались за огромными валунами, в избытке наваленными вдоль горных склонов. Били стрелки с пятидесяти ярдов, почти в упор. У гномов не было шансов: арбалетный болт, пущенный с такого расстояния, пробивал любую броню. Больше половины отряда погибло в первые секунды боя, так и не поняв, что же их убило. Оставшиеся в живых едва успели выхватить оружие, как на них нахлынула волна нападающих. Растерянных гномов прижали к воде и безжалостно перебили.

Трупов нападавших не было – видимо, их успели похоронить. О телах гномов заботиться не стали.

– По крайней мере, это не гражданская война, – усмехаюсь грустно.

Перебросив со спины щит, я медленно тронулся вдоль дороги. Ветер осторожно обходил мертвецов и настороженно фыркал. Мое внимание привлек погибший гном, сжимающий в руках длинное древко с прямоугольным полотнищем на конце. Не веря своим глазам, я выпрыгнул из седла и быстро оказался перед мертвецом.

На сером шелке знамени было простое с виду изображе-

ние: высокая черная гора с белой снежной шапкой на вершине. Еще внимательней окидываю взглядом лежащие в беспорядке тела. Сомнений не осталось: передо мной лежали воины легендарного Железного легиона – хранители Горного королевства. Служба в отборной тысяче этих воинов была высшей честью для любого гнома. Этот отряд никогда не покидал границ Горного королевства, но многим завоевателям был прекрасно знаком их невзрачного вида штандарт. Опора трона, Железный легион, ни разу не отступивший с поля боя, не проигравший ни одного сражения, – бесславно погиб на берегу безымянного горного озера, попав в засаду неизвестного врага.

Отряд жив, пока живо его знамя: достав меч, я осторожно отрезал от древка знамя легендарного отряда. Аккуратно свернув, положил его в свою дорожную сумку. Надо отдать его гномам.

Если еще есть, кому возвращать.

Стремительно стало темнеть, наступило время позаботиться о ночлеге. Покинув поле боя, я продолжил двигаться на северо-восток к узкой горловине горного прохода в соседнюю долину. Если завтра удастся ее пересечь, я окажусь около столицы гномов.

* * *

Бальдор умирал. Он чувствовал: этот закат станет для него последним. Утерев с губ кровь, он положил себе на ко-

лени взведенный арбалет.

Они гордились, они считали себя непобедимыми и попались в простейшую засаду, словно юные рекруты.

Почти две недели в Железном холме не получали никаких известий от западных владений. Один за другим были отправлены несколько гонцов, но никто не вернулся. Недавно восстановленный Совет глав кланов принял решение: отправить на запад Железный легион.

Больше послать было просто некого.

В походе на драконов погибло шесть легионов, лучшая половина всей армии*. Оставшиеся семь легионов были раскиданы по многочисленным приграничным крепостям.

* Обычно легион гномов имеет численность полторы-две тысячи тяжелых пехотинцев.

Мятеж. Эльфийский посланник сказал, что союзные армии подняли мятеж. Совет знал: это ложь, но скрипя зубами сделал вид, что поверил в слова эльфийского посла. С грамотами, подтверждающими вечную преданность императору, гонец отбыл обратно.

У Совета просто не было выбора.

Почти полтора века мирного сосуществования с эльфами сделали гномов слишком зависимыми от них. В бедных плодородными почвами горных долинах уже давно не растили хлеб. Зачем? Чернозем центральных провинций империи

давал в три раза больший урожай. Гномы занялись тем, что умели делать лучше всего. Караваны с железом и оружием, драгоценными камнями и диковинными механизмами шли в империю – обратно шли караваны с продовольствием.

Кто-то назвал это время золотым веком.

Бальдор тяжело закашлялся.

Как же глупо они погибли!

Легион походной колонной двигался по дороге на запад. Ранним утром второго дня похода они вошли в долину Холодного озера и двинулись дальше. Небольшой туман окутывал склоны окрестных гор.

Тут их уже поджидали. Арбалетные болты, вынырнув из тумана, буквально выкосили весь левый фланг колонны. Сразу после залпа враг атаковал, не давая выстроить боевые порядки. Они сопротивлялись, но все было тщетно. Тяжелый пехотинец хорош в плотном строю себе подобных. В одиночку он легкая добыча для слабо бронированных, но быстрых врагов, особенно когда врагов так много. В течение часа все было кончено. За свою беспечность они были наказаны. Старый враг вернулся...

Бальдор снова разразился хриплым кашлем, рот наполнился кровью. От неловкого движения рана на груди открылась, струйки крови пробежали по его некогда белой бороде.

Светлое пятно входа в пещеру загородила чья-то тень, гном с трудом поднял арбалет и прицелился.

– Я не враг, – разведя руки и показав, что в них нет ору-

зия, произнес пришелец.

За его спиной мотал головой могучий гнедой жеребец.

* * *

– Плохо, очень плохо, – бормотал я, осматривая раны гнома.

Кольчуга на его груди, прикрытая грязной, измазанной кровью бородой, была пробита ударом копья. Левая нога была перетянута грязной тряпицей с запекшейся кровью. Просто удивительно, что он дошел так далеко.

Раненый впал в забытье.

Что же делать?

Быстро стянув с себя плащ, я задрал рукав рубашки и снял с себя браслет Эйвилин. Многочисленные шрамы мучительно зачесались. Легкое головокружение заставило меня опуститься на колени перед сидевшим гномом. Стянув с его правой руки кольчужную перчатку, я попытался надеть на нее браслет. Гномы всегда отличались крупным телосложением. Эльфийка носила браслет на плече чуть выше локтя, на моей руке он охватывал предплечье. У гнома, после минутной возни, с трудом удалось застегнуть половинки браслета на запястье.

Как же Эйвилин активировала эту штуку?

Пробежав пальцами вдоль серебряных змей, я легонько нажал на изумрудные крупинки их глаз. От браслета пошло уже знакомое мне синеватое свечение. Многочисленные ра-

ны перестали кровоточить, гном тихо застонал.

Внезапно браслет тихо шелкнул, светящиеся искорки мгновенно пропали. Похоже, лечение гнома полностью разрядило артефакт.

Сняв с руки гнома браслет, я вернул его на свое предплечье. Может, он больше и не обладал магическими свойствами, но с ним я чувствовал себя уверенней...

– Врешь. Сам себе врешь. Признайся, тебе просто не хочется расставаться с ее подарком. Память – это единственное, что у тебя осталось.

Гном вновь слабо застонал и открыл глаза.

– Щекотно, – хриплым голосом проговорил он.

Да, чувствительность у парня, как у ящера. Мои первые впечатления от лечебной магии браслета были не такими приятными. Эйвилин пришлось зажать мне рот, чтобы криками я не перебудил спящую стражу.

Между тем гном осторожно ощупывал свое тело. Сорвав грязную повязку с ноги, он восхищенно уставился на видимый из распоротой штанины свежий рубец. Недоверчиво потрогав его, посмотрел на меня:

– Спасибо, господин маг. – Гном, кряхтя, поднялся на ноги. – Вовремя вы появились. Я уже начал думать, что следующий, кого я увижу, будет творец.

– Я не маг, – честно ответил я.

Похоже, творец действительно сотворил гномов из камня. Мой новый знакомый уже всю возил с небольшой

секирой, старательно счищая с ее лезвия рыжие пятна свежей ржавчины и засохшей крови.

– Не маг? – удивленно уставился на меня гном.

– Меня зовут Леклис, я путешественник. А вашим быстрым выздоровлением вы обязаны вот этой вещице, – сказал я, продемонстрировав надетый на предплечье браслет.

– Наша работа, – кинув мимолетный взгляд, проговорил гном. – Однако я забыл представиться. Сотник Железного легиона Бальдор Белобород, клан Подземной реки.

Гномы довольно часто использовали собственные прозвища как часть имени.

– Что у вас творится, сотник? – задал я давно мучивший меня вопрос.

Он немного помолчал, собираясь с мыслями:

– Это началось две недели тому назад. Из западных земель перестали поступать новости, приходят караваны, пограничные крепости таинственно замолчали. Совет начал беспокоиться и посылать гонцов, но все тщетно. Стали поговаривать о крупной разбойничьей шайке, перекрывшей западные дороги. – Бальдор тяжело вздохнул. – Мы выступили, чтобы узнать, что же там происходит. В долине мы напоролась на засаду гоблинов...

Я разразился потоком отборных грязных ругательств, чем несказанно удивил гнома.

Гоблины – это еще одни милые создания Падшего. Гобли-

ны были низкорослы, слабы, плохо вооружены и организованы, но их было **ОЧЕНЬ** много. Веками они опустошали земли империи, пока лет сто назад силами объединенных армий их не выбили в отдаленные северные районы. Выбирая между войной с драконом и войной с гоблинами, я, не колеблясь, выбрал бы дракона.

Последний большой набег гоблинов был около пятидесяти лет назад и закончился их полнейшим разгромом. Пока гоблины безуспешно пытались взять пограничные крепости гномов, объединенные армии успели собраться вместе и обойти их с тыла. После чего многочисленную орду уничтожили по частям. С этого времени гоблины не показывались на землях империи.

– В этот раз пограничные крепости их не остановили, – продолжил гном. – Скорее всего, они разграбили весь запад королевства, а теперь осаждают Железный холм. Не знаю, выстоит ли он. Кто-то очень хорошо подготовил это вторжение.

– Странно слышать, что гном боится падения Железного холма. – Заявление Бальдора удивило меня больше, чем новость о гоблинах.

– Все когда-то случается впервые, – философски пожал плечами мой собеседник. – Вчера в долине бестолково погиб отряд, до этого считавшийся непобедимым. А защита Железного холма сейчас слаба, как никогда. Чтобы защитить его стены, будет мало и пятидесяти тысяч воинов, но там нет

и десяти.

– Не слишком ли вы мне доверяетесь? – удивился я такому откровению. – Может, я вражеский лазутчик.

– Чей? Гоблинов? – усмехнулся в бороду Бальдор. – Как только вы представились, я узнал вас, принц Леклис, я бывал при дворе вашего дяди. А если надумаете в следующий раз остаться инкогнито, назовите другое имя. Ваше в последнее время слишком популярно.

– Любопытно, чем я заслужил такую известность?

– А как же? Единственный выживший «мятежник», да еще и приговоренный императором к охоте. Рад, что вам удалось сбежать. Горный Совет будет рад услышать вашу версию «мятежа». – Его лицо омрачилось. – Если мы найдем, кому ее сообщить.

– Все настолько плохо? – тихо спрашиваю я.

– Не знаю, принц, – тяжело вздыхает гном. – Сейчас в Железном холме полторы тысячи стражников. Еще месяц назад Совет принял решение дополнительно сформировать четыре новых легиона, часть рекрутов уже прибыла в город. В случае осады оружия хватит, чтобы вооружить все мужское население столицы. Хватит ли этого, чтобы отбиться, знает лишь творец. Даже останься мой легион в крепости...

Он помолчал, потом добавил:

– Не знаю. Слишком странная это война. Пограничные крепости молчат. Гоблины захватывают полстраны, а мы узнаем об их нападении у самых ворот столицы. А засада?

Кто научил их так искусно ставить засаду? Проклятие Падшему, неужели я единственный выживший? Железный легион мертв.

– Мертв? Пожалуй, у меня есть кое-что для вас, – пробормотал я.

Встав, я подошел к смиренно стоящему Ветру и снял с его спины сумки. Умное животное сопровождало мои действия одобрительным взглядом. Раскрыв одну из них, я достал полотно с черной горой на сером фоне. Увидев его, Бальдор вскочил на ноги и, подойдя ко мне, рухнул на одно колено. Осторожно взяв потрепанный штандарт, он благоговейно поднес к губам грязный шелк.

Хм, мне показалось, или в уголках его глаз сверкнули слезы? Странные существа эти гномы.

– Мне пришлось его отрезать, – извинился я. – Погибший знаменосец мертвой хваткой вцепился в древко.

– Ерунда, – отмахнулся гном. – Главное, что оно не досталось гоблинам.

Бальдор спрятал знамя легиона на груди под кольчугой:

– Спасибо, принц, вы сохранили не только мою жизнь, но и мою честь. Теперь я ваш должник, а гномы всегда возвращают долги.

Неожиданно Ветер, до этого спокойно стоявший у входа в пещеру, возбужденно захрипел, его ноздри стали нервно втягивать воздух.

– Что это с ним? – удивился гном.

– Похоже, у нас гости, – произнес я, вытягивая из ножен меч.

Мой конь медленно отступил в глубь пещеры.

Бальдор с быстротой, которой я не ожидал от кряжистого и широкоплечего гнома, укрылся за огромным камнем у левой стены пещеры. Прислонив к нему секиру, он покрепче перехватил свой короткий гномий арбалет. Последовав его примеру, я укрылся у правой стены.

Заходившее солнце кровавым глазом освещало пространство перед входом. Звонящую тишину разорвали чьи-то настороженные шаги. Пять невысоких фигур перегородили пятно света.

– Глупый пришелец, наша видеть, как ты входить, – коверкая слова, произнес один из гоблинов.

Я показал гному пять пальцев. Потом четыре пальца – и провел ладонью по горлу, после чего показал один палец и сжал кулак. Четырех – в расход, а болтающего «умника» возьмем живым.

– Если ты не выходишь сейчас, мы будем тебя немножко убивать. – «Умник» и его товарищи медленно приближались.

Гном, выскочив из-за укрытия, вскинул арбалет и отправил одного из гоблинов на свидание с Падшим. Бросив разряженное оружие, он схватился за рукоять топора. Я, выскочив сразу после него, ударил щитом «умника» – оглушенный гoblin медленно сполз по стене.

Второй гоблин пытался ударить меня коротким копьём. Отведя его удар щитом, я разрубил незадачливому копейщику грудь. Бальдор уверенно теснил двух оставшихся соперников.

Воспользовавшись тем, что Бальдор высоко поднял секиру, один из гоблинов бросился в ноги гнома, пытаясь его повалить. Последнее, что он увидел в этой жизни, было сверкающие лезвие секиры, несущееся ему между глаз.

Перешагнув через мертвеца, Бальдор атаковал последнего гоблина. Тот громко взвизгнул и кинулся прочь из пещеры. Бальдор не стал утомлять себя погоней: у самого выхода гоблина догнала брошенная гномом секира. Судя по хрусту, бедняге обухом перебило позвоночник. Впрочем, долго он не мучился – подошедший гном поднял свое оружие и отправил гоблина к его же товарищам.

Весь бой не занял и двух минут.

Вытерев об убитого гоблина меч, я подошел к лежащему без сознания «умнику». Судя по слабому дыханию, коротышка был жив. Освободив пленника от не нужного ему теперь оружия, я отволол его в глубь пещеры.

Достав из сумки длинную веревку, я тщательно связал руки и ноги гоблина. Бальдор выбросил наружу тела мертвецов.

– Похоже, нам придется спать по очереди. – Гном, деловито потирая руки, разглядывал пленника. – Пойду наберу дров, надо развести костер.

Занятый обыском пленного, я не обратил внимания на его слова.

Передо мной лежало гротескное существо менее четырех футов ростом, с короткими ногами и непропорционально длинными руками. Гоблин был одет в грубую кожаную куртку и грязные штаны. На фоне потрепанной одежды бросались в глаза новые кожаные сапоги, слишком большие для ноги гоблина. Видимо, их недавно сняли с убитого гнома. Гоблин пробормотал что-то на своем языке и открыл глаза.

В пещеру вернулся Бальдор с охапкой сухого мха и веток, собранных в жиденькой рощице недалеко от озера. Положив мох и самые мелкие ветки в небольшую ямку в центре пещеры, он достал потертое огниво и принялся разводить костер.

– Если глупый полукровка не отпускать меня, Великий вождь сдирать с него шкура! – заявил гоблин, злобно вращая глазами.

Достав из ножен короткий кинжал, я повертел им перед носом «умника».

– Если ты не отвечать на наш вопрос, шкуру сдирать с тебя, – передразнил я коротышку.

– Моя не бояться угроз, – скорчил презрительную усмешку гоблин. – Полукровка не сможет заставить предать Великий вождь.

Ко мне подошел Бальдор:

– Принц, одолжите ваш кинжал, – попросил он. – Сейчас он нам все расскажет.

Взяв кинжал, гном стал раскалять его лезвие на огне костра.

– Зачем он это делать? – судорожно сглотнул гоблин.

– У тебя есть выбор: либо ты отвечаешь на вопросы мне, либо ему, – кивнул я в сторону гнома.

Гоблин задумался:

– Поклянись, что ты не убивать меня после моих ответ, – решил он.

– Клянусь, что не убью тебя, если ты правдиво ответишь на мои вопросы.

– Что ты хотеть знать? – буркнул гоблин.

– Сколько вас? Что случилось с приграничными гарнизонами? – влез в допрос гном, вертя в руках так и не раскалившийся кинжал.

– Я не умею стока считать ваш язык, от поступь наших армий дрожать земля. Пять отдельных больших войска нападать на крепость в горах, крепость спать, мы захватывать крепость, убивать жителей. Великий вождь учить нас делать это. Теперь мы захватывать большой крепость, скоро тут будет земля гоблин. Глупый полукровка и глупый гном лучше сдаться, за это их не убивать.

– Что за Великий вождь? – проигнорировав последнюю часть исповеди, спросил я. – Гоблин?

Пленник разразился хриплым смехом:

– Если ты так сказать ему, ты мучения умирать в пытка. Великий вождь – не гоблин, Великий вождь – человек.

Много холодных дней назад приходите к нам, мы хотим его убить. Человек – сильный колдун, он сам убил многих нас. Потом объявить себя Великий вождь и учить самый умный. – Гоблин горделиво выпучил грудь. – Потом человек говорит гоблин собирать армию и нападать на врагов, а сам уходит. Мы холодный день готовить армия, а теперь выступить. Гоблины править миром.

Я задумчиво присел на камень.

Допрос гоблина не принес ответов – скорее, наоборот. Что за маг год назад учил гоблинов? Для чего? Почему приказал нападать именно сейчас? Будь маг эльфом, я бы не удивился, но человек?..

– Последний вопрос, – поигрывая кинжалом, спросил гном. – Что творится у Железного холма?

– Моя не знать, – вжался в стену гоблин. – Моя сидеть у прохода в долину, перехватывать гонец. У крепости собираться пять войска, потом захватывать крепость, убивать гномов, строить гоблин королевство.

– Жаль, – вздохнул гном и молниеносным движением вогнал кинжал в сердце пленника.

– Я же обещал ему жизнь! – вскочил я.

Гном усмехнулся:

– Вы обещали, что не убьете его. И вы свое слово сдержали.

Бальдор вытер кинжал и протянул его мне.

– Врага, которого нельзя превратить в друга, надо уничто-

жить. – Гном потащил мертвого пленника к выходу. – Ложитесь спать, принц. Первая стража – моя.

Глава 10

Град обреченных

Клонившееся к закату солнце бросало яркие блики на воды Фии, омывающие западные бастионы Железного холма. Защитники с горечью наблюдали, как в долину отряд за отрядом втекают войска врага. Из пяти дорог, связывающих Железный холм с внешним миром, три были перегорожены аванпостами гоблинов, по двум другим двигались вражеские армии. Многочисленность обозов и величина армии явно указывали: гоблины пришли не с простым набегом.

Их передовые отряды выплеснулись в долину два дня назад. Весь вечер и всю ночь они полноводным потоком шли с севера. Вдоль берега реки, словно грибы после дождя, выросли грубые серые палатки. С гоблинами было огромное количество обозов. Маленькие лохматые пони тащили на себе огромные вязанки хвороста, палатки, строительный материал для лестниц и части сложных осадных машин. Участь самих лошадок была незавидна – гоблины крайне рационально подходили к вопросам снабжения: зачем тащить с собой еду? Пусть еда сама тащит себя и поклажу.

Остатки надежды покидали защитников. Прошедшим вечером с западного тракта выплеснулась новая армия врагов.

Все знали: именно туда ушел Железный легион. Теперь стало понятно странное молчание западных провинций.

Судный день подгорного народа.

Последняя надежда – эльфийская армия, но продержится ли город до подхода «союзников»? И придут ли они?

Железный холм дымил подобно раскаленному вулкану. В многочисленных подгорных кузницах день и ночь не смолкал перезвон кузнечных молотов. Все запасы стали превращались в наконечники арбалетных болтов, лезвия секир и метательных топоров. Безбородые юнцы и седые старики, получив доспехи и оружие, занимали места на крепостных стенах. За два дня удалось собрать почти пятьдесят тысяч.

Всего пятьдесят тысяч...

Две трети войска взялись за оружие впервые за много лет или впервые в жизни.

Город готовился к осаде. На башни носили запасы стрел и камней для баллист и катапульт, из-за зубцов крепостных стен выглянули хищные носы тяжелых арбалетов и бриколий¹. В надвратных башнях суетились гномы, проверяя огромные установки для стрельбы гномьим огнем*.

1 Бриколия, бриколь – многозарядный стреломет, использующий энергию упругой доски. Ручная разновидность требушета (см. сноску 2).

* Гномий огонь – горючая смесь. Точный состав дер-

жится гномами в строжайшем секрете.

Гоблины подобно муравьям суетились в долине, готовясь к штурму. Распределялись по отрядам захваченные в приграничных крепостях оружие и доспехи, вырастали огромные основы дальнобойных требушетов², готовились длинные осадные лестницы, точились короткие кривые мечи.

2 Требушет, он же порок (по-русски, от слова *праца*) – камнеметательная осадная машина средних веков.

Первый собранный требушет послал защитникам города приветственный подарок в виде огромного каменного булыжника. Снаряд ударился о каменистую почву в двадцати ярдах перед стеной и раскололся.

Внимание стражников на западной надвратной башне привлекло неожиданное оживление гоблинов на западном тракте. Из-за гребня небольшого холма, скрывающего вход в соседнюю долину, показался летящий во весь опор всадник. Большой отряд гоблинов устремился ему наперерез, однако даже неискушенному наблюдателю было ясно, что они не успеют. Всадник припустил коня в сторону каменного моста, перекинутого через небольшую, но бурную горную речку.

– Открыть ворота! – распорядился начальник стражи. – Арбалетчикам приготовиться!

Стрелки рассыпались по стенам, со скрежетом заработал

механизм отпирания ворот, створки вздрогнули и медленно открылись, поднялась тяжелая кованая решетка. Напротив открытых ворот выстроили стену щитов стражники.

Взмыленный скакун, выбивая копытами искры, пролетел мост и влетел за ворота. Решетка мгновенно упала вниз, створки стали медленно закрываться. Наиболее шустрые преследователи влетели на мост и устремились к сходящимся створкам. Их встретили арбалетные болты стражи. Потеряв десяток убитыми, гоблины отступили.

Всадник пустил хрипящего жеребца по кругу, постепенно замедляя ход и переходя на шаг. Подождав, пока жеребец отойдет от скачки, всадник, а точнее – всадники, покинули седло. Один из них, коренастый и широкоплечий, с длинной белой бородой, был хорошо знаком начальнику стражи. Второй оказался молодым полукровкой: зеленоватый оттенок кожи указывал на наличие оркской крови. Он был одет в дорогую, но изрядно потрепанную одежду и теплый черный плащ. У его бедра был пристегнут короткий меч в искусных, украшенных серебром ножнах, за спиной виднелся небольшой круглый щит.

В звянящей тишине прозвучал голос Бальдора:
– Добро пожаловать в Железный холм, принц Леклис.

* * *

Я шел за Бальдором по огромному искусственному туннелю. Светящиеся кристаллы под его высокими сводами дава-

ли ровный свет, по отделанным мрамором и малахитом стенам гуляли причудливые тени. Мы остановились в большой пещере, больше похожей на огромный пиршественный зал. Стены пещеры украшали изящные мозаичные фрески.

Остановившись около больших, богато украшенных золотом дверей, Бальдор повернулся ко мне:

– Подождите меня здесь, ваше высочество.

Стражники в доспехах, сделавших бы честь и королю, открыли тяжелые створки, пропуская гнома в зал Совета.

Размеренным шагом прогуливаюсь вдоль стены и с любопытством разглядываю мозаичные фрески. На них изображены сцены из наиболее значимых битв в истории подгорного народа. Фрески были искусно выполнены, но не отличались оригинальностью. Почти на всех преисполненные храбрости и величия гномы давали по башке своим врагам, менялись только враги и их количество. Тут гномы врубаются в запаниковавший кулак орков, там безжалостно гонят эльфов или гоблинов. Судя по этим картинкам, история гномов состояла из одних побед. Впрочем, было бы странно увидеть на этих стенах картину Пилостской бойни или Веленского мятежа. Гобелены, изображающие эти поражения гномов, висели в тронном зале Восточного королевства.

Прогулявшись вдоль стен, я остановился у последней мозаики. На фоне восходящего солнца стояли гном, эльф, орк и человек.

«Навеки вместе», – гласила изящная, выложенная горным

хрусталем надпись. Проведя рукой по холодным камням, грустно усмехаюсь:

– Навеки вместе...

За те тысячелетия, что существовала Рассветная империя, мир между расами был скорее исключением, чем правилом. Пожалуй, только для последнего столетия написанное утверждение было верно.

Было...

Двери вторично открылись, я прошел в зал старейшин. Вышедший гном-стражник провозгласил:

– Совет ждет вас, ваше высочество.

Критично оглядев свой помятый вид, следуя в палаты старейшин Железного холма. Переступив порог святая святых подгорного народа, замираю в восхищении.

От открывшегося зрелища захватывает дух. Я оказался в огромной пещере, под высоким сводом которой сияло искусственное солнце – светящийся кристалл просто немыслимых размеров: Сердце горы. На противоположной от входа стене пещеры вились разноцветные переплетения драгоценных рудных жил. Зеленые, красные, синие изломы образовывали рисунок огромного молота и наковальни.

Прохожу к небольшому возвышению и останавливаюсь перед десятью расположенными полукругом тронами. Совет старейшин состоял из глав десяти гномьих кланов, общим голосованием они выбирали одного из старейшин королем.

– Принц Леклис Эльфиниил из Восточного королевства, –

представил меня стоящий неподалеку Бальдор.

Пройдя вперед, встав в центр полукруга и отвесив учтивый поклон, внимательно разглядываю правителей гномов. Старейшины обычно ассоциируются со старыми, дряхлыми гномами с длинными, до пола, и седыми бородами. На самом деле старейшиной назывался правитель гномьего клана, и стариком он был далеко не всегда. Так что открывшаяся картина меня не удивила: под определение старика попадал лишь один из старейшин, остальные, по меркам гномов, были молоды, двумя старейшинами оказались женщины.

Почему-то многие считают, что гномихи мало отличаются от гномов – низкорослы, бородаты и широкоплечи. Подобные утверждения исходили от тех, кто ни разу в жизни не видел женщин гномов. Гномихи действительно не отличались высоким ростом, как и все подгорное племя, но у них не было бороды. Сложение не отличалось хрупкостью, но я бы назвал его, скорее, пышным.

Один из старейшин, чем-то напоминающий Бальдора, обратился ко мне:

– От лица подгорного народа приветствуем вас, принц Леклис. Вы пришли в смутное время, но мы готовы вас выслушать. Вы можете пролить хоть луч правды на тьму лжи, окутавшую поход на драконов.

– Почему произошел мятеж? – задала прямой вопрос одна из старейшин.

Под присмотром десяти пар внимательных глаз я начал

свой рассказ:

– Не было мятежа. Весь поход был огромной, хорошо спланированной ловушкой.

По возможности кратко я описал обстоятельства похода и битву, появление драконов, предательство эльфов. Никто меня не перебивал, старейшины задумчиво внимали рассказу единственного очевидца. Когда я закончил историю, в комнате повисла гнетущая тишина.

– Драконы договорились с эльфами и уничтожили союзные армии, – крутя в руках шлем, пробормотал один из старейшин. Похоже, он пришел на Совет прямо с крепостных стен. – Расскажи мне эту историю кто-то другой, я бы не поверил.

Другой старейшина гномов горестно вздохнул:

– А если эльфы договорились и с гоблинами? Тогда наш народ обречен.

– Но зачем эльфам это понадобилось? – вмешалась в разговор одна из женщин.

Повисло задумчивое молчание.

– Вы принесли тяжелые вести, принц, – обратился ко мне старый гном. – Нам надо их обсудить. Вы можете отдохнуть и покинуть город через подземный туннель.

– Я отдохну и займу место на стенах, – поклонился я. – Между нашими королевствами договор о помощи. Пусть со мной нет армии, но на стенах я могу принести пользу.

Похоже, своим заявлением я их удивил:

– Мы с благодарностью примем вашу помощь, – бросая на меня благодарный взгляд, очнулся затянутый в кольчугу гном. – Бальдор проводит вас в комнаты для гостей и подберет доспехи.

Поклонившись в очередной раз, покидаю зал Совета.

* * *

Утром, отлично выспавшись на огромной двуспальной постели, я блаженно развалился в небольшом мраморном бассейне, до краев наполненном горячей водой. Вода в бассейн подавалась через две странные изогнутые трубы с колесиками: из одной трубы текла горячая вода, из другой – холодная. Вечно гномы что-то придумают.

«Зачем ты остался?» – думал я, наслаждаясь краткими минутами покоя.

Гоблинов надо остановить здесь! Если их не остановить у Железного холма, они саранчой расползутся по землям империи. Сколько крови прольется, прежде чем их остановят?

Какое тебе дело до эльфийской и гномьей крови?

Лекс! Ты прекрасно понимаешь, что гоблины доберутся и до Восточного королевства. Сможешь ли ты остановить их там без союзников?

Останешься или уйдешь – что изменит на стенах один меч?

С этими невеселыми мыслями я покинул бассейн и прошел в отведенную мне комнату. На огромной двуспальной

кровати была разложена чистая одежда, надев ее, я по привычке застегнул на предплечье браслет Эйвилин.

В дверь моих апартаментов постучали.

– Входите, – проговорил я, справедливо предполагая, что это Бальдор.

Белобород пришел не один: зло сопя, за ним вошли два гнома, несущие с собой большой сундук. Сам Белобород нес в руках мой почищенный плащ, в который был завернут какой-то длинный предмет. Положив его на кровать, Бальдор обратился ко мне:

– Я подобрал вам доспехи, принц, как вы и просили.

Один из гномов открыл сундук, и я извлек из него великолепный хауберк, сделанный из странного черного металла. В ровном свете светящихся кристаллов по кольцам кольчуги играли радужные блики.

– Откуда такое чудо? – замороженно спросил я гнома. – Ограбил главную сокровищницу?

– Вы почти угадали, принц, – усмехнулся Бальдор. – Кольчуга лежала в сокровищнице моего клана. Отец просил передать ее вам.

– Отец?

– Вы его видели в палате старейшин. Эта кольчуга сделана из недавно полученного нами сплава, он в два раза прочнее стали и гораздо легче.

Надев на себя поддоспешник, я натянул кольчужные штаны и хауберк. Плечи охватила приятная тяжесть. Затянув на

себе широкий кожаный пояс черного цвета, я вопросительно перевел взгляд на лежащий на кровати плащ. Бальдор сделал приглашающий жест:

– Этот дар лично от меня.

Аккуратно разворачиваю ткань плаща: на моих руках, словно новорожденный ребенок, покоится прекрасный меч в искусных, украшенных гравировкой ножнах. Гарда – в виде изогнутого несколько раз драконьего хвоста, навершие выполнено в виде трех голов, смотрящих в разные стороны – коза, лев и дракон. Я перевел взгляд на Бальдора, он кивнул головой:

– Этот меч мой клан готовил в подарок вашему дяде, ее зовут Химера.

– Ее? – Я изумленно вскинул бровь.

– Так говорим мы, гномы. Секиры и мечи – она, механизмы и горы – он.

Мои пальцы ласкающе обхватили рукоять, из ножен подобно змее поползло изящное черное лезвие.

Отличный баланс!

Делаю легкий взмах сверху вниз – клинок молнией устремляется к полу: не подчиняясь моим рукам, он сам ускоряет свое движение. Приходится напрячь руки, гася его инерцию.

– Он что, зачарован? – бросаю на Бальдора удивленный взгляд.

Гном продолжает усмехаться в бороду:

– Нет, ваше высочество. Вы знакомы со «слезами дракона»?

– Слеза дракона... Слеза дракона... Кажется, именно так вы называете ядовитый жидкий металл, – покопавшись в памяти, выдаю я.

– Вы совершенно правы! – уважительно кивает гном. – В лезвии меча есть пустота со «слезой дракона» внутри. Когда меч держишь лезвием вверх, центр тяжести смещен к рукояти: оружие становится более вертким, им легче двигать, управлять, защищаться. Когда вы совершаете удар, капля металла смещает центр тяжести к острию, делая удар более сильным.

Полюбовавшись совершенной формой, возвращаю меч в ножны и пристегиваю их к поясу. Накидываю на плечи плащ, один из гномов, выглянув за двери моей комнаты, приносит треугольный щит с пахнущим свежей краской гербом – вздыбленной химерой.

– Пойдемте, Черный принц, на северной стене вас ждет ваш отряд.

* * *

Как только солнце перевалило полдень, на бастионы гномьей цитадели обрушились камни требушетов. Огромные глыбы врезались в монолит стены, раскалывали зубцы, убивая и калеча защитников. Гномы искали укрытия, ложились на стену плашмя, прикрыв головы руками. Ужасающий

грохот вселял страх даже в самые храбрые сердца.

Обстрел продолжался в течение двух часов, стены покрылись рядами трещин, но устояли. Волна гоблинов с лестницами и веревками, вопя и воя, пошла на приступ. Первыми их встретили камни башенных баллист и болты тяжелых настенных арбалетов.

Я стоял за одним из зубцов широкой северной стены, в пятидесяти ярдах от огромных надвратных башен основных ворот. С вершин башен по наступающим гоблинам работали баллисты. Бальдор подыскал мне неплохой арбалет. Не короткий, которым гномы любят вооружать свою пехоту, а более массивный вариант, предназначенный для гарнизонов крепостей.

В зависимости от способа взведения тетивы арбалеты делятся на три основных типа. У наиболее простого тетиву натягивают с помощью приставного железного рычага, именуемого «козья нога», или «крючок». У более мощного арбалета тетиву натягивает зубчатый механизм. А самый грозный и дальнобойный – арбалет, снабженный воротом – блочным устройством с двумя рукоятками. Типичный спусковой механизм состоит из спускового рычага, ореха – шайбы с зацепом для тетивы – и фиксирующей пружины. Более короткое плечо спускового рычага упирается в выступ ореха, пружина давит на длинное плечо и удерживает механизм во взведенном положении.

– Приготовиться! – кивнул я Бальдору.

– На изготовку! Целься! – гаркнул гном. Голос у него был что надо.

По стене прошелся крик сотников, дублирующих команду. Гномы вскинули арбалеты.

Гоблины были на расстоянии восьмидесяти ярдов.

– Стрельба по готовности! – скомандовал я и нажал спусковой рычаг. Короткое плечо вышло из зацепления с орехом, который, в свою очередь, под действием тетивы прокрутился вокруг оси и освободил ее из зацепа.

Плечо тряхнуло, арбалетный болт сверкающей молнией ушел в накатывающий вал. Ему вслед понеслись сотни его стальных собратьев. С восьмидесяти ярдов арбалетный болт могла остановить не каждая кольчуга. С пятидесяти не спасал и полный доспех. На большинстве гоблинов не было даже кожаных доспехов. Со свистом рассекая воздух, болты прошивали низкие худые тела насквозь, гоблины падали. Но остальные неудержимой приливной волной стремились к стенам.

Укладываю арбалетный болт в направляющий паз. «Козьей ногой» цепляю тетиву, ногой упираюсь в стремя на конце ложа, за луком и, откидывая корпус назад, взвожу арбалет в боевое положение. От случайных выстрелов избавляет предохранитель, а специальная защелка не позволяет болту выпадать. Иногда можно услышать, что арбалет требует от стрелка меньшей физической силы, чем лук. Это чужь: крючные и рычажные арбалеты взводятся очень тяжело.

Навожу на цель и нажимаю спусковой рычаг. Я – плохой стрелок, лук и арбалет не давались мне с детства, но тут промахнуться трудно. Гоблины все ближе, с их стороны уже полетели легкие стрелы из простых коротких луков.

Справа от меня заработал механический камнемет – эта машина могла вести непрерывную стрельбу небольшими каменными ядрами, подающимися из небольшого желоба, расположенного над направляющим ложем. Цепная передача, приводившаяся в действие вращением заводного ворота, одновременно взводила камнемет, натягивая тетиву, подавала в ложе ядро из желоба и на очередном обороте спускала тетиву. Пара гномов хлопотала над механизмом, заводя камнемет и пополняя запас камней.

А вал нападающих все катился вперед, захлестывая раненых и убитых.

Все-таки зря гномы пренебрегают лучниками, так как при своих достоинствах – мощности и точности – арбалеты обладали существенным недостатком: малой скоростью стрельбы. Скорострельность легкого рычажного арбалета не превышала четырех выстрелов в минуту. Тяжелый арбалет, даже будучи снабжен воротом, редко выпускал больше двух болтов. Особняком стояли магазинные арбалеты. Болты с утопленным оперением в количестве восьми-десяти штук располагались в верхнем магазине и скатывались в желоб под собственным весом. Скорострельность с прицеливанием достигала восьми выстрелов в минуту. Но из-за слабой мощности

они не пользовались у гномов популярностью.

Между тем гоблины уже достигли стен.

Из бойницы одной из надвратных башен выплеснулся фонтан огня: заработала установка с гномьим огнем. Крики сторающих гоблинов потонули в хаосе битвы.

На стену взлетели стальные крючья, потянулись длинные лестницы. Один из гномов залез меж зубцов стены, стараясь сбить приставленную лестницу. В него тут же впился десяток арбалетных болтов, – пошатнувшись, он сорвался в море кипящих яростью гоблинов.

Часть гномов, бросив заряжать арбалеты, взялась за секиры.

– Сбивайте крючья! – проорал Бальдор, обухом топора выбивая впившийся в камень крюк. Роня искры, крюк скользнул по зубцу и сорвался со стены.

На стену уже лезли самые храбрые или самые глупые гоблины. По периметру стены закипели яростные схватки. Большинство гоблинов не имели лат и были одеты в грубые кожаные куртки, щиты были довольно редки. Из оружия преобладали короткие кривые мечи и грубые булавы, у некоторых виднелись гномьи топоры. Гоблины испускали почти звериные клики – слова были непонятны, но ненависть чувствовалась в каждом звуке.

Отбросив арбалет, обнажаю Химеру и срубаяю высунувшуюся из-за зубцов голову гоблина, на его месте появляются сразу две. Громко заорав, привлекаю их внимание к себе. Го-

блины прыгивают на стену и разворачиваются в мою сторону, не обратив внимания на здорового гнома с непокрытой головой за своей спиной.

На это я и рассчитывал.

Взмах тяжелого двуручного топора сделал из одного гоблина двух. Его товарищ, обернувшись к новой опасности, обнаружил, что мой меч помог его голове отделиться от туловища.

Схватка кипит уже по всей длине стены, у входов в башни гномы построили стену щитов и начинают медленно теснить гоблинов дальше от входа. Часть гномов длинными рогатинами пытаются сбить лестницы, другие защищают их от нападающих гоблинов. Пробежав по стене несколько ярдов, щитом сбрасываю во внутренний двор зазевавшегося гоблина и присоединяюсь к одному из таких отрядов. За мной неотступно следует незнакомый гном с двуручным топором.

Начинаем очищать стену от нападающих. Какое-то время спустя вал гоблинов сокращается. С удивлением оглядываю обстановку.

Все крючья и часть лестниц уже скинуты со стены. Оставшиеся лестницы пусты. Укрывшиеся за зубьями арбалетчики лениво расстреливали суесящихся под стенами гоблинов. Им отвечали стрелки гоблинов, впрочем, без особого успеха. Часть гномов поджигала тряпочные фитили, торчащие из небольших глиняных кувшинов, и метала горшки в гоблинов. Короткая стрела разбила кувшин в руках у приготовив-

шегоя к броску гнома – его мгновенно охватило пламя. Горящим факелом он с криком сорвался со стены и разбился о камни внутреннего двора.

Сквозь хаос битвы прорезались хриплые звуки сигнальных рогов. Услышав их, гоблины стали откатываться назад. Арбалеты гномов защелкали еще яростней, стремясь собрать как можно больший кровавый урожай.

Сняв шлем и скинув на спину кольчужный капюшон, я тяжело привалился к стене и закрыл глаза. Тело тут же скрутила предательская усталость. Рядом со мной, прислонив к стене топор, тяжело дышал незнакомец.

– Кто ты? – утирая пот, спросил я.

– Янвир, – послышался совсем юный голос. – Клан Подземного огня.

Открыв глаза, внимательно осматриваю гнома. Для подгорного племени он был высок, но в хаосе битвы я мало обращал внимания на его лицо.

Совсем юное лицо.

Бороды еще не было – подбородок и щеки покрывал едва пробивающийся светлый юношеский пушок.

Мальчишка, совсем еще мальчишка. По гномьим законам он еще не должен браться за оружие...

Лекс!!! На войне законов нет, война сама их пишет, и ты это знаешь.

– Ты славно сражался, Янвир. Твой клан будет гордиться тобой, – хлопаю по плечу гнома, произнося единственную

известную мне гномью похвалу.

Тебе эта похвала ничего не стоит, а мальчишке будет приятно.

Мысленно приказываю внутреннему голосу заткнуться.

– Благодарю, Черный принц, – голос гнома дрожит от волнения и усталости. – Сражаться рядом с вами – честь для меня!

Мои губы перекашивает ухмылка, больше похожая на болезненную гримасу.

Честь. Всюду эта глупая честь...

Гномы деловито добивают раненых гоблинов и сбрасывают их со стены. Ко мне подходит Бальдор, его белая борода снова залита кровью.

– Это была ложная атака, – произносит он, вытирая лезвие своей секиры. – У башни я перехватил гонца. Гоблины знали о подземных проходах и попытались пробраться через них. К счастью, охрана их вовремя заметила. Они обороняли туннели, пока... – Голос гнома сорвался на хрип. Зло сплюнув, Бальдор продолжил: – ...Пока зрители шлюзов, открыв русло подземной реки, не затопили нижние ярусы. Две сотни гномов... – Бальдор замолчал, нервно полируя лезвие секиры. – Завтра будет тяжелый день.

– Сегодняшний день тоже не легкий, – проговорил я, глядя на лежащие тела.

– А вы верите, что мы сможем продержаться до прихода эльфов? – смущенно влез в разговор Янвир.

– Конечно, верю! – не моргнув глазом, соврал я. – Иначе бы я тут не остался. Бальдор, ты веришь в приход эльфов?
– Всем сердцем! – усмехнулся в бороду гном.
Свист летящих камней прервал наш разговор.

Глава 11

Сумерки богов

Тысячи горящих свечей освещали парадный зал императорского дворца Иллириена. Огромные беломраморные колонны поддерживали крышу, уходящую в небо, на стенах пестрели дорогие гобелены и фрески, в центре зала бил фонтан. Блестящие пары придворных кружились в танце по мозаичному полу. То одна, то другая пара прерывала танец и отходила к накрытым вдоль стен столам с вином и легкими закусками. Через широкие дворцовые окна на великолепие Осеннего бала равнодушно взирали две луны.

Избавившись от очередного кавалера, Эйвилин скучала в тени мраморных колонн. Ее изящную юную фигуру подчеркивало прекрасное зеленое платье, перехваченное на талии тонким серебряным поясом. Украшенная жемчугом сеточка поддерживала искусную высокую прическу, в ушах сверкали драгоценные камни серебряных сережек.

– Светлая леди, вы сегодня просто обворожительны! – Около нее возникла фигура лорда Иллиса, главы Дома речной воды. – Не разбивайте мое израненное сердце и подари-

те мне следующий танец.

Девушка послала высокому лорду кокетливую улыбку:

– К сожалению, следующий танец я уже обещала лорду Мируэлю.

Разочарованный Иллис поспешил откланяться. Эйвилин проводила его победной улыбкой. Она вернулась в столицу всего пару дней назад, но лесть и одинаковые комплименты придворных ей уже порядком надоели.

– Светлая леди, вы сегодня просто обворожительны! – Возле девушки остановился лорд Мируэль. – Не разбивайте мое израненное сердце и подарите мне следующий танец.

– К сожалению, лорд, вы опоздали: следующий танец я уже обещала *garonel'lare* Иллису. – Она послала еще одну кокетливую улыбку.

Разочарованный Мируэль удалился. Эйвилин решила сменить убежище. Не торопясь, она пошла к одному из столов с закусками.

– Светлая леди, вы сегодня просто обворожительны! – раздался со спины чей-то насмешливый голос.

Да они сговорились, что ли?!

Взяв хрустальный бокал с красным вином, Эйвилин стремительно развернулась с твердым намерением «случайно» облить вином нового кавалера. Но, увидев собеседника, передумала. Перед ней стоял высокий эльф в зеленом с золотым наряде, гриву белых волос охватывала сверкающая драгоценными камнями корона, выполненная в виде листвен-

ного венка.

Эйвилин смущенно улыбнулась:

– Добрый вечер, дядя.

Император Элберт VII с улыбкой рассматривал племянницу:

– Эйвилин, когда ты прекратишь таиться по углам и ода-ришь вниманием кого-то из своих многочисленных поклонников?

– Дядя, большая часть твоих придворных – спесивые зануды, уверенные в собственной неотразимости.

Повелитель раскатисто рассмеялся:

– Первый раз слышу столь краткое, но такое полное описание.

Он взял племянницу под руку, и они стали степенно прогуливаться вдоль колоннады, короткими кивками отвечая на приветственные поклоны придворных.

– Рад, что ты вернулась в целости, девочка. И как только этому Леклису удалось сбежать? Лорд Уриэль принес мне престранный отчет, в котором утверждал, что пойманный принц сбежал прямо из крепости, да еще увел подаренного тебе Айнскаира.

– Не знаю, дядя. А что, принца еще не нашли? – сохраняя показное равнодушие, спросила Эйвилин.

– Не переживай, девочка, его поймают. Уриэль рвет и мечет: похоже, этот мятежник здорово задел его самолюбие.

Подойдя к столу и осушив бокал с вином, император про-

должил беседу:

– Восточное королевство давно нам мешало. Пока они сохраняли верность, нам приходилось мириться с этим досадным недоразумением. Одно хотел бы я знать: чем король Уритрил соблазнил не только людей, но и гномов?

– Дядя, а ты уверен, что союзные армии подняли мятеж? – решила задать Эйвилин давно мучивший ее вопрос.

Император удивленно посмотрел на племянницу:

– Эйвилин, что с тобой? Оставшиеся в живых заговорщики сами в этом сознались. Или ты думаешь, что войска Дома восходящего солнца просто взяли и перебили своих союзников? – рассмеялся император.

Девушка прикусила губу и задумалась.

– Ну же, девочка! Кто грустит во время Осеннего бала? Выбрось из головы этих мятежников. Мятеж подавили войска и боевые маги, теперь они наводят порядок на землях Восточного королевства. Совет гномов восстановил союз и заверил нас в вечной дружбе. Люди усиленно грызутся между собой, деля власть в лишившихся хозяев землях. К тому же у меня есть новость, которая тебя обрадует... – Император не успел окончить фразы. Сквозь сияющую толпу первых лордов и леди империи, не обращая внимания на приветствия, пробился принц Телувиэль.

– Отец, только что прибыл гонец с посланием от Совета гномов, – взволнованно сообщил он. – Гоблины взяли в осаду Железный холм.

* * *

Совет принял правильное решение – ночью мы оставили первую стену.

Первая стена целиком опоясывала Железный холм, у гномов не хватало сил удерживать ее на всем протяжении. Лучше оставить ее самим, чем ждать, пока нас выбьют гоблины. Вторая стена также опоясывала гору, но часть стены покоились на довольно крутых и высоких склонах. Взять их с помощью осадных лестниц было невозможно.

Утренний холод пробирался через плотную ткань плаща.

«Почему гномы не догадались провести эти замечательные кривые трубки с горячей водой прямо на крепостные стены? – думал я, стоя на высокой смотровой башне. – Надо будет подать Бальдору эту идею».

Громыхая подкованными сапогами, на смотровую площадку башни поднялся Янвир.

– Все в порядке? – спросил я гнома.

– Да, ваше высочество, – кивнул он, – первая стена оставлена.

Янвир остановился в двух шагах от меня и принялся преданно буравить меня взглядом. Мне стало неловко: в который раз я ловлю на себе вот такие, полные собачей преданности взгляды.

– Что-то еще? – окинув взором долину, спросил я.

– Совет прислал пополнение вместо убитых и тяжелора-

ненных, первый сотник Бальдор просил вас подойти. Он ждет у вторых Западных ворот.

– Пополнение? Надо взглянуть.

Спускаюсь со смотровой башни и попадаю в шумный пригород, расположенный прямо за второй стеной, сзади преданно топает Янвир. Именно из-за этого пригорода мы не можем отойти сразу на третью стену. Тут расположены не только многочисленные гостиницы, конюшни и торговые посты, но и большая часть складов с припасами. Мы должны удерживать стену, пока все припасы переправят в подземелья Железного холма.

Несмотря на раннее время, вокруг суеилось множество гномов. По уходящей к единственным воротам третьей стены дороге тянулись нитки многочисленных обозов. Кряжистые тяжеловозы, нагруженные припасами, оружием и скарбом редких жителей, размеренными шагами поднимались в гору и исчезали за огромной аркой ворот – гномы не ездили верхом, но это не мешало им использовать лошадей для перевозки грузов.

Еще семь дней.

Целых семь дней нам нужно удерживать вторую стену. Как назло, над горами стояла хорошая солнечная погода. Жаль, у гномов нет магов Воздуха – среди гномов вообще не было магов, на самих гномов магия действовала довольно слабо, – нагнать бы туч.

Встречные гномы уступали мне дорогу и приветственно

кланялись. Бальдор был прав: мое имя стало слишком хорошо известно.

Единственный выживший... Сомнительная слава.

Наконец показались огромные надвратные башни. Около них двумя неровными шеренгами выстроилось около сотни гномов, перед которыми ходил хмурый Бальдор.

– Что случилось? – ответив на его приветствие, спросил я.

– Посмотри, кого нам прислал Совет! – кивнул гном в сторону застывшего строя.

Поворачиваюсь к шеренгам. Передо мной застыли гномы: длинные, до колен, кольчуги, тяжелые квадратные щиты, остроконечные шлемы с масками для защиты лица.

– Рост!!! – взрывается в голове мысль – Обрати внимание на их рост!!!

Еще раз внимательно разглядываю застывшее пополнение. Обычно средний гном был ниже меня на полторы-две головы. Янвир, несмотря на молодость, был почти с меня ростом – среди гномов он считался гигантом.

Застывшие в шеренгах гномы по размерам едва превышали среднего, трех-четырефутового гоблина. При внимательном рассмотрении было видно, что кольчуги и щиты великоваты стоящим «воинам».

Страшная догадка словно молния вспыхнула у меня в голове.

– Снять шлемы! – хмуро приказал Бальдор.

Гномы обнажили головы. Я судорожно выдохнул. Так оно

и есть! А я искренне считал Янвира мальчишкой!

Стоящим гномам было по четырнадцать-пятнадцать лет!

– В следующий раз Совет придет младенцев? – Мое и без того плохое настроение испортилось окончательно.

Бальдор грустно улыбнулся:

– Больше подкреплений не будет.

– После такого – это радостная новость. Найди им самый безопасный участок стены.

– Будет исполнено. Молчать! Стоять смирно! Навоюетесь еще! – повернулся Бальдор к взволнованным моим приказом рядам и добавил уже спокойным голосом: – Янвир, отведи их на стену за смотровой башней.

Нестройной толпой гномы побрели за Янвиром, бросая на меня полные горести и разочарования взгляды.

Дети...

– Назначь Янвира их сотником, – приказал я, подождав, пока «отряд» уйдет.

– Не переживай, я направил мальчишек на самый высокий участок стены: лестницы не поставить, да и крючья не забросить.

Я хмуρο кивнул:

– Знаю: только оттуда.

– Когда ты в последний раз ел? – сменил тему гном. Вчера после боя я приказал ему – по-другому он просто не хотел – обращаться ко мне на «ты».

– Кажется, вчера утром.

– Вчера, как же! Твоим бледным видом можно пугать гоблинов. Пойдем, я знаю неподалеку отличную таверну, ее хозяйка еще не уехала. До полудня у нас есть время, чтобы отдохнуть.

Миновав лабиринт узких улочек, мы с Бальдором вошли в таверну: большая часть столов была пуста, лишь у самого входа сидела тройка гномов, потягивая пиво из больших глиняных кружек.

Приветственно кивнув хозяйке, Бальдор посадил меня за один из длинных столов. Гномиха принесла нам пару кружек пива, блюдо с колбасой и вареным мясом. Кусок не лез в горло, но я заставил себя проглотить немного мяса и выпить полкружки пива.

– Бальдор, что будет, если мы не удержим третью стену? – тихо спросил я.

– Начало конца, – сделав смачный глоток из своей кружки, хмыкнул гном.

– А разве нельзя отбиваться от гоблинов в подземных туннелях?

– Это бесполезно: слишком много входов, а за ними многочисленный лабиринт подземного города. Еще одна проблема – склады с припасами. Все хранилища расположены близко к выходам на поверхность. Мы можем удерживать центр подземного города, но нас отрежут от продовольствия.

– Почему Железный холм так плохо готов к осаде?

– А почему погиб Железный легион? – грустно усмехнулся

ся гном. – Гордыня и вера в собственную непобедимость. Железный холм не осаждали уже более сотни лет, а последняя крупная война была полстолетия назад. Мы застроили полосу убойной земли между третьей и второй стенами – это было удобно торговцам. Количество легионов сократили с двадцати до двенадцати. Срок обучения молодых гномов уменьшили с года до шести месяцев. Мы слишком полагались на пограничные крепости. По нашим планам, они должны были сковывать силы врага до подхода объединенных армий. Там были сосредоточены запасы продовольствия и оружия. Взяв их, гоблины не испытывают проблем с припасами для такого громадного войска.

– К нам может подойти армия с ваших восточных земель?

– Подойти она может, Совет успел послать гонцов, а помочь – нет. Там смогут собрать легионов шесть. Такими силами они не сумеют даже прорвать осаду. Будь гоблины умнее, они бы отослали часть войска на восток. Тогда о помощи восточных провинций пришлось бы вовсе забыть.

– Значит, вся надежда на эльфов?

– Весьма хрупкая надежда. – Гном отправил в рот пару кусков копченой колбасы. Мгновенно их сжевав, он продолжил: – Если эльфы не подойдут, мы обречены. Нижние туннели затоплены, и покинуть город мы не сможем. С нашими силами третью стену можно удерживать очень долго, но продовольствия в столице максимум на полгода.

Бальдор допил пиво и, вытерев с усов пену, грохнул об

стол пустой пивной кружкой.

– Советую хорошенько поесть, – поглядел он на мое угрюмое лицо. – Когда еще выдастся свободная минута? Тем более, скоро Совет возьмет под контроль распределение продовольствия.

* * *

...Снеба спикировала невероятная тварь. Огромная змеиная голова покоилась на толстой шее, длинное тело покрывала красная чешуя, блестящая на солнце подобно кровавым агатам. Раскрытые крылья дракона закрывали собой свет солнца. Лишенные зрачков глаза уставились на застывшую фигуру рыцаря в черных доспехах с обнаженным мечом в руке. Пасть дракона раскрылась, блеснули ряды длинных кинжальных зубов...

Эйвилин проснулась в холодном поту. Что означают эти странные, тревожащие сны?

Бал закончился поздно, но не слишком весело. Получив новости от принца, император оставил недоумевающих гостей и в сопровождении советников удалился во внутренние покои. Эйвилин покинула бал сразу после ухода дяди. Добравшись до дома, она стянула с себя ненавистное придворное платье и легла спать. Всю ночь ее мучили странные сны, завершившиеся под утро ужасным кошмаром.

Немного полежав, она поднялась с постели и, накинув на

плечи кружевное покрывало, выглянула в окно, выходявшее в прекрасный сад, окружающий огромную виллу в пригороде эльфийской столицы. Эта вилла была построена отцом для ее матери. Именно в ней, а не в покоях императорского дворца предпочитала жить девушка. День уже давно вступил в свои права. Солнечный диск сверкал на синем покрывале безоблачного небосвода. Отвернувшись от окна, девушка направилась к стоящему на другом конце комнаты столику.

Взяв изящный серебряный колокольчик, она пару раз позвонила, на вызов явилась молоденькая служанка.

– Добрый день, госпожа, – улыбнулась она хозяйке. – Как прошел Осенний бал?

– Как всегда, скучно. «Леди, вы сегодня просто обворожительны...» – Девушка гневно тряхнула головой. – Похоже, всем придворным кавалерам сочиняет комплименты один и тот же менестрель. Почти все признали меня просто обворожительной, раз десять восхитились изумрудами моих глаз и золотом волос. Как они мне все надоели!

Служанка только завистливо вздохнула. Она была родом из младшего дома, балы в императорском дворце были для нее недостижимой мечтой.

– Приготовь ванну, Тира, – сказала Эйвилин. – Ты не знаешь, где Илион?

Лицо служанки залила краска стыда: два часа назад Илион был в ее постели, но Эйвилин, задумчиво накручивая на палец золотистый локон, не обратила на это внимания.

– Не знаю, госпожа. – Служанка открыла перед ней дверь, ведущую в соседнюю комнату, где помещалась ванна – огромный мраморный бассейн с теплой водой.

Виллу строили гномы, так как отец Эйвилин, будучи наследным принцем, часто бывал в Железном холме и был довольно дружен с подгорным народом. Гномы сами предложили ему помощь в строительстве виллы – принц согласился, несмотря на то что стоимость постройки выросла втрое. Результатом стала великолепная вилла, в роскоши не уступающая некоторым замкам великих домов, а по комфорту намного превосходящая их. Поговаривали, что побывавший на вилле будущий тогда император Элберт VII хотел предложить гномам реконструировать императорский дворец, но, узнав, в какую сумму все это обойдется, охладел к затее.

Эйвилин передала служанке покрывало. Лучи солнца, проходящие через большой стеклянный купол, стали греть обнаженное тело девушки. Проверив стройной ножкой температуру воды, она медленно спустилась по мраморным ступеням и с наслаждением погрузилась в теплую ароматизированную воду. Проплыв пару раз вдоль бассейна, Эйвилин перевернулась на спину и расслабилась. Станный сон не дал ее покоя.

Черный рыцарь и красный дракон. Что это может значить? Поплавав еще немного, она вышла из воды, служанка подала ей полотенце. Вытерев волосы и тело, Эйвилин вернулась в спальню.

– Что вы сегодня наденете? – спросила служанка.

– Только не платье, – передернула плечами девушка. – Дай мне охотничий костюм.

Одевшись, она села перед большим зеркалом, и Тира принялась расчесывать ее длинные светлые волосы.

– Госпожа, а где ваш любимый браслет? Я не нашла его в шкатулке с драгоценностями.

Эйвилин лукаво улыбнулась:

– Тира, ты опять примеряла на себя мои наряды и украшения?

– Простите, госпожа, – смущенно покраснела служанка.

– Я не сержусь, Тира. А браслет я потеряла на охоте.

– До сих пор не могу поверить, что этот мятежник не причинил вам вреда! – воскликнула Тира. Она знала о приключениях госпожи все, кроме участия Эйвилин в побеге принца.

– Принц Леклис – рыцарь, – тихо, но уверенно прошептала Эйвилин. – Он не может быть мятежником.

– А что же произошло во время похода на драконов? – удивилась служанка.

– Я не знаю, – задумчиво разглядывая себя в зеркало, произнесла Эйвилин. – Пока не знаю.

* * *

Черный ворон, лениво шевеля крыльями, скользил над городскими крышами, направляясь к только ему ведомой

цели. Пролетев вдоль длинной широкой улицы, украшенной аккуратными деревьями, он миновал железную решетку ограды и влетел в огромный парк, в центре которого возвышался величественный дворец.

Целью его путешествия была высокая башня в самом центре строения. Сделав вокруг нее несколько кругов, ворон уселся на изящный балкончик и принялся чистить клюв.

Несколько десятков эльфов находилось в комнате за запахнутыми на балкон дверьми: шло совещание Совета домов.

– Сколько нужно времени, чтобы собрать армию? – Император нервно ходил вокруг большой карты, лежащей на круглом столе.

– Все старшие дома, кроме Дома восходящего солнца, готовы выступить в течение двух недель, – ответил императору лорд-маршал. – Через месяц мы можем стоять под стенами Железного холма.

– А надо ли нам идти к гномам? – задал вопрос принц Телувиэль, одетый, как и император, в зеленое с золотым. – Может, это ловушка мятежников?

– Лорд Уриэль утверждал, что мятеж подавлен, а все мятежники убиты. Не так ли, высокий лорд?

– Да. Остался только принц Леклис. – Уриэль нервно передернул плечами. – Похоже, гномам действительно нужна помощь.

«Как не вовремя это нашествие гоблинов!» – подумал он

про себя.

– Решение принято. Войска всех домов, кроме вашего, – император кивнул в сторону Уриэля, – должны выступить в поход в течение двух недель.

– Кто возглавит войско? – спросил лорд-маршал.

– Армию возглавит мой брат, он скоро должен прибыть в столицу.

Ворон встрепенулся и, расправив крылья, покинул балкон. Пролетев над королевским парком и миновав район Старого города, он устремился в квартал, населенный преимущественно людьми. Чердачное окно одного из домов открылось, ворон залетел во мрак чердака. Из темного угла выступила закутанная в черный плащ фигура. Ворон сел на протянутую ему ладонь.

Незнакомец почесал шею ворона под клювом, после чего тихо произнес несколько фраз на странном шипящем языке. Ворон замер в трансе, неизвестный приложил руку к голове птицы, – спустя пару минут он знал все, что надо.

– Отлично, – пробормотал он, – все идет по плану. Эти неумехи, именуемые тут магами, так ничего и не поняли.

Плотнее запахнув черный плащ, он покинул чердак, оставив на полу мертвую птицу.

* * *

Пять дней мы держали эту проклятую Падшим стену. Кровавые дни следовали один за другим, каждый новый день

приносил с собой бесконечный поток рубки, резни и смерти, крики раненых и умирающих. Гоблины с остервенением бросались на стены, угрожая сокрушить защитников, но каждый раз их отбивали, и оборона держалась.

В хаосе битвы многие подвиги оставались незамеченными. Тяжело раненый гном пролез меж зубцов стены, схватился за лестницу и оттолкнулся вместе с ней от стены. Почти все гоблины, забирающиеся по этой лестнице, погибли или получили увечья. Один из гномов, не задумываясь, бросился на закрепившийся на стене отряд арбалетчиков гоблинов, вызывая на себя их смертоносный залп. Получив десять болтов в грудь, он мгновенно умер, но следовавшие за ним скинули гоблинов со стены.

– Принц! Ворота! Гоблины захватили ворота! – Ко мне бежал окровавленный гном с почерневшим от копоти лицом. Не пробежав нескольких шагов, он упал с арбалетным болтом в спине. Убивший его гoblin, бросив разряженный арбалет, скрылся за деревянной дверью надвратной башни.

– Бальдор, гоблины открывают ворота! – махнув мечом в сторону башен, проорал я.

– Проклятье Падшему! Скорее туда!

Мы бежим по стене к деревянной двери, за нами следует десяток гномов. Штурм сегодня был особенно яростным, под ногами то и дело попадались мертвые гоблины и гномы.

– А-а-а!!! – с диким криком Бальдор первым достигает запертой двери. Подлетев, он врывается в нее всем телом, про-

сто снося с петель, и, не замедляя движения, устремляется внутрь. Мы топаем по поваленной двери, под ней кто-то стонет. Бальдор уже рубится в окружении гоблинов, его секира описывает гневные сверкающие круги. Попавшие под ее острие гоблины падают. Гном пытается пробиться к опущенному рычагу механизма ворот. Врубаемся ему на помощь. Прикрывающий меня справа гном, метнув топор, заклинивает механизм открытия ворот.

Успели.

С криками, полными ненависти и боли, гоблины гибнут под нашими ударами. Гномы добивают раненых. Из-под двери вытаскивают полузадушенного гоблина-арбалетчика, один из гномов, легко подняв тщедушное тельце одной рукой, выходит из башни и перебрасывает еще живого гоблина через стену.

Пара воинов с обнаженными секирами спускается по винтовой лестнице на нижний этаж проверить, что с гномьим огнем. Я снимаю шлем и вытираю с лица пот. Несколько гномов бродит между телами охранников башни, проверяя, нет ли среди них раненых.

– Как они сюда пробились? – оглядев мертвых охранников и гоблинов, спрашиваю я.

– В такой бойне это было несложно, – морщится от боли раненый гном. – Мы с трудом удержали стену.

Достав из маленькой сумки на поясе какую-то склянку, он зубами вырывает из нее пробку и льет яркую фиолето-

вую жидкость на колотую рану руки. Действует зелье сродни раскаленному железу, останавливая кровь, но оставляя грубый рубец. Кажется, что даже пробитая кольчуга дымит-ся. Сквозь сжатые зубы гнома вырывается стон. Меня пробивает дрожь: я представляю, какой должна быть боль, чтобы гном не сдержал сто-на.

Посланные на разведку гномы взлетают по лестнице и устремляются к раскрытой двери.

– Там сейчас все взорвется! – кричит один из них.

Переглянувшись, мы с криком бежим прочь из башни. Пара гномов подхватывает своего раненного собрата. Наверное, первый раз в жизни я бежал так быстро, но, несмотря на это, некоторые гномы умудрились меня обогнать. Как только мы выскочили на стену, ее ощутимо тряхнуло. Из дверного проема выплеснулись языки пламени. Что-то ударило меня по голове, и я потерял сознание.

* * *

По дороге ехали два всадника – мужчина и женщина.

Мужчина был высокий стройный эльф с длинными белыми волосами, собранными в тяжелую косу. Он был одет в легкую кольчугу работы гномов.

Манера держатся в седле, скупые и расчетливые движения, цепкий взгляд, обшаривающий окрестности, – все выдавало в нем воина. Над его плечами выглядывали рукояти двух коротких кривых мечей, покоящихся в ножнах за спи-

ной. К седлу его лошади был пристегнут изящный ваинол – футляр для лука. В одном из его отделений находился короткий лук, его верхняя часть выступала из ваинола. С лицевой стороны футляра виднелось оперенье знаменитых эльфийских стрел.

Его спутница, светловолосая эльфийка, была одета в длинный плащ серого цвета. Длинные вьющиеся волосы, золотой волной спадающие на плечи, хрупкое телосложение и невысокий рост делали ее похожей на юную девушку, но в ясных зеленых глазах читались мудрость и огромный жизненный опыт.

Именно эта гармония ума и женственности заставила наследного принца Артиса пойти против воли своего всемогущего отца. Вопреки его воле, он женился на Весмине. За это отец лишил его трона, но за двадцать лет совместной жизни принц ни разу не пожалел о сделанном выборе.

Впереди показался парк, окруженный высоким забором из стальных прутьев. Перед распахнутыми воротами сучала пара охранников. Как только всадники подъехали к воротам, сучка на лицах охранников сменилась изумлением. Они припали на одно колено:

– Silmegaron! Леди Весмина! – проговорил один из них. – Нас не уведомили о вашем приезде.

– Да? – усмехнулся Артис. – А леди дома?

– Да, господин, – поднялся с колен один из охранников. – Если вы позволите, я пойду вперед и предупрежу ее о вашем

приезде.

– Нет, – покачала головой всадница. – Пусть для нее это будет сюрпризом.

– Как скажете, леди.

Артис и Весмина покинули седла, один из эльфов повел лошадей в сторону конюшни.

– Ты не знаешь, а Илион на вилле? – спросил Артис оставшегося охранника.

Тот покачал головой:

– Он уехал незадолго до вашего приезда.

– Хорошо. Отправьте гонца к императору: я прибыл в столицу.

– Будет исполнено, господин.

Эйвилин они нашли за виллой, на площадке для стрельбы. Девушка методично вгоняла стрелу за стрелой в центр деревянного щита. Похоже, занималась она этим довольно давно: щит уже напоминал рассерженного ежа.

Весмина улыбнулась и прошептала несколько слов, сорвавшаяся с тетивы стрела зависла в воздухе на полпути к мишени. Эйвилин удивленно обернулась. Увидев родителей, девушка радостно бросилась на шею отцу. Смеющийся Артис легко поднял дочь на руки.

– Ты стала настоящей красавицей, дочка! – с сожалением опустив ее на землю, проговорил он.

– Здравствуй, мам!

Мать и дочь обнялись.

– Почему вы не предупредили о приезде? – спросила девушка, разорвав объятия. – Вы вдвоем? А где свита?

– А ты не знала, что мы едем? – удивился Артис. – Еще две недели назад я посылал письмо брату. А эскорт скоро прибудет, мы поехали вперед.

– Девочка, может, ты все же проводишь нас в дом? – Весмина критично осмотрела свой наряд – Я бы не отказалась принять ванну и переодеться.

– Прости, мам, я сейчас же распоряжусь насчет ванны и ужина.

Спустя час вся семья вновь собралась за столом в небольшой и уютной гостиной. Весмина сменила дорожную одежду на светлое платье. Эйвилин так и осталась в охотничьем костюме. Мать критично осмотрела одеяние дочери:

– Эйвилин, когда ты будешь нормально одеваться?

– Не сердись, мам, ты же знаешь, что я терпеть не могу платьев, – улыбнулась девушка.

Весмина покачала головой и тяжело вздохнула:

– Я надеялась, что при дворе ты избавишься от своих мальчишеских привычек, но ты такая же упрямая, как твой отец. Иногда я сомневаюсь, что он эльф, да еще из императорского дома.

– Это когда ты сомневалась? – От удивления Артис чуть не выронил бокал с вином.

– Тебе привести примеры? – сощурила глаза эльфийка. – Кто лет двадцать назад съездил кулаком по лицу декана ка-

федры Огня университета общей магии Иллириена?

– По-твоему, было бы лучше, если бы я вызвал его на немагическую дуэль и убил, да? – усмехнулся Артис. – А так – он жив, ему целители даже зубы восстановили, но теперь он не пристает к своим молоденьким ученицам.

– Хорошо, допустим. А кто разразился таким потоком грязных ругательств, что строители гномы покраснели до кончиков своих бород?

– Дорогая, ты бы видела, какой счет они мне предъявили за постройку этой виллы! – Артис нервно поерзал в кресле. – Зато после этих переговоров они скинули цену вдвое.

Эйвилин, едва сдерживая смех, наблюдала за шутливой перепалкой родителей. Вскоре Артис сдался и признал, что в младенчестве его подменили орки. Похоже, такое объяснение устроило Весмину: дальнейший ужин прошел в более спокойной обстановке.

– Да, Эйвилин! – неожиданно вспомнил отец, – Лорд Уриэль прислал мне письмо, в котором просил твоей руки.

– Что?! Как он посмел! – возмутилась девушка – И что ты ему ответил?

– Ты же знаешь. Несмотря на обычаи, я бы не выдал тебя против твоей воли. Тебе еще только семнадцать, а мы не быстро стареющие люди, но все же: присмотрись к окружающим тебя старшим.

– Я не собираюсь выходить замуж за этих молодых павлинов, – обиженно надула губы девушка. – Я вообще не хочу

замуж.

Отец и мать посмотрели на дочь с улыбками, полными обожания.

Поняв, что ведет себя как ребенок, девушка перестала дуться. Постепенно разговор перешел на более серьезные темы. Эйвилин рассказала об охоте и лавине, о встрече с принцем Леклисом и помощи в его побеге.

– Прости отец, он спас мне жизнь, и я не могла поступить иначе, будь он хоть трижды мятежник, – закончила девушка свой рассказ.

– Ты поступила правильно, девочка. – Эльф задумчиво вертел в руках бокал с вином. – В этом мятеже слишком много странностей и несоответствий. Принц тебе рассказал что-то о походе на драконов?

– Нет, – смутилась Эйвилин. – Но он чуть было не убил Илиона, когда тот назвал его мятежником, и сказал, что это мы, ушастые... эльфы, предали их.

– Ах, если бы мой брат чаще высовывал свой нос из ступицы! – раздраженно произнес Артис. – Он бы так просто не поверил в мифический мятеж.

– Отец! Ты думаешь, мятежа не было?

– Не знаю, девочка. Я еще поверил бы, что могли взбунтоваться людские королевства: они всегда мечтали об эфемерной свободе. Забывая, что она означает. Они и так постоянно грызутся между собой, но все же империя не дает им вцепиться друг другу в глотки и обречь юг империи на крова-

вый пожар гражданской войны. – Эльф смочил горло глотком вина. – Хм. Восточное королевство могло бы восстать, но зачем? Они входят в состав империи лишь формально. Восставшие гномы? Вот в это я не поверю: слишком хорошо я знаю подгорный народ.

– Отец! Я совсем забыла, вчера Телувиэль принес новости с севера: гоблины осадили Железный холм.

– Ты не ошиблась, дочка? Железный холм? – встревожилась Весмина.

– Нет, мам, он так и сказал.

– Неужели пограничные крепости пали? – Весмина задумчиво постучала пальцем по крышке стола.

Артис мгновенно поднялся – на секунду Эйвилин увидела отца в непривычном для себя свете. Перед ней стоял не любимый папочка, а опытный политик и воин. Только теперь она поняла, что искала и не могла найти в придворных хлыщах. Во всех своих знакомых она хотела найти образ отца – такой, каким она его сейчас видела. Не изнеженного семейного вельможу, а воина, о котором еще при жизни начали слагать легенды.

– Я срочно отправлюсь во дворец, надо навестить моего непутевого братца и вправить ему мозги. Если гоблины уже осаждают Железный холм, то скоро их орда может оказаться под стенами столицы.

Поцеловав жену и дочь, Артис направился к двери. Не успел он до нее дойти, как она распахнулась: на пороге стоял

гонец в одеждах с гербом императора.

– Светлый лорд, – преклонив колено, обратился он к отцу Эйвиллин, – император Элберт VII просит вас как можно скорее прибыть во дворец.

– Я отправляюсь немедленно. Не скучайте, девочки, – улыбнулся Артис Эйвелин и Весмине.

* * *

...Город горел, дома пылали, как бумажные. Сквозь огненный ад шел черный рыцарь. В правой руке он держал окровавленный меч, левая рука прижимала к груди кричащего младенца, завернутого в темный плащ. Рыцарь убрал меч в ножны и стянул с себя глухой шлем, украшенный золотым ободком короны. Эйвиллин закричала: в ее лицо смотрело само воплощение смерти – ужасный череп, обтянутый истлевшей кожей, и с черными провалами вместо глаз...

Эйвиллин снова закричала и проснулась.

– Тише, девочка, это сон, просто плохой сон.

Рука матери гладила ее по голове, прогоняя остатки кошмара. Всклипнув, Эйвиллин прижалась к ее груди и разревелась.

– Это сон, плохой сон. – Мать крепко обняла ее.

– Мам, в последнее время меня постоянно мучают видения. В них все как настоящее. Мне страшно... – Эйвиллин была нервная дрожь.

– Не бойся, девочка, это просто сны.

– Ты не понимаешь, мам, они слишком реальные, я как будто вижу события, которые произошли или еще произойдут... – Эйвилин постепенно успокаивалась. – И черный рыцарь, в них всегда есть черный рыцарь: его фигура, его жесты – они мне кажутся знакомыми, но я никак не могу вспомнить, где я их видела.

– Слишком реальные... – задумалась эльфийка. – Погоди, надо кое-что проверить.

Стремительно поднявшись с постели дочери, она быстро сходила в свою комнату и принесла тяжелый золотой перстень со странным прозрачным камнем.

– Ляг и расслабься, – попросила Весмина.

Девушка послушно легла, сложив руки вдоль тела. Ее сердце все еще билось в бешеном ритме, но она постаралась расслабиться и дышать медленно и ровно. Постепенно сердцебиение успокоилось. Весмина надела перстень на безымянный палец правой руки и подошла к дочери.

– Aie la os, – нараспев проговорила она.

Прочитав заклинание, мать крепко прижала правую руку к ее лбу. От камня исходило яркое свечение, постепенно его цвет стал меняться на синий, потом на красный, зеленый, белый. Наконец смена цветов завершилась, по камню прошли четыре разноцветные полосы: красная, синяя, зеленая и белая.

– Слезы творца! – выдохнула Весмина – Боевой маг!

– Что это значит? – Встав с постели, Эйвилин с удивлением смотрела на перстень.

– Дар, девочка, в тебе проснулся магический дар. Красный – Огонь, синий – Вода, зеленый – Земля, белый – Воздух. Похоже, в нашей семье стало на одного боевого мага больше. – Весмина сняла перстень и положила его на столик в комнате дочери.

– А мои видения? – задала вопрос Эйвилин.

Весмина вновь погладила дочь по голове:

– Такое бывает, когда просыпается магический дар. Скоро они пройдут.

– Они что-то означают? – Эйвилин посмотрела в глаза матери.

– Обычно это видения будущего или прошлого, – объяснила дочери Весмина. – Но не надо понимать их буквально, это просто набор хаотичных образов.

– В моих видениях постоянно есть рыцарь, и однажды он встречается с драконом. Что это может означать? Это видение моего будущего?

– Эйвилин, эти видения довольно расплывчаты, противоречивы и не обязательно из твоего будущего. Не принимай их близко к сердцу, – успокоила ее Весмина. – Рыцарь может быть любым из твоих знакомых, а дракон – обозначать, например, невыполнимый приказ или неразрешенную тайну. Есть много всяких толкований. Раньше маги записывали такие видения и пытались расшифровывать, но это не принес-

ло осязательных результатов. Через пару дней они пройдут.

Весмина замолчала, Эйвилин вспомнила свои видения и поежилась.

– Мам, а отец еще не вернулся? – спросила девушка, накинув на себя прозрачную ночную сорочку.

– Нет, он, скорее всего, заночевал во дворце.

– Тогда можно я посплю с тобой? – попросила девушка.

– Конечно, можно. – Весмина улыбнулась дочери. – Я знаю хорошее заклинание для спокойного, крепкого сна. Пойдем.

Взявшись за руки, словно подруги, мать и дочь покинули комнату.

Кроваво-красный глаз Аишиу заглянул в погруженную во мрак спальню. Лунный свет отразился от зеркала и упал на забытый магический перстень. Четыре разноцветные полосы исчезли, камень заискрился чернотой.

Постепенно черный цвет покинул его, и он принял первоначальный прозрачный вид.

Глава 12

Рожденный для вечной войны

Открыв глаза, я увидел двух неразлучных сестер-соперниц – Уртай и Аишиу, бледно мерцающих на звездном небосклоне.

По легенде, так звали двух сестер-ангелов, погибших в бою друг с другом при восстании ученика творца Икимини-

су (с эльф. – Несущий свет). Творец победил, Икиминису и его сторонники были низвергнуты с небес, Икиминису стал зваться Падшим. Творец, скорбя о восстании ангелов, создал две луны, назвав их в честь трагически погибших сестер. По другой версии, творец создал Аишиу в честь своей любимой ученицы, а к созданию Уртай приложил руку Падший.

Уже давно перевалило за полночь, а значит, наступил новый день. Особый день...

Под головой шуршало сухое сено, справа виднелся вход в большую конюшню. Видимо, к ней меня перенесли гномы, чтобы я отлежался. Снадобий от ударов по голове алхимики еще не изобрели. А жаль. Обычно легкораненные гномы не покидали стен, залечивая раны с помощью различных зелий, тяжелораненых отправляли в пещеры. Там, в глубине горы, им оказывали помощь два мага Воды из людских королевств, по счастливой случайности оказавшиеся в Железном холме.

Я поднялся на ноги, голова немного кружилась. Поправив пристегнутый к поясу меч, ощупываю затылок и случайно надавливаю на здоровую шишку – в голову входят раскаленные шипы боли. Зря я снял шлем. Кстати, а где он? Осторожно покачиваю головой из стороны в сторону, затекшая шея встречает движения приветственным хрустом.

– Здорово меня приложило, – говорю я сам себе, озираясь в поисках шлема.

Из темноты конюшни донеслось фырканье одинокой лошади. Где-то я уже это слышал...

– Ветер, это ты? – позвал я во мрак.

Боевой жеребец медленно вышел из темноты, приветственно мотая головой. Гномы уже пару раз жаловались мне на его своенравное поведение: конь не захотел отправиться в пещеры вместе с остальными лошадьми, поэтому его оставили в конюшне. Подойдя, он легонько боднул меня головой и принялся обнюхивать руки в поисках угощения.

– Прости, из меня плохой хозяин, – погладил я шею жеребца. – Столько дней тебя не навещал, а теперь явился без подарка. Но ничего, обещаю исправиться.

Ветер недоверчиво фыркает.

– Пока затишье, надо отвести тебя в пещеры.

Найдя в небольшой пристройке конскую упряжь, тщательно оседываю Ветра.

Конь постоянно косился на меня и в нетерпении постукивал копытами: похоже, вынужденное прозябание в пустой конюшне ему здорово надоело. Пожалуй, этот конь любил войну больше меня. Странно, что высокий лорд ездил на этом почти семифутовом красавце. Обычно эльфы предпочитают легких и стремительных лошадок Алкестийской породы. Что не удивительно: эльфийским конным лучникам кони нужны для того, чтобы не подпускать врага слишком близко. Эльфы не используют тяжелой кавалерии, даже тяжелая пехота редкость в их армиях. Алкестийцы для атаки наездом не подходили: лошадь прекрасно понимает, когда ее жизнь в опасности, и логично предположить, что столкнове-

ние с ошестинившимися сталью боевыми порядками не вызовет у нее энтузиазма. От врага такой конь стремится убежать, что эльфам, в принципе, и требовалось.

Ветер же был настоящим рыцарским конем королевской породы, выведенной людьми. Такие кони в предчувствии предстоящего кровопролития грызут удила и роют землю копытом. Они полагают, что все, кто встают у них на пути, совершают большую ошибку. Рыцарский конь без дрожи ступает по лужам крови. Не испугается, если его направить в толпу врагов, а врагом он считает всех, кто стоит на пути, указанном всадником. Обратной стороной огромной силы рыцарских коней была их недостаточная выносливость, но, как я уже успел проверить, к Ветру этот недостаток не относился.

– Нет, сегодня мы воевать не будем, – остужаю пыл настроившегося на битву жеребца. – Я отведу тебя за третью стену – там за тобой присмотрят.

Запрыгнув в седло, направляю Ветра вверх по опоясывающей Железный холм дороге. Конь глубоко и грустно вздыхает и идет в сторону темного силуэта третьей крепостной стены.

Третья. Кажется, толстые стены вырастают прямо из скал. В отличие от первой и второй, она не опоясывает Железный холм. Стена идет по горным склонам вдоль поднимающейся вверх широкой дороги и охватывает весь западный и часть

южного склона, завершаясь около огромной надвратной арки, покоящейся меж двух квадратных башен. Дорога продолжает подниматься выше, оборачиваясь вокруг горы подобно гигантской змее, конец дороги теряется где-то в леднике на вершине.

Атаковать третью стену в лоб – сущее безумие. Осадные машины уже не могут докинуть своих разрушительных снарядов до ее бастионов. Стены покоятся на крутом и высоком горном склоне, поэтому лестницы и крючья не достанут. Таран придется вести вдоль стен под огнем множества защитников, да и разбить тараном ворота, построенные гномами...

Наверное, третья стена неприступна, но, как сказал Бальдор, все когда-то случается впервые.

Ветер медленно поднимается в гору. Внизу светлячками мерцают огни в окнах домов, расположенных у стены. Там располагаются на ночлег многочисленные защитники, за темнеющей полосой полуразрушенной первой стены виднеются огни лагерей гоблинов.

Неожиданно в сотне ярдов от первой стены один за другим загораются новые огни: подобно светлячкам, они взлетают в небо и, достигнув наивысшей точки, устремляются к земле. В пригороде начинают вспыхивать многочисленные пожары. Большая часть пригородных построек принадлежала состоятельным гномам и была возведена из дерева. В небогатом лесами горном королевстве это считалось признаком достатка и роскоши. Теперь гномы за это расплачива-

лись. Зажигательные снаряды превращали дорогие постройки в громадные костры. На стенах забили сигнальные колокола, в огнях пожаров заметались фигурки гномов.

Развернув коня, я направил его обратно. Огненные снаряды волна за волной обрушиваются на пригород. Пожары разрастались, пригород превратился в частичку огненного ада Падшего. Метались испуганные лошади, мелькали фигурки гномов, пытающихся тушить многочисленные пожары.

Ветер подобно стреле несется к стене. На ней, в свете разгорающегося пламени, суетятся защитники. Подлетев к одной из башен, Ветер подчиняется моей команде и останавливается. Покинув седло и оставив коня, я бегом поднимаюсь на стену по винтовой лестнице башни. Распахиваю деревянную дверь и оказываюсь в самом хаосе битвы.

Гоблины ставят лестницы, гномы стараются их сбить. Арбалетчики отчаянно лупят в темную, кричащую массу под стеной. Около соседней башни уже всюду кипит битва. В самом центре сражения рубится Бальдор. Гоблины набрасываются на него, словно собаки на медведя, но гном, ловко действуя секирой, оставляет после себя только окровавленные трупы. Вытащив Химеру, иду к нему на помощь, спина к спине мы продолжаем схватку.

Гоблины волна за волной, с дикими криками и визгом карабкаются по веревкам и лестницам лишь для того, чтобы встретить злую смерть под топорами и секирами гномов. Через некоторое время я с удивлением обнаружил, что врагов

уже не осталось, нападение прекратилось так же внезапно, как и началось.

Сквозь пелену усталости до меня донесся голос Бальдора:

– Отходим, принц, мы отходим! – кричал он, указывая в сторону третьей стены.

На третьей стене погребальным набатом били сигнальные колокола. Под стенами метались отступающие отряды гномов.

– Назад, все назад!!! Приказано отступить! Гоблины взяли северные ворота! Северные стены пали! Отходим! – неслось отовсюду.

– Отступаем! – прохрипел я.

– Отступить! – зычно повторил мой приказ Бальдор. – Шевелитесь, если не хотите стать кормом для червей!

Быстро, но без паники гномы покинули стены. Выстроившись в колонну, они стали медленно отходить к третьей стене, тяжелораненых уносили на щитах, легкораненые шли сами. Жар сушил кожу, пожары все разгорались, большая часть узеньких улочек была объята огнем. Приходилось петлять в лабиринте пригорода, выискивая наиболее безопасную дорогу. Хорошо, что сильный северный ветер сносил дым в сторону, но, несмотря на это, третья стена уже тонула в сером мареве. Гарцующий подо мной Ветер нервно косился на пламя.

– Бальдор, а мы не задохнемся от дыма? – спросил я гнома.

– Нет, если достигнем пещер, – тяжело дыша, ответил он. – В пещерах воздух циркулирует при помощи специальных машин, – добавил гном, видя мой недоумевающий взгляд.

Я мало что понял из его объяснений, но принял за истину только один факт: смерть от дыма нам не грозит.

В нашу колонну вливались гномы из других отрядов, многие из них были ранены. Вся дорога на вершину была забита отступающими. Наша колонна достигла ворот одной из последних – слишком поздно мы выступили.

– Где сотня Янвира? – спросил я, проводив взглядом последний отряд, проходящий в темный провал ворот.

– Клянусь творцом, они вышли вместе с нами! – ответил Бальдор. – Может, они просто отстали?

– Я возвращаюсь, – разворачиваю Ветра в сторону пылающего пригорода.

– Леклис, это безумие, там уже полно гоблинов! Надо закрывать ворота!

– Я возвращаюсь!

Ответственность – самое большое проклятие!

– Удачи, Лекс, – тихо прошептал Бальдор, но я услышал.

– Творец, сделай так, чтобы я их нашел, – прошептал я, глядя на Аишиу.

* * *

Его сотня шла последней, когда их догнал окровавленный

гном с закинутым на спину щитом. В щите пестрело оперение нескольких стрел.

– Гоблины близко, – прохрипел он.

– Где? – спросил Янвир, с горечью наблюдая за медленно идущей колонной.

– А Падший его знает. Вся северная окраина – это сплошное поле битвы. Гоблины словно саранча расползаются по улицам, но их основные силы идут вдоль крепостной стены.

– Сообщить принцу? – спросил один из десятников, нервно оглядываясь в сумрак боковой улицы.

– Да! Хотя нет, подожди немного! – задумался Янвир.

Сообщить принцу? И какое он примет решение? Скорее всего, он с частью воинов останется прикрывать отход.

Янвир тяжело вздохнул. Он видел, как медленно и устало двигалась колонна. Из тысячи Черного принца в строю осталось чуть больше половины. Остальные либо погибли, либо были отправлены к целителям.

Оставшиеся в строю слишком устали. Пять дней бесконечной битвы с редкими перерывами на сон изматывают кого угодно.

Янвир принял решение. Его сотня единственная не участвовала в боях, по большей части они только и делали, что патрулировали высокую стену да перетаскивали раненых и убитых после боя.

– Мы должны задержать гоблинов, – оглянулся он на свою сотню. – Больше просто некому.

– Творец в помощь! – Раненый гном побежал за колонной, тающей в сумраке ночи.

По освещаемой огнями пожаров улице сотня вернулась к стене.

– Плотнее строй! Взвести арбалеты! – тихо скомандовал Янвир, наблюдая за темной массой,двигающейся вдоль стены.

Гномы построились пятью шеренгами поперек широкой улицы. Первая шеренга встала на колени и вскинула арбалеты, две следующие за ней шеренги повторили ее действие. Часть гномов заняла позиции на стене. Гоблины заметили перекрывших дорогу гномов и с яростными криками бросились вперед.

– Пли! – скомандовал Янвир, когда гоблины подошли совсем близко.

Раздались щелчки спущенных арбалетов. Словно коса смерти прошла по рядам гоблинов. Болты, пущенные почти в упор, пробивали по два, а порой и по три худых низкорослых тела. Ночную улицу наполнили крики раненых и умирающих. Видя такое мгновенное истребление чуть ли не сотни своих сородичей, гоблины дрогнули и стали откатываться назад.

– Бегут! Они бегут! – радостно закричал кто-то из гномов. Его крик тут же подхватили остальные.

Храбрость и глупость часто ходят рука об руку. В бессмысленной попытке нагнать отступающих врагов первая

шеренга вскочила на ноги и, выхватив топоры, бросилась вперед. За первой шеренгой бросились в атаку остальные гномы. Гоблины, возможно, не были хорошими воинами, но бегунами они были отменными. Гномы все бежали и бежали за темнеющими рядами, но догнать легконогих врагов не могли. Мимо проносились огни горящих домов и черные провалы улиц.

– Сзади! – прокричал один из гномов, прежде чем металлическое копьё пробило его грудь.

– Больно, мама... – С тихим стоном он повалился на холодные камни дороги.

Янвир оглянулся. С одной из боковых улиц вслед наступающим гномам катилась новая волна гоблинов.

– Круг! Строим круг! – отчаянно закричал Янвир, но было поздно.

Нападавшие захлестнули гномов, не успевших сомкнуть ряды. Отступающие гоблины также развернулись и вступили в бой. Начался бешеный хаос рукопашной схватки в смешанных порядках. Гном убивал гоблина и тут же умирал сам от руки его товарища, тот в свою очередь умирал от руки другого гнома.

Янвир крушил гоблинов своим огромным двуручным топором. Враги падали, но на смену им лезли все новые и новые. Внезапно в его плечо вошла стрела, он пошатнулся, и в тот же момент копьё пронзило его бедро. Из последних сил подняв над головой топор, он бросился в кипящую свалку.

Удар по ногам поверг его на колени, и два коротких меча разом вонзились ему в грудь. Он почувствовал, что оказался на земле, и попытался в последний раз поднять топор, но чей-то грязный сапог наступил ему на руку. Гоблин злорадно усмехнулся, обнажив кривые желтые зубы. Удар тяжелой палицы прервал жизнь молодого гнома.

* * *

Копыта Ветра гулко стучали по булыжникам мостовой. Равнодушные диски лун смотрели на объятые огнем улицы. Колокола на третьей стене смолкли, тишину ночи нарушал лишь треск пожаров и глухие отзвуки битвы на Северной стороне.

На первых мертвецов я наткнулся на крыльце таверны, в которой мы с Бальдором «праздновали» оставление первой стены.

Одиноко скрипела вывеска с изображением пивной кружки. Под вывеской лежала хозяйка гостиницы, из ее груди торчало несколько стрел. Рядом покоился широкоплечий гном, утыканный стрелами, словно подушечка для иголок. Из трактира доносился грохот разбиваемой посуды и визг гоблинов.

– Стой здесь! – приказал я Ветру, отведя его в небольшой узкий проем меж двух домов.

Обнажив меч, я подошел к распахнутой двери, осторожно ступил на порог таверны и настороженно осмотрел полутем-

ный зал. На полу храпел с десятков пьяных гоблинов; этот малорослый народец отличался крайней тягой к вину, но абсолютно не умел пить. Двух-трех кружек пива им хватало, чтобы упиться до поросычьего визга. Около пивных бочек дрались парочка гоблинов, видимо, оказавшихся крепче своих собратьев. За большим столом в центре зала сидел одинокий гоблин и с удивлением смотрел на меня. Убедившись, что я – не пьяная галлюцинация, он поднялся со своего места и кинулся вперед, размахивая коротким кривым мечом. Не добежав пары ярдов, он споткнулся о спящего товарища и, пролетев остаток разделяющего нас расстояния, напоролся на лезвие Химеры.

Спящий гоблин открыл глаза. Посмотрев мутным взглядом на мертвого собрата, он перевернулся на другой бок и захрапел. На короткую схватку обратила внимание только парочка у стены. Один из них схватил короткое копьё и бросился на меня, другой подхватил лежащий на столе взведенный арбалет и выстрелил. Арбалетный болт пробил тело бегущего ко мне гоблина и застрял в стене в добром ярде от меня. Арбалетчик бросил разряженное оружие и выхватил короткий меч. Злобно вереща, он бросился навстречу своей смерти.

Химера пропела смертельное приветствие, отрубив мечнику руку. Гоблин упал, и я добил его ударом в горло. Оглядев зал, я прошелся вдоль рядов пьяных гоблинов и безжалостно их перебил.

Убить беззащитных врагов... Несколько месяцев назад я бы ужаснулся такому деянию. А сегодня испытал только тупое равнодушие. Вытерев Химеру, я покинул гостиницу и продолжил поиски сотни Янвира.

Еще дважды я нарывался на патрули гоблинов, но оба раза меня выручал Ветер. Проламывая ряды врагов, он уносил меня в спасительную тьму. Несколько раз я сталкивался с большими отрядами гоблинов, которые занимались своим излюбленным занятием – грабежом. В схватки я не вступал, а просто сворачивал в сторону. Наконец, пропетляв в лабиринте кривых и узких улочек, я вышел к стене.

Небо заволокло серыми тучами, стало еще темнее. Ветер стих. Сначала робко, а потом все настойчивей и сильнее застучали по крышам домов и камням мостовой капли осеннего дождя. Зашипели кострища пожаров. Веселые капли стогняли кровавые лужи с камней мостовой.

Я закрыл глаза Янвира и поднялся с колен. Сто двадцатый...

Ровно ста двадцати гномам я закрыл глаза сегодня ночью. Тишину ночи разорвал мой полусумасшедший смех. У судьбы отличное чувство юмора! Черного юмора! Ведь сегодня особый день: мне исполнилось двадцать лет...

– Я ненавижу тебя! – закричал я, грозя мечом небесам. – Ты слышишь, творец? Почему я, всегда я? Мне надоело хоронить своих друзей, творец! Кто мы для тебя? Дети? Или мы просто фигурки на шахматной доске в вашей вечной вой-

не с Падшим?

Перебивая шум дождя, донеслось шарканье множества ног по камням мостовой одной из боковых улиц. Небольшой отряд гоблинов выступил из сгустившегося мрака.

– Сдаваться, воина, – коверкая слова, проворчал один из низкорослых силуэтов в смешном рогатом шлеме. – Или мы тебя убить.

Мои губы перекошились в сумасшедшей ухмылке, я крепче перехватил Химеру и бросился на гоблинов.

* * *

Бальдор, прячущийся от дождя под аркой ворот, нервно раскуривал свою любимую трубку.

– Больше ждать бессмысленно, надо закрыть ворота, – сказал сотник стражников.

– Подождем еще немного, – попросил Бальдор, вглядываясь в ночную мглу.

– Больше никто не придет. На улицах остались только гоблины и мертвецы.

– Тихо! – перебил его Бальдор.

– Да говорю же: надо закрывать ворота, – повторил сотник стражников, но Бальдор его уже не слушал.

Из темноты уходящей вниз дороги раздавался отчетливый стук копыт, приглушаемый лишь шумом дождя. Из мрака вынырнула фигура всадника на огромном гнедом жеребце. Усталый жеребец направился к распахнутым воротам.

Всадник поднял голову и убрал копну черных волос, упавшую на лицо. Только сейчас Бальдор увидел страшный облик принца. Его левая бровь была рассечена, из раны толчками выходила кровь, превращая лицо в ужасную маску. В плече виднелось сломанное древко короткой стрелы, капли дождя смешивались с каплями крови. Но больше всего выдававшего жизнь гнома поразили глаза принца, горящие через кровавую маску алыми угольками. В них было столько ярости и боли, что гном не смог долго в них смотреть и опустил взгляд.

Миновав ворота, Леклис, тяжело покачнувшись, покинул седло.

– Закрыть ворота! – скомандовал стражник, и створки ворот медленно поползли навстречу друг другу.

– Вам надо к целителям... – Бальдор настороженно взглянул в лицо Леклиса.

Тот лишь молча кивнул.

– Идите, я позабочусь о Ветре.

Принц поцеловал своего коня в нос и потрепал его шею, после чего отдал поводья Бальдору. Жеребец с явным неудовольствием оставил своего хозяина. Леклис глубоко вздохнул и подставил лицо под капли осеннего ливня. Смотрящий на принца Бальдор так и не понял, что струится по его лицу – дождь, слезы или все вместе. Прихрамывая, принц побрел к зияющим пещерным входам.

– Проводи принца, – кивнул одному из своих воинов сто-

ящий рядом с Бальдором сотник стражи. – Пробиться в такой темноте в одиночку...

Бальдор только покачал головой.

– Он не считает это удачей.

– С чего ты так решил?

– Он отправился в пригород за сотней Янвира.

– Зачем?

– Последнее пополнение, – пояснил Бальдор, видя непонимающий взгляд стражника.

– Понятно, – тяжело вздохнул гном. – У меня большая часть воинов последнего набора. Ты думаешь, он не нашел ту сотню?

– Или нашел слишком поздно.

– Его вины в этом нет.

– Я знаю, но для него это не оправдание. Он часто насмеялся над благородством и честью. Говорил, что для него эти понятия мертвы. Но втайне он остался верен этим идеалам.

– Если бы все правители так переживали за простых солдат – войн бы не было, – тяжело вздохнул стражник.

* * *

– Ну же, Эйвилин, сосредоточься.

Эйвилин в который раз попыталась повторить заклинание, но ничего не произошло.

– У меня не получается. Может, твой перстень ошибся? – Девушка устало присела на небольшую скамейку в глубине

цветущего парка.

– Это невозможно, – опустилась на скамью рядом с дочерью Весмина. – Попробуй еще раз. Не забудь. Сначала представь, что катаешь на ладони небольшой шарик.

– Ладно, я попробую. – Девушка вновь поднялась.

Весмина внимательно следила за действиями дочери.

– Yil la lis, – в очередной раз проговорила Эйвилин. – Yil la lis.

На ее ладони вспыхнул небольшой мерцающий шарик. От неожиданности девушка тряхнула рукой, шарик упал на землю и рассыпался сверкающими искрами.

– Вот видишь, девочка, у тебя все получается! – Весмина обняла дочь.

– А что может этот шарик? – спросила взволнованная девушка.

– Это светлячок, – пожала плечами Весмина. – Простейшее заклинание школы Огня. Можешь освещать им дорогу в темноте, пока не выучишь что-то более эффективное.

– Мне что, придется учиться в университете общей магии? – Эйвилин с ужасом представила себя на первом курсе в окружении малолетних детей.

– Не переживай, дочка. Я сама займусь твоим обучением, это не такая уж редкость, когда маги воспитывают детей с даром. Всю нужную теорию сможешь почерпнуть из книг, которые я тебе дам. Только не пытайся пробовать новые заклинания без меня.

Девушка быстро кивнула. Перспектива заниматься с матерью, а не в университете, казалась ей более заманчивой.

– Думаю, при интенсивных занятиях ты через год сможешь получить звание адепта, – продолжила Весмина.

– Через год? – Эйвилин не смогла скрыть своего изумления. – Но в академиях и университете учатся не менее восьми лет.

– Обычно там учатся с десятилетнего возраста, – улыбнулась Весмина. – Туда попадают дети разных сословий и рас, многих сначала приходится учить читать. Первые пять-шесть лет там не учат практической магии.

– Вот вы где? Как успехи? – раздался за их спинами голос.

Весмина радостно оглянулась – и в следующее мгновение оказалась в объятиях мужа, наслаждаясь его теплом. В последнее время Артис редко бывал с семьей: слишком много дел свалилось на него с тех пор, как он был назначен командующим армией.

– Все хорошо, перстень не мог ошибиться. Я займусь ее обучением, – прошептала Весмина, разрывая объятия.

– Какие новости? – обнявшись с отцом, спросила Эйвилин.

– Одна хуже другой, – устало присел на скамейку Артис. – Разведчики сообщили, что гоблины обложили Железный холм плотным кольцом. Первая и вторая стена уже пали, нижние ярусы гномьей столицы затоплены водой и гномы отрезаны от внешнего мира, а у них так мало продоволь-

ствия!

– Когда мы выступим с армией? – положив руку на плечо мужу, спросила Весмина.

– Крайний срок две недели. Постой, – осекся он, – а почему это «мы»?

– Ты забыл, что твоя жена боевой маг?

– Дорогая, там может быть слишком опасно. Не лучше ли тебе остаться вместе...

Весмина нежно взяла его за подбородок и приподняла его лицо, чтобы он смотрел прямо в ее яркие зеленые глаза. Спустя какое-то время Артис с удивлением осознал – все заранее приготовленные аргументы тонут в зеленом океане глаз стоящей перед ним женщины.

– Эйвилин поедет с нами! – Весмина погладила мужа по щеке.

Артис лишь тяжело вздохнул. У бывшего наследного принца, опытного политика и героя пограничных войн было только две слабости, и обе сейчас были рядом с ним и любяще смотрели в его глаза.

– А говоришь, что я упрямый, – сдался он. – Обещай мне, что не будешь рисковать и побережешь девочку.

Девочка!!!

Эйвилин обиженно тряхнула копной золотых волос, но возражать не стала.

– Ты меня ни с кем не перепутал? – проговорила Весмина. – Это ты часто забываешь, что тебе нельзя лезть в гущу

схватки.

Весмина уселась мужу на колени и подавила возможный протест нежным поцелуем. Артис крепко обнял жену.

Глядя на обнявшихся родителей, Эйвилин только завистливо вздохнула. Оставив влюбленную парочку наедине, она направилась в сторону виллы.

* * *

– Они пришли, мой лорд! – Дворецкий согнулся почти-тельным поклоне.

– Отлично, зови их сюда.

Лорд Уриэль нервно прошел по своему кабинету и сел в большое кресло, сделанное в виде императорского трона. В комнату вошли две фигуры, закутанные с ног до головы в темные плащи. Капюшоны были откинuty, но лица вошедших прятались за странными тряпичными масками с вырезанными отверстиями на месте глаз. В абсолютной тишине они проследовали в центр кабинета и остановились перед высоким лордом. Красные глаза с равнодушием смотрели на замершего главу Трибунала.

– Почему вас двое? – Высокий лорд нервно переводил взгляд с одного визитера на другого.

Более высокая фигура вышла немного вперед:

– Контракт возьму я, а это – мой ученик.

– Хорошо, пусть остается, – передернул плечами высокий лорд. – Вы должны выполнить одно деликатное поручение.

Уриэлю показалось, что один из убийц усмехнулся.

– Для других поручений нас не вызывают.

– Вот плата. – Уриэль протянул убийце мешочек – небольшой, но тяжелый, доверху набитый золотыми монетами. – Ваша цель довольно давно и успешно скрывается от императорского правосудия, найти его будет очень сложно.

– У нас свои способы поиска. Кто цель? – Убийца не пересчитывая протянул золото своему ученику. Обманывать убийц Анклава не решился бы и сам император.

– Мятежный принц Леклис! – глаза высокого лорда мстительно сверкнули.

Глава 13

Битва обманутой надежды

Ненависть! Ей переполнена чаша.

Ненависть! Требуется выхода, ждет.

Но благородная ненависть наша

Рядом с любовью живет.

Владимир Высоцкий

Предрассветная тишина укутывала долину плотным плащом. У небольшого костра около наспех собранной дозорной вышки спал десяток гоблинов, еще пара гоблинов с упоением играла в кости, встречая каждый новый бросок тихой

руганью или радостными восклицаниями. На игроков бросал завистливые взгляды одинокий дозорный на вышке.

Один из гоблинов усердно потряс кости и сделал бросок, кости запрыгали по поверхности большого плоского камня. Сверкнув в свете костра своими полированными гранями, они замерли, показав две шестерки, но игроки этого уже не увидели.

Первым умер часовой на вышке: из молочной пелены тумана вынырнули стрелы, и он упал, издав слабый стон. Игроки умерли мгновением позже. Из тумана бесшумно выскользнули эльфийские рейнджеры в неброских серых плащах. Достав длинные кинжалы, они хладнокровно перебили спящих у костра гоблинов.

– Передай светлomu лорду – путь свободен. Можно разворачивать войско, – произнес один из эльфов, обращаясь к стоящему рядом.

– Будет исполнено! – Коротко поклонившись, рейнджер растворился в утреннем тумане.

Аванпост гоблинов опять накрыла тишина.

* * *

Тусклое осеннее солнце вынырнуло из-за горных хребтов и осветило руины бастионов Железного холма. На первой стене не осталось ни одной целой башни, стены были покрыты громадными трещинами и местами обрушились. Вторая стена выглядела лучше, но на месте пригорода пестрело ске-

летами домов черное пепелище. Среди обгоревших развалин суетились маленькие фигурки гоблинов, пытаясь отыскать на пепелище что-то ценное.

Уже который день я вижу эту картину.

Опять дико зачесался шрам над глазом, скрытый жалкими клочками оставшейся брови. В принципе, целитель мог бы восстановить срезанную бровь, но он сильно торопился, заживляя рану, у него было слишком много пациентов, пещеры были забиты ранеными и умирающими. Многих спасти было не в его силах: у стойкости гномов к заклинаниям была и обратная сторона. Целителей было всего двое, а на каждого раненого гнома тратилось в два раза больше времени, чем на человека или эльфа.

В тот проклятый Падшим день гномы потеряли более шести тысяч только убитыми, бои на северной окраине продолжались еще целый день, но пробиться к третьей стене отрезанные защитники так и не смогли. Вышедшая им на помощь тысяча гномов завязла в уличных боях и с большими потерями вернулась в крепость.

– Тебе повезло, – глядя на меня, усмехнулся Бальдор. – Бровь – ерунда, пройди лезвие немного ниже – ты бы остался без глаза.

– Мне повезло, что я вырвался, другим повезло меньше, – хмуро заметил я.

Смена нашей тысячи кончилась с рассветом, и мы сидели на куче камней, сваленных вдоль зубцов стены. По стене

уныло ходили гномы, несущие утреннюю стражу. Хотя последняя и единственная попытка штурма была отбита практически без потерь, дух обреченности витал в воздухе. Запасы продовольствия стремительно таяли, а подгорный народ не отличался умеренностью в еде. Со дня на день должны были забить лошадей. Ветра такая незавидная участь не ждала. Пока не ждала...

– Шрамы украшают мужчин, – продолжил Бальдор, доставая из небольшого мешка скудную снедь.

Немного черствого хлеба, сыр, несколько мелких яблок – вот и весь завтрак.

– Их отсутствие украшает еще больше, – ответил я, надкусывая одно из яблок.

Оно оказалось на редкость кислым, но я с удовольствием его съел, мало обращая внимания на вяжущую рот кислоту, и потянулся за следующим. Бальдор разрезал ножом сыр и протянул половину мне. Некоторое время мы молча поглощали пищу.

– Бальдор, у тебя есть семья? – спросил я, закончив трапезу.

Сколько мы уже знакомы, а что я о нем знаю? Всего ничего. Гном стряхнул со своей роскошной белой бороды хлебные крошки и задымил любимой трубкой.

– Моя семья – армия, – выпустив струйку дыма, усмехнулся он. – Я не создан для тихой жизни. Второй сын в семье, в двадцать лет жажда приключений погнала меня прочь из

дома. Я долгое время был наемником, «перекати-поле», сложился по империи от войны до войны. За последние пятьдесят лет поучаствовал в доброй дюжине мелких войн между человеческими королевствами и в двух приграничных войнах с драконитами. Пару лет назад вернулся в Железный холм и с удивлением узнал, что меня тут считают героем последней войны с драконами. Меня приняли в Железный легион сразу сотником – редчайший случай. Я был доволен своей жизнью.

Гном выпустил очередную струйку дыма и замолчал.

– Леклис, почему ты остался в крепости? – спросил он пару минут спустя. – Только оставь весь этот пафос насчет союзов и вечной дружбы для членов Совета. Я думаю, ты изучал историю и прекрасно осведомлен – нет вечных союзников.

– Знаешь, Бальдор, в последнее время я часто задавал себе этот вопрос.

– И? – Он вопросительно поднял брови.

– Наверное, я просто не хочу возвращаться.

Похоже, я смог удивить невозмутимого гнома. Бальдор подавился дымом и громко закашлялся, мне пришлось несколько раз ударить его по спине.

«Бить по спине гнома, укрытого кольчугой – с тем же успехом можно было хлопать каменную стену», – подумал я, тряся отбитой ладонью.

– Но ведь ты единственный прямой наследник! – прохрипел он.

– Ты думаешь, меня там ждут с распростертыми объятьями? – По моим губам проскользнула грустная улыбка. – Там сейчас хозяйничают эльфы, а для них я хорош только в мертвом виде. Меня ждет очередная война, а мне так надоело воевать!

– Но ты ведь туда вернешься, если... – Гном украдкой посмотрел на стоящих часовых и громко продолжил, – когда мы разобьем гоблинов?

– Я должен вернуться, все-таки там мой народ. Я не стремился стать королем, корона – это не слишком приятная ноша, но я не стану бегать от судьбы. Если я сейчас исчезну, эльфы будут праздновать победу.

– Хочешь отомстить империи?

Мое внимание привлекло странное оживление на стене, и я не успел ответить. Стражники что-то кричали и показывали пальцами в сторону западной дороги. Я резко поднялся на ноги и устремил свой взор в ту же сторону. В свете восходящего солнца была видна огромная стена тумана, белого, как молоко. Эта была не обычная легкая дымка, а сплошная стена, полностью скрывающая склоны юго-западных гор и дорогу в земли империи. Значит...

– Слезы творца! – радостно вскричал Бальдор. – Эльфы пришли!

– Эльфы пришли! – его крик подхватили стражники на стенах.

На стенах и бастионах завопили от радости, гномы в ис-

ступлении колотили оружием по щитам, ожили сигнальные колокола на башнях.

– Эльфы пришли! – Радостный крик пошел гулять по туннелям Железного холма.

– Эльфы пришли, – зло и радостно усмехнулся я, пальцы крепче сжали рукоять Химеры. – Неужели императора замучила совесть?

Внезапно туман исчез, словно чья-то гигантская рука сдернула белое покрывало со склонов гор. Моему взору открылось величественное зрелище готовящейся к сражению армии. Эльфийская пехота с большими листовидными щитами и короткими копьями выстраивала боевой порядок, перед ними готовились к бою лучники.

Гоблины заметались, их многочисленное войско было разбросано по долине, большая часть располагалась около первой стены и в большом лагере на берегу Фии в западной части долины, еще несколько тысяч находились на пепелище пригорода.

Нарастающий шум прервал далекий звук трубы, земля вздрогнула под ударами сотен копыт. По южной дороге стала втекать лавина эльфийских конных лучников: разбившись на небольшие отряды, они начали кружить около мечущихся гоблинов, сея панику и сумятицу в еще не собранных порядках. На западе пехота и стрелки эльфов пришли в движение, направляясь к лагерю гоблинов, у которого в спешном порядке выстраивались ряды низкорослых воинов.

– Бальдор, готовь тысячу, скоро Совет прикажет нам выступить, – сказал я, накидывая на голову кольчужный капюшон. – Я пойду готовить Ветра, он уже застоялся в ваших подземельях.

Гном коротко кивнул и принялся раздавать приказы. Придерживая левой рукой ножны, я пошел в сторону пещер.

Железный холм бурлил, словно кипящий котел: к выходу на поверхность, гремя оружием и доспехами, бежали гномы. Радостные крики и ругань, бряцанье доспехов и оружия слились в единый гул, словно бурная подземная река шумела по туннелям. Ветер встретил меня приветственным ржанием. Выглядел конь неважно: вынужденное безделье в пещере и плохой корм сделали свое дело. Его грива поблекла, глаза потеряли былой блеск. Все-таки странным создал наш мир творец: во всех войнах больше других страдают именно лошади. Хозяева бросают их на острия пик, режут при долгих осадах, они страдают от бескормицы, калечат ноги на «чесноке», корчатся в кровавой агонии, утыканные стрелами.

– Ничего, Ветер, – сказал я, потрепав коня по шее, – сегодня мы вырвемся из этих каменных стен и не вернемся назад.

Мальчишка-гном, оставленный следить за лошадьми, принес мне конскую сбрую и седло, после чего стал восторженно наблюдать, как я готовлю Ветра к бою. Затянув последний ремень, я повел жеребца к выходу.

Прибыл я как раз вовремя. Первые отряды гномов стальной лавиной устремились вниз по дороге. Казалось, что от их

дружного шага Железный холм сотрясается до самого основания. С лиц исчезли усталость и обреченность, им на смену пришли ненависть и злость. Больше месяца они ждали этого дня, копили в сердцах своих ярость. Щедро поливали камни крепостных стен потом и кровью, теряли друзей и близких, но ждали. Ждали и верили, что придет этот день – день мести.

– ГОРНЫЕ КЛАНЫ!!! – от боевого клича гномов содрогнулась тысячелетняя гора.

Среди обгоревших развалин закипели первые схватки.

* * *

Уцелевшие в этой страшной битве потом дадут ей много названий. Для гномов это была «Осада Железного холма», для эльфов – «Битва Обманутой Надежды», не склонные к поэзии гоблины назовут ее «Бой в Долине Горы».

Солнце уже давно перевалило за полдень, а накал битвы все не утихал. Гоблины оправались от первого потрясения и теперь теснили эльфийскую армию. В пригороде шла жестокая битва, дважды гномам удавалось пробиться к стенам, и дважды их отбрасывали назад. Через распахнутые ворота валом текли все новые и новые гоблины, с горы спускались свежие отряды гномов, сменяющие своих уставших товарищей. Сражение шло по всей долине, эльфийские конные лучники осыпали гоблинов дождем стрел, боевые заклинания магов выкашивали целые отряды, но гоблинов было слишком мно-

го, на смену одному убитому вставало двое новых.

– ...Letis als ono.

Весмина закончила читать заклинание и прочертила воздух ладонью, земля задрожала и разверзлась, огромная трещина проглотила отряд наступающих гоблинов. Эйвилин восторженно следила за действиями матери. Они расположились вместе с другими магами на высоком холме перед лагерьем гоблинов, тут же располагалась ставка ее отца. Недавно тут стояло несколько осадных машин, теперь об этом напоминали только обгоревшие обломки. Справа несла свои бурные воды горная река, в кипящем круговороте воды то и дело виднелись мертвые тела – выше по течению шла кровавая битва. С вершины холма за развернувшимся сражением внимательно наблюдали Артис и его офицеры.

За рекой виднелись полуразрушенные стены гномьей цитадели, на развалинах суетились и кричали гоблины. Несколько раз они пытались обстреливать холм из чудом уцелевшей башенной баллисты и арбалетов, но магический щит надежно укрывал эльфов от метательных снарядов. Наконец кто-то из магов сжег надоедливую баллисту огненным шаром.

Эйвилин взглянула назад: там тоже кипела битва. Эльфы держали оборону на трех больших каменных мостах, перекинутых через бурную реку. На другом берегу копошились отряды гоблинов, держась на расстоянии от эльфийских лучников, щедро разбросанных вдоль левого берега реки. Из

громадного облака пыли за их спинами то и дело выскакивали конные эльфийские лучники, они вихрем проносились за рядами гоблинов и, выпустив ливень стрел, вновь скрывались в пыльном облаке. Облако пыли поддерживали пять магов Земли, они стояли недалеко от Эйвилин, трогательно взявшись за руки. Лишь по напряженным лицам было видно, каких усилий стоит им поддержание этого заклинания.

Большой одиночный отряд гоблинов двинулся к одному из мостов, на котором эльфы стали теснить наступающих врагов. С небес сорвалась молния и ударила в центр отряда, но гоблины лишь сомкнули ряды и продолжили движение, постепенно переходя на бег. Река забурилась, с ее поверхности стали подниматься тучи небольших пузырей. Повисев над рекой, они устремились навстречу гоблинам. Передние ряды столкнулись с пузырями, и гоблины стали валом падать на землю, корчась в мучительной предсмертной агонии. Осыпаемые стрелами, остатки отряда все же прорвались к мосту и вступили в бой.

У гоблинов не было магов, и в этот день эльфийским магам выпала редкая возможность использовать свои самые убойные заклинания. Гоблины сгорали в колдовском пламени, умирали от молний, задыхались от недостатка воздуха, но они не дрогнули и не бежали, а все больше и больше теснили эльфийские порядки.

Из пыльного облака выскочил взмыленный всадник, стрелой он подлетел к берегу реки. К нему устремились десятки

гоблинов, стремясь зажать его между рекой и крепостными стенами. Внезапно вода в реке расступилась перед всадником, обнажив покрытое камнями дно. Камни расползлись в стороны, и всадник с легкостью проскакал по дну реки. За ним устремились гоблины, но воды реки ожили, и кричащие фигуры унесло стремительным потоком.

Сердце Эйвилин радостно забилося: всадником оказался Илион. Он остановил разгоряченного коня возле Артиса и коротко поклонился.

– Мой лорд, они готовы.

– Отлично! – Артис повернулся к магам Земли. – Снимайте завесу!

Маги дружно расцепили руки, разрывая аркан заклинания. Пыльное облако стало медленно оседать на землю, открывая стальную стену наступающих гномов. Гоблины развернулись к новой опасности. Нападавшие на мосты стали стремительно отходить, им в спину полетели стрелы.

Маги удвоили свои усилия. На гоблинов полились реки огня, земля дрожала под их ногами, с небес сыпались молнии. Орда заметалась и рванулась на гномов, пытаясь уйти от смертоносного обстрела. Гномы вскинули арбалеты, лавина стальных болтов обрушилась на дрогнувшие ряды.

Могучую орду охватила паника, которая гораздо губительней самой сильной боевой магии. Гоблины заметались, часть из них напала на гномов, втянувшись в безнадежный бой. Несколько отрядов стали пробиваться к полуразрушен-

ной стене. Но большая часть гоблинов превратилась в кричащую неуправляемую толпу, которая бросилась бежать в робкой попытке спасти свои жизни. Конные лучники стали загонять эту толпу, словно стаю зверей, отсекая небольшие группы гоблинов и безжалостно уничтожая.

– Илион, у тебя кровь на лице. – Эйвилин робко провела ладонью по щеке эльфа, на которой красовалась небольшая кровоточащая царапина.

– Эта всего лишь царапина, моя леди.

– Я – не твоя леди! – фыркнула девушка, легонько стукнув его по груди.

– Мне повезло, – усмехнулся он и, быстро поцеловав Эйвилин в щеку, вернулся к своему коню.

Помахав ей рукой на прощание, он пришпорил коня и направил его к ближайшему мосту.

* * *

Несколько кровавых мгновений – и все было кончено. Первому врагу я распорол горло, отразил удар второго, ударил третьего ногой в колено и добил ударом меча. Последний оставшийся в живых гоблин решил спастись бегством. Кинув в меня свой короткий меч, он проскользнул к двери и выбежал из башни. Звонкое ржание и глухой удар известили меня о том, что далеко он не убежал.

Поднявшись на верхнюю площадку высокой Сторожевой башни, я окинул взглядом поле битвы. Похоже, это победа.

Бой продолжался только на западном берегу Фии, у лагеря гоблинов; на восточном берегу шла не битва, а бойня. Конные лучники выкашивали разрозненные отряды гоблинов. Стальная лавина гномов из восточных провинций разделась на две части: половина двинулась на помощь эльфам, а другая половина пошла к нам.

– Пора уходить. – Я до хруста в суставах сжал рукоять Химеры. – Не стоит втравливать гномов в новую войну ради меня... Пока не стоит.

Ты просто боишься, что гномы тебя предадут.

Мои губы исказила невеселая ухмылка. Конфликт чести. Кого поддержат гномы в новой войне? Эльфы истребили их армию, но спасли их народ от уничтожения. Мои заслуги перед подгорным народом не так уж велики, чтобы они влезли в новую бойню. Что выберет Совет, если им прикажут меня выдать? Войну с эльфами? С ослабленной-то армией и отсутствием припасов? Или они решат, что жизнь одного принца – ничто по сравнению с жизнью целого народа. Честь воина и честь правителя – две разные вещи. Честь воина обязывает его не предавать своих товарищей, а честь правителя – не предавать свой народ.

А что бы ты решил?

Я спустился с башни и вышел во внутренний двор. Шум сражения все еще не стихал, где-то раздавались крики и лязг оружия. У стены я увидел мертвого гоблина, кровавая дорожка на стене показала мне, что страшный удар копыт Вет-

ра просто размазал несчастного по крепостной кладке.

Где-то рядом были слышны звуки боя, но я не стал возвращаться. Пустив Ветра галопом вдоль стены, я доскакал до восточной окраины разрушенного пригорода; по пути мне не попало ни одного отряда гоблинов, идущих на помощь своим собратьям. Похоже, судьба их войска, сражающегося сейчас на западной стороне, решена. Миновав ворота первой и второй стены, я покинул крепость. Моя война с гоблинами закончена. Свою тысячу я оставил на попечение Бальдора задолго до того, как решил прорваться к сторожевой башне и посмотреть за ходом сражения. Одежда, подаренные Бальдором кольчуга и меч, браслет Эйвилин в виде двух переплетенных змеек, тяжелый кинжал и мешочек серебряных монет, добытых еще в долине, – вот и все мои вещи. Еду и припасы я рассчитывал приобрести в восточных землях гномов.

По долине метались отряды гоблинов, отходившие назад, на север. Там, укрытые пологом густого леса, они будут вновь копить силы для новой войны. Стараясь избегать схваток, я направил Ветра к выходу из долины. Там было тихо – даже гоблины были не настолько глупы, чтобы убегать в сторону занятых гномами земель: рассчитывать на милость им не приходилось.

Уже на выходе из долины мое внимание привлек близкий топот копыт. Одинокий всадник выскочил из-за гребня небольшого холма, покрытого чахлой пожелтевшей травой, и устремился ко мне.

Слезы Творца, мне везет, словно утопленнику! Всадником оказался знакомый мне «слуга» Эйвилин. Как же эльфийка его назвала? Элеон? Илион? Да, кажется, Илион. Похоже, эльф узнал меня: он вскинул лук и потянулся к колчану; к счастью для меня, тот был пуст: в горячке боя эльф не заметил, как выпустил все стрелы. В ярости он выхватил меч и, перекинув со спины круглый щит, устремился ко мне. Я легонько стукнул Ветра по бокам и обнажил Химеру. Щит давал эльфу преимущество, впрочем, длина Химеры и рост Ветра сводили его на нет.

Мы столкнулись. Привстав в седле, я обрушил на эльфа страшный удар, расколов его щит и едва не отрубив руку. К чести эльфа, это его не смутило – прижав кровоточащую руку к телу, он продолжил отбиваться. Эльф мастерски владел коротким клинком, черное лезвие Химеры раз за разом встречалось со сверкающим лезвием его меча. Исход поединка решил Ветер, укусив коня Илиона. Тот встал на дыбы и скинул раненного всадника.

Я быстро выскочил из седла, оказавшись около упавшего противника, выронившего свой меч. Эльф попытался подняться, но я ногой прижал его правую руку к земле.

– Что же ты ждешь? Убей, – прохрипел он, с ненавистью глядя в мои глаза.

УБЕЙ ЕГО.

Ненависть набатом стучала в моей голове.

ОН ВРАГ, ОН НАПАЛ НА ТЕБЯ. ВСПОМНИ, ЧЕМУ

ТЕБЯ УЧИЛ БАЛЬДОР.

Моя левая рука непроизвольно погладила скрытый под кольчугой браслет Эйвилин.

ЭЙВИЛИН – ЭЛЬФИЙКА, ТЫ ЕЙ НИЧЕГО НЕ ДОЛЖЕН. ЭТОТ ЭЛЬФ САМ ТЕБЕ ЭТО СКАЗАЛ.

Посмотрев в глаза эльфа, я ударил – клинок глубоко вошел в землю рядом с его шеей. Вырвав Химеру из земли, я вернул ее в ножны и вернулся в седло. Руки дернули повод, Ветер послушно развернулся. Все еще лежа на земле, удивленный эльф следил за моими действиями.

– Это ничего не изменит, – прохрипел он мне в спину. – Мы с тобой все равно останемся врагами.

Я даже не обернулся на его слова.

Ветер, наслаждаясь скачкой, весело стучал копытами, унося меня все дальше от места схватки.

– Леклис, ты делаешь глупость: через пару часов за тобой будет гнаться вся эльфийская армия.

– Ей будет больно, если я его убью, – тихо прошептал я.

– Из тебя получится плохой король: ты не можешь переступить через свою глупую честь.

* * *

Тяжело дыша, Бальдор опустил свою секиру и огляделся. Последний очаг сопротивления гоблинов был подавлен. Гномы не стремились брать пленных, а гоблины сражались яростно и отчаянно и не собирались сдаваться. Часть гномов

деловито копошились среди мертвецов, добывая еще живых гоблинов и ища раненных собратьев. Тяжелораненых уже начали уносить на щитах.

«Пора мне прекратить игры со смертью, – оглядев заваленные трупами улочки и развалины, подумал он. – Пришло время остепениться и обзавестись семьей, буду помогать брату в кузнице, а по вечерам травить байки о своих походах в ближайшей таверне. Или, может, самому обзавестись таверной?»

– Господин старший сотник! – К нему подбежал взволнованный гном. – У сторожевой башни три мертвых гоблина, но принца там нет.

– Слезы творца, куда он делся?

– Среди убитых мы также его не нашли, однако... – Гном смущенно замялся.

– Говори ясней! – одернул его Бальдор.

– Несколько гномов видели всадника, покидающего крепость через Восточные ворота. Но маловероятно, что это был принц, – быстро добавил гном. – Он не сбежал бы, бросив свою тысячу на произвол судьбы.

– Когда это было? – взволнованно спросил Бальдор.

– Примерно в то же время, когда восточные легионы взяли первую стену.

– То есть когда исход сражения был уже предрешен? – Бальдор усмехнулся. – Значит, это был Леклис.

– Но почему он ушел, мы же победили? – удивился гном.

– Принц не дружит с эльфами.

– А мы с ними дружим?

– А мы должны с ними дружить. У нас нет другого выхода, но что-то мне подсказывает, что это ненадолго.

Гном коротко кивнул и ушел помогать раненым.

«Пожалуй, мне еще рано думать о тихой жизни и собственной таверне, – любовно протирая свою секиру, подумал Белобород. – Все только еще начинается...»

* * *

Илион очнулся на большой, высокой постели в комнате со странным сводчатым потолком. На стенах вместо привычных факелов и свечей светились кристаллы. Голова закружилась, эльф застонал от боли, закрыл глаза и, лежа так, попытался вспомнить, что с ним произошло.

Мысли его вернулись к недавним событиям. Он отчетливо вспомнил разгром гоблинов и их преследование. Потом была долгая, бешеная скачка и стрельба по убегающим гоблинам. Он так и не смог вспомнить, когда и почему он оторвался от своего отряда и остался совершенно один. Илион отчетливо вспомнил появившегося на его пути всадника на большом гнедом жеребце. Несмотря на их короткую встречу, Илион сразу же узнал его – принц Леклис. Вспомнив бой и свое поражение, Илион глухо застонал.

Мятежник сохранил ему жизнь, хотя Илион так и не смог понять, почему он это сделал. Потом... Что было потом? Ка-

жется, ему удалось остановить кровь и найти свою лошадь. Он вспомнил огромные ворота и спешащие к нему низкорослые тени, затем наступила тьма. Интересно, сколько прошло времени?

Илион вновь открыл глаза и, подняв голову, оглядел свою комнату. Почему Леклис сохранил ему жизнь? Повернув голову, он увидел ответ.

В огромном кресле, стоящем у изголовья его кровати, спала Эйвилин. В свете кристаллов волосы девушки приобрели странный светящийся ореол.

Неужели из-за нее Леклис меня пощадил? Но как он узнал?! Мысли заметались в голове Илиона как табун диких лошадей. Неужели Эйвилин ему все рассказала? Нет, это невозможно! При нашей первой встрече она представила меня как своего слугу. Все же – как он узнал? Неужели просто догадался? Интересно, а что скажет Эйвилин, когда узнает, что я сражался с Леклисом, и что он пощадил меня?

Эйвилин лишь в общих чертах рассказала ему, что произошло в Потерянной долине. Несколько раз он пытался выведать у нее больше о Леклисе, но подобные разговоры каждый раз заканчивались ссорой. В основном из-за несдержанности Илиона, который так и не смог простить Эйвилин за то, что она помогла принцу бежать.

«Похоже, моя Эйвилин – уже не только моя», – подумал эльф. Он привстал на постели и легонько дернул девушку за длинные светлые волосы – так же, как он делал это когда-то

давно, в детстве.

Эйвилин удивленно раскрыла глаза и улыбнулась:

– Оставь в покое мои волосы, гадкий мальчишка! – сказала она, вскочив с кресла и оказавшись в его объятьях.

Илион улыбнулся в ответ: «гадкий мальчишка» – именно так она звала его в детстве.

– Тебе нельзя вставать, ты потерял слишком много крови. Просто чудо, что ты добрался до крепости, – сказала Эйвилин, вырвавшись из его объятий. – Что с тобой произошло?

«Что она скажет, когда узнает правду? – подумал Илион. – Впрочем, откуда она узнает?»

– Налетел на большой отряд гоблинов, – сказал он и снова лег.

– Илион, я так рада, что с тобой все в порядке! – Лицо Эйвилин вновь озарила улыбка, она шутливо взлохматила его волосы. – Лежи, сейчас я принесу поесть. Тебе надо восстановить силы. Моя мама сказала, что ты еще несколько дней должен провести в постели.

Вскочив со своего места, Эйвилин стремительно вышла из его комнаты.

– Гадкий мальчишка... – тихо прошептал Илион, когда дверь за ней закрылась. Поудобней устроившись на подушке, он закрыл глаза и вновь погрузился в раздумья.

Глава 14

Тень дракона

Короткий осенний день быстро закончился, солнце стало клониться к горизонту, пора было становиться на ночлег. Привал я решил сделать около небольшой рощицы жидких деревьев с огненной красно-желтой листвой. Осень уже полностью вступила в свои права, и по ночам было довольно холодно. Потрепанный шерстяной плащ служил плохой защитой от холода, поэтому я раскатал на земле теплое одеяло, купленное три дня назад в приграничном шахтерском поселке, и, привязав к морде Ветра мешок с овсом, пошел собирать дрова для костра.

В роще пахло осенней сыростью, опавшая листва покрывала землю красочным ковром. Побродив среди деревьев, я умудрился собрать немного сырых веток для костра. «На вечер должно хватить», – решил и отправился обратно.

Опушка рощи, на которой я остановился, встретила меня гнетущей тишиной. Казалось, время остановилось на этом клочке земли. Ни шума птиц, ни дуновения ветра, даже мой конь Ветер застыл в недвижимой позе, словно статуя.

На землю упала странная длинная тень. Увидев ее, я бросил дрова для костра и выхватил меч.

С неба спикировала невероятная тварь. Огромная змеиная голова покоилась на толстой шее, длинное тело покрывала красная чешуя, блестящая на солнце подобно кровавым агатам. Раскрытые крылья дракона закрывали собой свет за-

ходящего солнца. Я сжал рукоять меча и выставил клинок перед собой, будто полоса черной стали сможет защитить меня от гнева дракона. Лишенные зрачков глаза устремили свой взгляд на меня. Пасть дракона раскрылась, блеснули ряды длинных кинжальных зубов.

– А ты храбр, – произнес дракон-повелитель.

Драконы разговаривали с помощью магии, звук его речи исходил откуда угодно, но не из пасти. Голос его сумасшедшим эхом кружил вокруг меня: то он раздавался справа, то слева.

– Опустить свой меч, ты ведь понимаешь, что не сможешь меня убить.

Взгляд бесцветных глаз завораживал. Казалось, дракон смотрит не на мою телесную оболочку, а прямо в душу.

– Может, мне еще и в твою пасть самому залезть? – проговорил я и резко тряхнул головой, прогоняя наваждение.

– Эту мысль стоит обдумать.

Из ноздрей дракона вырвались клубы дыма, пасть придвинулась еще ближе ко мне и широко распахнулась. С острого кривого клыка сорвалась «капелька» слюны, упав на огромный красный язык. Я судорожно сглотнул. «Да чтоб ты подавился!» – подумал я, крепче сжимая рукоять Химеры. Проклятье Падшему, так глупо погибнуть в двух шагах от дома!

– Убери свой меч, я пришел с миром. – На этот раз голос дракона раздался со спины.

Я лишь крепче вцепился в Химеру.

– Мир? Какой между нами может быть мир? Червь!

Дракон зашипел, из ноздрей вырвалась очередная струйка дыма. Он втянул воздух и от этого стал казаться еще больше. Я приготовился умереть. Дракон выдохнул – меня обдало теплым, почти горячим, воздухом и диким серным смрадом.

– Ты либо очень храбр, либо совсем глуп! – В его голосе появились заметные гневные нотки.

Видимо, смерть моя откладывается; хотелось бы знать, на сколько?

– О чем нам говорить? Мы – враги и останемся ими до конца нашего мира! – Я так и не вернул меч в ножны.

– Конец вашего мира очень близок, – прошептал голос.

– О чем ты говоришь?

Дракон сложил крылья и лег на землю, моему взору открылись его длинная шея и спина с гребнем острых шипов.

– Тебя мучают вопросы, а мы знаем ответы. С частью из них ты сможешь сегодня ознакомиться.

– Хорошо. – Я убрал меч и сел на холодную землю перед мордой дракона.

Наверное, со стороны эта картина смотрелась дико: огромный дракон, мирно лежащий на земле, и полукровка в черной кольчуге, сидящий скрестив ноги в паре ярдов от его пасти.

Солнечные лучи плясали по красной чешуе, сплетая странный и чарующий узор, – я с трудом отвел от нее взгляд.

Дракон был величествен и красив, но в его сердце билась частичка Падшего.

– Почему вы сражались на стороне эльфов? – задал я давно мучивший меня вопрос.

– На стороне эльфов? Мы не выступали на их стороне. Нет силы, которая заставила бы нас это сделать.

– Да? Значит, на том проклятом поле сражались не ваши войска, а в небе висели не твои собратья? – спросил я, с трудом давя в себе гнев.

– Неправильный вопрос, но я отвечу: да, это были наши войска. Да, это были мы.

– Ты хочешь сказать, что это эльфы выступили на вашей стороне?

– Почему ты решил, что мы были на одной стороне?

Вопрос дракона поставил меня в тупик.

– Хватит издеваться, враг! – воскликнул я: утихший гнев разгорался во мне все с большей силой. – Если хочешь убить, то убей, но избавь меня от этой глупой игры в вопросы и ответы.

– Враг, враг... Все-таки наш отец был прав: творец совершил большую ошибку, создав эльфов, людей, гномов и орков. Ты считаешь себя врагом драконов?

Вокруг меня закружился вихрь смеха, но сам дракон остался недвижим, будто скала.

– Вы воюете с нами с начала времен! – Смех дракона застал меня врасплох.

– Мы воюем? Это вы, светлые расы, – при слове «светлые» в голосе дракона послышалась нескрываемая издевка, – воюете с нами. Вы вырезаете селения драконитов, не щадя даже змеенышей. А как же, ведь это творение Падшего, и нет зла в их убийстве. С еще большим упоением ваши «светлые расы» режут глотки своим собратьям по свету.

– Вы тоже с упоением грызете друг другу глотки, – возразил я.

– У нас есть на это причины. Посмотри на меня! – Дракон вновь поднялся и расправил крылья, я с трудом подавил желание вскочить со своего места и отбежать от него подальше. – Разве есть в этом мире создание, равное мне по красоте и мощи? Захоти я – и весь мир падет к моим ногам.

– Штар-Ар-Лог пробовал, но у него не получилось.

Около меня снова закружил смех, дракон лег на землю и взглянул мне в глаза. От его взгляда мое тело покрылось мурашками и липким потом, а в сердце вползло уже почти забытое чувство страха. Я вдруг понял, что ощущает пойманная мышь, с которой играет кошка.

– Это было не вторжение, а бегство. Отступник Штар-Ар-Лог был разбит и бежал из своих земель, уводя собой остатки своих войск. Все ваши объединенные армии так и не смогли его остановить, вы победили только благодаря хитрости. Будь мой погибший брат более дальновиден, он бы не попался в настолько глупую ловушку. А вы до сих пор считаете этот побег величайшим вторжением в вашей истории. Это

смешно. Захоти мы завоевать вас, мы бы это сделали. Даже я один мог бы это сделать. На это ушли бы десятилетия, но я бы все равно победил.

– Если ты такой сильный, почему не сделаешь этого? – спросил я со скрытой иронией.

– Ты хочешь быть правителем муравейника? Для нас ваша борьба за земли и титулы сравнима с возней муравьев. Мы лишь защищаем свои земли от ваших набегов да удерживаем своих подданных от походов возмездия. Да, мы воюем друг с другом, но именно для этого нас и создал наш отец: рано или поздно останется только один дракон.

– И что тогда? – удивился я.

– На этот вопрос тебе не стоит искать ответа. Зачем тебе знать то, что уже предопределено? Пройдут тысячи лет, прежде чем два последних дракона сойдутся в схватке, из которой выйдет только один. Мир изменится, но какое тебе дело до этого? Мир меняется постоянно, и мы, драконы, знаем это лучше, чем кто-то другой. Эльфы кричат о своем первородстве, но именно мы – драконы – были первыми обитателями этого мира. Мы видели, как эльфы совершали свои первые шаги в чаще древнего леса, видели их лесные города в кронах деревьев. Мы незримо наблюдали, как вгрызались в земные недра крепыши-гномы, как кипели схватки между первыми людьми и орками. Мы смотрели, как леса сменяют пустыни, как рушатся горы, реки меняют свои русла. Мы видели, как возносятся из пыли и умирают первые империи и

королевства, о которых вы помните только из лживых преданий. Как в реках крови создается ваша «светлая империя».

Голос дракона смолк, я погрузился в раздумья.

– Хватит пустых разговоров о мертвом прошлом, – после минутной заминки продолжил дракон. – Тебя больше должно интересовать настоящее и будущее.

– Что за сила объединила драконов? Почему вы не напали на эльфов? – задал я вопрос, подняв голову и взглянув в его безучастные глаза.

– Нам предложили то, что мы давно искали, что принадлежит всем драконам по праву. Ради этого мы на время прекратили склоки и выступили вместе. Мы не стали уничтожать эльфов, потому что этого требовал Договор.

– Что вы искали?

– Сердце Дракона. Нам нужно сердце, оно наше, оно нужно нам. Отступник украл то, что принадлежит всем драконам! – Голос дракона закружил вокруг меня, словно вихрь.

– Что такое Сердце Дракона?

– Это просто большой драгоценный камень, – прошеле-стел над моим ухом голос.

– Ты хитришь, дракон, – усмехнулся я, давя в себе последние искорки страха. – Зачем вам обычный драгоценный камень?

– Ты поймешь, когда увидишь. Подобного камня нет в целом мире, – мечтательно произнес дракон. – Не задавай больше вопросов про Сердце, юный принц. С тебя достаточ-

но знаний.

– Разгром союзных армий, нашествие гоблинов – кто стоит за всеми этими событиями в империи? Кто предложил вам Договор?

– Нам известно только то, что это очень сильный маг. – Хвост дракона несколько раз ударил по земле. Я ощутил себя рядом с огненной горой: похоже, дракон с трудом сдерживал кипящую в нем ярость. – После гибели Штар-Ар-Лога Сердце взял ваш первый император, ему были ведомы многие тайны, и он знал, что он делал. Мы грозили ему войной, мы предлагали горы золота, но он спрятал Сердце, и мы не могли найти его в течение веков. Год назад к одному из моих братьев пришел странный человек, он предложил Договор: Сердце в обмен на разгром объединенных армий. Он запретил нам трогать эльфов, если они не нападут, но мы и представить не могли, что они обернутся против вас... Впрочем, это в духе ваших светлых рас.

– Зачем ты мне все это рассказываешь? – спросил я дракона.

– Нас обманули, нам не вернули Сердца. – Дракон еще несколько раз ударил по земле хвостом.

Я не выдержал и засмеялся, смех просто сам по себе вырывался из моей груди.

– Человек обманул великих и могучих драконов? Твои слова расходятся с рассказом о вашем могуществе.

– Не смейся, принц, мы тоже не думали, что кто-то смо-

жет обмануть драконов. Однако случилось то, что случилось. Того человека мы убили, но он был просто орудием. Умирал он очень медленно, – мстительно произнес дракон, – но он так и не сказал, кто его хозяин. Мы пытались прочитать его память, но она оказалась пуста, как у новорожденного младенца: его использовали как куклу. Мы забеспокоились – в мире появилась новая непонятная сила. Мы объединили усилия, чтобы узнать будущее, но и это не помогло понять, кто наш враг.

– Ты хочешь сказать, что вы можете видеть будущее? – удивленно воскликнул я.

– Да, если объединяем свои силы, но это случается очень редко.

– Вы видите будущее! – снова повторил я, пораженно качая головой.

– Это не так просто объяснить, но я попытаюсь, – ответил дракон. В этот раз его голос шел откуда-то сверху. – Будущих много, мы видим только некоторые из них, но не знаем, какое именно осуществится. Видения будущего туманны и расплывчаты, их трудно описать на вашем языке.

– Интересная история, но зачем вам нужен я?

– Мы хотим предложить тебе помощь. – Голос дракона стал слишком спокойным: исчезли нотки превосходства и гордости, и это не могло не настораживать.

– Хватит играть, дракон! – Я поднялся на ноги и произвольно положил руку на эфес Химеры. – Говори, что тебе

нужно.

– Позови нас, и мы придем. В обмен ты отдашь нам Сердце Дракона.

– Ты говоришь загадками, дракон. Когда я позову вас? С чего ты решил, что Сердце Дракона будет у меня?

Дракон медленно и величественно поднялся с земли, огромное тело заслонило собой свет солнца.

– Если произойдет то, что должно произойти, ты поймешь. А пока прими этот дар.

В воздухе передо мной повис амулет на длинной серебряной цепочке – лапа дракона, держащая небольшой круглый камень странного меняющегося цвета.

– Носи его не снимая. Этот артефакт защитит тебя от любой магии. Когда придет время, разруби камень, и мы придем.

Дракон расправил крылья и поднялся в воздух. Поток воздуха едва не сбил меня с ног.

– Еще один совет: война на севере, смута на юге, мор на западе, ненависть на востоке. Одной ненависти недостаточно, Леклис, и ее всегда будет недостаточно. Убей ворона, – сказал он, устремляясь в небесную высь.

– Постой, что это значит?! – крикнул я взлетающему дракону.

– Убей ворона! – донесся с небес голос.

Я замороженно наблюдал, как дракон поднимается все выше и выше. Наконец он превратился лишь в черную точку на

небосводе. С мелодичным звоном к моим ногам упал амулет, висевший до этого в воздухе. Я осторожно поднял его и повертел в руках.

Сказал дракон правду, или это лишь хитрая уловка? «Будь что будет!» – решил я и надел амулет. Рядом удивленно заржал вышедший из оцепенения Ветер.

* * *

Костер недовольно трещал и гневно дымил, обгладывая сырые ветки. На землю спускалась ночь, небосвод покрыли яркие точки звезд. Разговор с драконом все не давал мне покоя. Сидя на теплом одеяле, я задумчиво смотрел на языки пламени.

Разговор с драконом принес слишком мало ответов и привел с собой еще больше вопросов и загадок.

«Убей ворона» – что это значит?

ОПАСНОСТЬ!!! – взорвалась в голове мысль.

Со временем у меня выработалось чутье на опасность, сравнимое с чутьем зверя. Я резко ушел в сторону, пара метательных ножей прорезала воздух в том месте, где я только что находился. Я хотел броситься к лежащему на земле мечу, но чувство опасности заставило уйти в противоположную сторону. В землю около рукояти меча впились сразу три тонких метательных ножа, еще пара воткнулась рядом со мной. Еще раз перекатившись в сторону, я рывком вскочил на ноги и выхватил нож, который старался не снимать с пояса даже

ночью.

– Ко мне, Ветер! – позвал я в темноту.

Но конь впервые не отозвался на мой зов.

Слева метнулась какая-то тень, я резко отпрыгнул в сторону и стал встревоженно озираться. Меня окружал сумрак позднего осеннего вечера, звенящую тишину нарушали только треск веток в костре и мое хриплое дыхание

Я резко упал на колени и перекатился в сторону. Над моей головой сверкнуло лезвие ножа. Высокая черная тень мелькнула в круге света от костра и легким кошачьим прыжком взметнулась в воздух. Пришлось вновь уходить из-под удара, в этот раз я чуть было не влетел в пламя костра. Тень бесшумно приземлилась и кинулась на меня, нож в ее руке словно зажил своей, злой жизнью.

Я попытался метнуться к мечу – лезвие ножа распорол воздух рядом со мной и, скользнув по кольцам кольчуги на руке, молнией полетело мне в лицо. Уйдя от сверкающей смерти, я попытался ударить в тень кинжалом, но она, совершив немислимый кувырок назад, ушла от атаки. Тонкий метательный нож вновь распорол воздух в паре дюймов от моего тела. Опасное оружие: тонкое узкое лезвие, предназначенное для проникновения сквозь кольца кольчуги, было отравлено.

Кошачья ловкость, быстрота и бесшумность движений – убийцы Анклава! Интересно, кому сейчас нужна моя голова? Впрочем, кандидатур так много, что на меня может охо-

титься целая свора наемников.

Убийца вновь кинулся в атаку, его движения стали смазанными и расплывчатыми. Одновременно с этим я почувствовал какое-то шевеление за своей спиной. За долю секунды до удара я резко развернул корпус и сделал шаг в сторону. Один шаг, отделивший одну смерть от другой. Переведи убийца нож в обратный хват и ударь, я бы не смог уйти от удара в бок, не спасла бы и кольчуга. Нож убийцы – это больше чем просто оружие: это сама смерть.

Рядом со мной застыли две тени. Из груди одной из них торчала рукоять ножа. Другой нож замер в дюйме от горла второй тени: нападавший на меня убийца все-таки смог сдержать свой удар. Если бы и тот убийца сдержал свой, я бы корчился сейчас в предсмертной агонии.

Впрочем, времени на размышление у меня не было. Прежде чем мертвый убийца упал на землю, я ударил его парника в затылок тяжелой рукоятью кинжала. Тот пошатнулся, но не упал – пришлось нанести ему еще несколько ударов, прежде чем он повалился на землю.

Я вытер с лица пот, мои руки дрожали. Эта короткая схватка вымотала меня как тяжелейший штурм гоблинов. Выжить в схватке с убийцами Анклава – тут поневоле почувствуешь себя героем какой-то глупой легенды. Быстро вернувшись к оставленному мечу, я выдернул Химеру из ножен и настороженно приблизился к распластанным на земле телам. И, осторожно присев перед ними, снял с них маски.

Белоснежная алебастровая кожа, красные глаза – догадка оказалась верной: передо мной лежали два представителя малочисленной и окутанной тайнами расы вампиров. Появление вампиров – странная неразгаданная загадка этого мира. Многие верили, что к их появлению приложил руку Падший, немаловажную роль в этом убеждении сыграло то, что вампиры пили кровь животных. Цели вампиров были непонятны, у них не было своего королевства – лишь одинокий замок на высокой скале, нависшей над Океаном Бурь, но представителей этого семейства можно было легко разыскать во всех крупных городах империи. Вампиры Анклава слыли непревзойденными шпионами и убийцами, их услуги стоили не просто дорого, а безумно дорого. Им платили полновесным золотом, и это породило забавный слух о боязни вампирами серебра.

Нападавший на меня вампир был мертв – его убил не столько нож, сколько яд, которым он был покрыт. Я многое знал о вампирах: в конце концов, во мне тоже текла капля их крови. Большинство слухов о них было ложью: вампиры не боялись солнца, просто род их занятий способствовал ночному образу жизни; у вампиров не было никакой тяги к крови, но именно кровь придавала им ряд особых способностей, наиболее известная – это возможность видеть в темноте. О других способностях ходили страшные, а иногда и откровенно глупые легенды. Одно я знал точно: каждый убийца сам создавал яд, которым смазывал свое оружие. Яд

был безвреден лишь для своего создателя, для всех остальных это была верная смерть. Многие отдали бы целое состояние, чтобы разгадать эту загадку, но лазутчики, посланные в цитадель вампиров, ни разу не возвращались. А любитель совать свой нос в их тайны обзаводился симпатичным могильным холмиком на ближайшем кладбище.

– Любишь ты влипать в истории, Леклис, – проворчал я, разглядывая второго вампира.

Им оказался молодой мальчишка лет пятнадцати-шестнадцати от роду. Помня первую встречу с Эйвилин, еще раз внимательно осматриваю лежащее тело. Нет, в этот раз действительно парень, а не девушка. На вампире было темное обтягивающее одеяние, и характерных отличительных признаков скрыть оно не могло.

Обыскивать вампира я не стал: в одежде могла быть спрятана куча острых вещей, покрытых ядом, а глупо умирать от укола иглой не входило в мои планы. Я перевернул вампира на живот и крепко связал ему руки и ноги с помощью веревки, которой крепил к седлу свою поклажу.

«Что с Ветром? Неужели мертв?» – мелькнула в моей голове страшная мысль. Я метнулся в ночной сумрак в ту сторону, где оставил коня на ночь. Ветер был жив, но крепко спал: похоже, его чем-то усыпили. Послушав его ровное дыхание и сердцебиение, я немного успокоился и вернулся к костру.

Как оказалось, вернулся я вовремя. Пленник каким-то

непостижимым образом избавил свои руки от пут и уже принялся освобождать ноги.

– Лучше не стоит, – проговорил я, обнажив меч и войдя в круг света.

Молодой вампир хотел дернуться в сторону своего ножа, но острое моего меча маячило прямо перед его горлом.

– Не советую делать резких движений, а лучше вообще не двигайся, – проговорил я. – У тебя есть выбор. Либо ты по-хорошему отвечаешь на вопросы, либо ты отвечаешь на вопросы по-плохому. От твоих ответов зависит, быстро ты умрешь или медленно.

– А умирать обязательно? – язвительно спросил вампир.

Похоже, моя проникновенная речь не произвела на него впечатления.

– Мне неплохо знакомы ваши законы, – усмехнулся я. – Ты принял контракт на мою голову, и оставить тебя в живых – это подписать себе смертный приговор. Так что легкая смерть – это все, что я могу тебе предложить.

– Я не принимал контракта, – вернул мне усмешку вампир, – контракт принял мой учитель.

К моему удивлению, вампир злобно пнул лежащий рядом труп.

– Похоже, ты не слишком его любил, – удивленно произнес я, внимательно следя за юным вампиром.

– Он был слишком жесток даже для нашего народа. – Вампир еще раз пнул лежащий труп. – Я у него уже третий уче-

ник: моих предшественников он убил – такая же участь ждала и меня. Слишком много я узнал о нем в пору моего ученичества.

– Назови хоть одну причину, по которой я должен оставить тебя в живых, – не убирая меча от его горла, спросил я.

– Кровный долг тебя устроит? – Он поднял голову и взглянул мне в глаза.

Такое предложение вогнало меня в ступор. Кровный долг – это клятва в вечном служении вампира и его потомков принявшему долг и его роду. Кстати, я являюсь кровным должником самому себе. Моя прабабка по линии отца была вампиром. Мой прадед спас ей жизнь во время Веленского мятежа, восстания против гномов, охватившего две провинции, которые отошли к ним после одной из неудачных для Восточного королевства войн. Не знаю, чем руководствовалась моя прабабка, но впоследствии она из кровного должника превратилась в законную супругу, став первой и пока единственной в истории королевой-вампиром. Впрочем, все это уже совсем другая история.

Наверное, с минуту я глотал воздух, пытаюсь осознать предложение вампира. Захоти он меня убить, он бы сделал это, не встретив с моей стороны ни малейшего сопротивления. Но вампир молчал и не шевелясь сидел на своем месте, ожидая моего ответа.

– Зачем тебе это? – спросил я, оправившись от потрясения.

– Моя жизнь теперь не стоит и ломаного гроша, – пожал плечами вампир. – Анклав обязательно узнает, что произошло сегодня ночью, а наказание за ошибку у нас одно – смерть. Объявив себя кровным должником, я перечеркну прошлую жизнь, и мне не станут мстить.

– Хорошо, – решил я, принимая этот «подарок» судьбы. – Делай то, что должен сделать.

Косясь на кончик меча, вампир осторожно достал из рукава небольшой копьевидный кинжал со странным рисунком на лезвии. Потом осторожно поднялся на одно колено, стянул с левой руки длинную черную перчатку и молниеносным движением рассек ладонь. На землю упало несколько капель крови.

– Я, Мезамир, объявляю себя и своих потомков кровными должниками принца Леклиса и его рода отныне и до окончания нашего мира. Да услышит меня небо! – произнес молодой вампир и протянул мне окровавленную ладонь.

– Я принимаю твою клятву. Отныне все, что ты совершишь, будет сделано по моему приказу. – Я убрал меч и сжал протянутую руку.

С небес не сорвалась молния, и не загремел оглушающий гром. Мы просто разорвали рукопожатие, и вампир поднялся с земли – раны на его руке уже не было. Я посмотрел на свою ладонь: она стремительно впитывала кровь вампира, принимая долг крови.

Часть вторая

Эльфийская кровь

Глава 1

Возвращение

Железный холм оживал. Стремительно разбирались обгоревшие развалины, с невероятной быстротой каменщики восстанавливали измочаленные каменным градом бастионы. По долине, все еще сохранившей следы недавней битвы, потянулись нити многочисленных торговых караванов.

Артис быстрыми размеренными шагами стремительно двигался по подземному коридору, широкому, словно улица в столице империи. Встречные гномы и эльфы спешили отдать ему положенный в таких случаях приветственный поклон, но он обращал на них мало внимания. Встречных эльфов становилось все больше, их одежды и оружие стали выдавать в них представителей старших домов. Свернув в один из коридоров, Артис оказался рядом с богато украшенной дверью, около которой застыли двое стражей в зеленых одеждах императорского дома.

Стражники уже хотели припасть на одно колено для приветствия своего господина, но он величественным жестом остановил их:

– Леди на месте? – спросил Артис, когда стражники услужливо распахнули двери в его покои.

– Они не выходили, господин, – кивнул один из эльфов.

Эйвилин и Весмину он нашел в богато обставленной гостиной. Они сидели за большим круглым столом, сделанным из зеленого мрамора, и увлеченно разбирали какие-то магические формулы, поверхность стола была завалена книгами по магии и свитками.

– Есть несколько новостей о Леклисе, – произнес Артис, садясь за стол.

– Что с ним отец?! Он жив?! – Встревоженная Эйвилин вскочила со своего места.

Артис и Весмина обменялись настороженными взглядами.

– Я получил новости от своих разведчиков: в одном из приграничных селений сказали, что он почти две недели назад покинул Горное королевство и направился через Ничейные земли в сторону Восточного королевства, – произнес Артис.

– Не волнуйся, девочка, с ним все в порядке. – Весмина погладила дочь по руке.

– Я и не волнуюсь, с чего я должна волноваться? – произнесла Эйвилин, возвращаясь на свое место. На ее щеках загорелся смущенный румянец.

– Значит, твои люди не могут его догнать? – задумчиво спросила Весмина.

– Это невозможно, – Артис покачал головой. – Слишком поздно удалось выяснить, что он тут был. Проклятье Падше-

му, если бы гномы сказали раньше!

– Удивительно, что они вообще пустили нас в город после того, что им поведал Леклис.

– Да, принцу удалось вбить клин в отношения гномов с империей.

– Будь справедлив, дорогой, это империя испортила отношения с гномами. Если Леклис рассказал правду...

– История слишком невероятна, – перебил жену Артис. – Драконы, выступившие с эльфами, – это невозможно! Поговорить бы с мятежным принцем.

– Он уже, наверное, пересек границу своего королевства, – задумчиво протянула Весмина, разглядывая дочь.

– Да, – усмехнулся Артис, – если хотя бы половина того, что я слышал о Леклисе, – правда, то я не завидую главе Восходящего солнца и его войскам.

Эйвилин поднялась со своего места и пошла во внутренние покои. На ее щеках горел яркий румянец, зеленые глаза странно поблескивали: было видно, что девушка очень взволнована.

– Я пойду к себе, – произнесла она, выходя из комнаты. Артис проводил ее встревоженным взглядом.

– Ты тоже заметила? – спросил он, подождав, пока девушка покинет комнату.

– Я заметила это уже очень давно, – кивнула головой Весмина. – Она уже взрослая, и девушкам в ее возрасте свойственно влюбляться. А ее влюбленность в Леклиса была оче-

видна, дорогой: тебе стоило вспомнить, как восторженно она о нем отзывается.

– Когда она успела, они провели вместе всего пару дней?!

– Иногда достаточно одного взгляда, – произнесла Весмина, улыбнувшись мужу. – Ведь так было с нами.

Артис вспомнил тот трижды благословенный день более двадцати пяти лет назад, когда сама судьба занесла его в парк около столичного университета магии, где на него налетела заплаканная девушка...

– Она не могла влюбиться в кого-то другого? – покачал головой Артис, вырываясь из пелены воспоминаний. – Им не быть вместе.

– Надеюсь, ты не собираешься им мешать? – Весмина, сощуриив глаза, посмотрела на мужа. Тот поежился: слишком хорошо он узнал эту женщину за двадцать лет совместной жизни. Такой ее взгляд предвещал маленький семейный скандал. А семейный скандал с женой, которая является одним из лучших боевых магов...

– Нет, я не пойду дорогой моего отца. – Эльф грустно улыбнулся и обнял жену, гася вспышку ее гнева. – Но мне кажется, сама судьба против них. Леклис падет, это уже предопределено: он может разбить Дом восходящего солнца, но ему не справиться с империей.

– А если он сказал правду, и мятежа не было? – тихо спросила Весмина.

– Теперь пролито столько крови, что это не имеет никако-

го значения. Совет домов поддержит действия лорда Уриэля, нам выгодней считать принца мятежником: ведь если откроется правда, империю ждет раскол. Возможно, лорд Уриэль – негодяй, но я надеюсь, что он сможет остановить Леклиса. Принц несет с собой только войну и еще большие жертвы.

* * *

Ослепительная вспышка молнии разрезала небо, спустя несколько мгновений раздался глухой раскат грома. Осенняя гроза бушевала над замершим городом. Дождевая вода гнала грязь по сточным канавам вдоль мокрых и темных улиц. Многочисленные светильники не горели: в такой дождь просто не было смысла их разжигать, – лишь тусклый свет в некоторых окнах разгонял тьму дождливой ночи.

В провале арки городских ворот скучало несколько стражников. Немилосердная судьба в лице лейтенанта назначила их в сегодняшнюю ночную стражу. Да еще и проклятая погода подкинула им столь неприятный сюрприз в виде грозы.

– Пора закрывать ворота, сержант! Слезы творца, сколько можно ржаветь под этим ливнем?! – раздраженно проговорил один из стражников. Его осанка и рост свидетельствовали о том, что в его роду были гномы. – Накинем засовы и пойдем в караулку.

Остальные стражники одобрительно заворчали: никому не хотелось мокнуть в сырой арке.

– Закрывайте ворота, – подумав, кивнул сержант. Он бы

не решился отдать такого приказа, если рядом с ним находился один из эльфийских стражников. Но эльфы ушли, а оставленного ими гарнизона хватало лишь на охрану королевского замка да патрулирование нескольких главных улиц.

Обитые медью деревянные створки едва начали сводиться, когда из сырого мрака вынырнули два всадника, укрытые промокшими темными плащами. К седлу одного из них был пристегнут меч с замотанной тряпками рукоятью.

– Кого там Падший несет в такую ночь? – недовольно проворчал сержант, когда всадники въехали в освещаемую горящими факелами арку ворот.

Ехавший первым всадник откинул капюшон, сержант судорожно сглотнул слюну. Из-под черной маски на него равнодушно смотрели красные глаза вампира.

– Приношу вам свои извинения, господин, – опустив голову, проговорил стражник. – Вы можете проезжать.

С вампирами Анклава стоило вести себя вежливо и осторожно. Если вам, конечно, дорога была ваша жизнь. Хоть слухи о кровожадности вампиров и были преувеличены, мало кто хотел оскорбить профессиональных убийц, пусть даже случайно.

Убийцы не удостоили его ответом. Миновав арку ворот, они растворились во мраке ночного города.

– Спесивые ублюдки! – зло плюнул в сторону скрывшихся всадников один из стражников.

– Попридержи свой язык, Кабан, – одернул его сержант. –

У них слух лучше, чем у эльфов.

Услышав это, стражник заметно побледнел и с опаской покосился в сторону темной улицы, по которой уехали ночные гости. Убедившись, что убийцы не спешат к нему из тьмы, чтобы прервать его жалкое существование, он облегченно перевел дух.

Городские ворота со скрипом захлопнулись.

* * *

Капитан Глок был мертвецки пьян. Впрочем, последние несколько месяцев это было для него обычным делом. С приходом эльфов все изменилось, все советники короля Уриэля, которых не унесла война, погибли в руках палача – лишь единицам удалось спастись. Однако расправой с советниками дело не окончилось: едва покончив с людьми короля, войска Дома восходящего солнца двинулись в приграничные территории усмирять восставших орков.

Барона Глока посчитали мелкой фигурой, и он избежал плахи, его даже оставили на службе, но в один прекрасный день он не выдержал. Если раньше городская стража поддерживала порядок и выслеживала преступников, то теперь занималась только поисками мифических заговорщиков. Плюнув на три десятка лет службы, капитан Глок швырнул в лицо эльфийского наместника прошение о своей отставке и ушел.

Отставка вылилась в продолжительное пьянство. Глок был противен сам себе, но не переставал пить, стараясь хотя

бы крепким вином заполнить пустоту в душе. День за днем было множество таверн, куча разговорчивых собутыльников и море вина.

Этот день прошел как обычно. То есть, ВЕРОЯТНО, как обычно. Справедливости ради надо сказать, что Глок совершенно не помнил, как начался этот день и сколько он выпил. Было много вина и какие-то смутные тени, были пьяные песни в обнимку с такими же пьяными рожами; наконец он забылся сном прямо за столом, уставленным пустыми бутылками.

В пьяном забытии ему пригрезился чей-то разговор. Один голос был странно знакомым, но Глок знал: его хозяин давно мертв. Остатки сознания отметили, что его тело подняли из-за стола и куда-то понесли, он хотел воспротивиться, но сил не хватило даже на то, чтобы разлепить глаза. До него донесся возмущенный возглас трактирщика и чей-то грубый ответ, потом его подняли по каким-то ступенькам и бросили на постель, где он и заснул.

Его пробуждение было сложно назвать приятным: во рту было сухо, голова и тело болели так, словно его использовали вместо бревна тарана. Переборков боль и головокружение, Глок осмотрелся. Он находился в небогато обставленной, но чистой комнатке таверны. Его одежда была вычищена и аккуратно сложена на грубом трехногом табурете рядом с постелью. Через небольшое окошко пробивались лучи солнца, освещая его ночное пристанище.

Внимание Глока привлек скрип распахнувшейся двери, в нее вошла закутанная в плащ фигура в скрывающей лицо маске. Даже замутненное похмельем сознание Глока отметило, что под плащом прищельца скрывается кольчуга. Незнакомец плотно закрыл дверь и задвинул засов, после чего повернулся к нему и снял с лица маску.

– Допился! – прошептал Глок, глядя в открывшееся лицо. – Уже начали мертвецы мерещиться.

Он огляделся по сторонам в поисках спасительной бутылки вина. Между тем посетитель встал около его постели.

– Выглядишь хуже некуда, Глок, – усмехнулся он столь знакомым голосом.

– Это сон, просто дурной сон... – пробормотал барон, закрывая глаза.

В реальность его вернули несколько довольно сильных пощечин.

– В твоих снах тебя часто бьют? Кстати, тебе ничего не напоминает эта картина? Вспомни: три или четыре года назад ты уже был в этой комнатушке, только на постели пьяно храпели два других тела.

– Это правда вы, мой принц? – Дрожащими руками Глок вцепился в руку внезапно воскресшего повелителя, боясь, что от его прикосновений наваждение исчезнет.

– Еще пару раз врезать тебе по морде, чтобы ты убедился? – спросил Леклис. – Приведи себя в порядок, капитан, у нас с тобой много работы.

Лицо принца исказила жестокая ухмылка, больше похожая на оскал рассерженного волка.

* * *

– Вы изменились, мой принц, – сказал Глок, опустив взгляд.

Раньше он всегда смотрел мне в глаза, впрочем, в последнее время мало кто был в состоянии выдержать мой прямой взгляд.

– В какую сторону? – спросил я, разглядывая капитана.

За прошедшие несколько часов Глок успел привести себя в полный порядок. Исчез замызганный пьянчужка с трясущимися руками и отсутствующим взглядом. И вернулся тот Глок, что когда-то учил меня правильно держаться за меч и вытаскивал меня из вонючих кабаков Старого города.

– Не знаю, принц. – Он снова настороженно посмотрел на меня. – Вы уже не тот беззаботный юноша, любимчик судьбы, которого я когда-то знал.

– Тот юноша уже несколько раз умер, Глок, – прошептал я, откинув с лица непослушную прядь волос. – Он умирал на том проклятом поле, чуя запах крови, слыша истошные крики и вопли умирающих, видя своих друзей, сваленных в кучу, словно падаль. Он умер, пробитый стрелами на Арене казней, под веселый гомон жаждущей крови толпы. Был затравлен, словно дикий зверь, в Потерянной долине. Он был замучен в пыточных застенках, истек кровью на каждой из

трех стен Железного холма. От него осталась только эта пустая оболочка с душой, выжженной ненавистью.

– Нельзя жить одной ненавистью, – покачал головой старый вояка.

– Ты не первый мне это говоришь.

Раздался осторожный стук в дверь. Я поспешно надел на лицо маску и накинул на голову капюшон. Стук повторился, но на этот раз стучали громче и настойчивей.

– Войдите! – громко произнес я, машинально положив руку на эфес Химеры.

Дверь отворилась, в комнату вошел высокий незнакомец, на вид я бы не дал ему и тридцати. Лицо вошедшего, в котором были заметны характерные эльфийские и человеческие черты, было бледным, словно у вампира, но в узких щелочках глаз не было заметно красноты, столь свойственной представителям Анклава.

По добротной, но не обремененной драгоценными побрякушками одежде его можно было бы принять за небогатого купца или крепко стоящего на ногах мастерового. Но опытный глаз сразу замечал скрытую под одеждой «гномью рубашку» – тонкую кольчугу до пояса с короткими рукавами. На поясе незнакомца висел длинный охотничий нож и кинжал с усиленной гардой для защиты и для захвата оружия противника. У него за спиной маячило несколько громил довольно подозрительного вида: встреча с такими личностями в глухом и темном переулке могла закончиться весьма пла-

чевно для вашего кошелька.

– Ждите здесь, – кивнул незнакомец громилам и, закрыв дверь, прошел в комнату.

– Можете снять свою маску, ваше высочество, – ошарашил он меня. – И не спешите вытягивать свой меч, я пришел предложить вам свою помощь.

– Нам не нужна помощь твоей грязной гильдии! – зарычал Глок, поднимаясь со своего места и яростно сжимая кулаки. Похоже, он всерьез намеревался броситься на вошедшего.

– Сядь, капитан! – приказал я, слегка повысив голос, и Глок сел на свое место, продолжая метать в своего собеседника яростные взгляды.

Тот совершенно не обращал на капитана внимания, делая вид, что того тут вообще нет, – похоже, именно это бесило Глока больше всего.

– Кто вы? И с чего вы решили, что я могу вам доверять? – произнес я, сняв маску и взглянув ему прямо в глаза.

Лицо незнакомца свела судорога, ресницы затрепетали: было видно, что он старается выдержать мой взгляд.

– Капитан может меня представить, мы с ним старые друзья. – Он все-таки отвел свой взгляд, но сделал это так, словно его крайне заинтересовало что-то около окна.

Я посмотрел на Глока и увидел, что тот едва сдерживает кипящую в нем ярость.

– Друзья?! У меня нет друзей среди гнусных воров, Ховальд! – прохрипел он, вновь порываясь вскочить со своего

места, но, встретившись с моим взглядом, успокоился.

– Капитан, – глава одной из самых скрытых гильдий королевства дружески посмотрел на своего вечного противника, – преступность была всегда: кто-то крадет, кто-то ловит. По-моему, так было с начала сотворения. Кстати, ты не задумывался, почему король Уритрил отказывался отменить закон, позволяющий мне выкупать своих людей из тюрьмы? – Глок удивленно уставился на главу гильдии воров, судорожно глотая ртом воздух. – Не стоит так волноваться, капитан, в вашем возрасте это вредно. – При напоминании о возрасте капитан бросил в сторону главного вора еще один яростный взгляд. – Между нами было взаимовыгодное соглашение: моя гильдия не раз выполняла множество специальных поручений короля, а он закрывал глаза на несколько странных старых законов. Он был далеко не первым королем, которого устраивало такое положение вещей.

– Какую помощь вы мне можете оказать? – спросил я.

– Я вам ее уже оказываю, ваше высочество. Все близлежащие улицы охраняются еще с ночи. Смею заметить, ваша маскировка под вампиров была крайне неудачным ходом – вы сразу привлекли внимание. Даже в этом районе у эльфов есть свои глаза и уши. Кроме этого я помогу вам встретиться с вашим старым знакомым, который был против вашего отъезда с армией короля.

– Магистр Тиллит жив? – усмехнулся я. – Это хорошая новость, но во что мне обойдется ваша помощь?

– Ни во что, – сказал глава гильдии, и на этот раз выдерживая мой прямой взгляд. – Ведь это и наша страна, принц. Сейчас эльфы режут орков, а завтра примутся за полуэльфов или других полукровок. А у нас тоже есть дети, жены, друзья и близкие... Итак, что вы решили?

– Будем считать, что вы меня убедили, – произнес я, не обращая внимания на едва сдерживающего ярость Глока. – Когда вы можете организовать встречу с магистром?

– Сегодняшней ночью к вам придут его посланники, – откликнулся он, поднимаясь из-за стола и направляясь к выходу. – А теперь я поспешу откланяться, мои люди, – он кивнул в сторону закрытой двери, – останутся здесь на страже.

– Не стоит, – усмехнулся я. – Я не нуждаюсь в защите. Лучше потрудитесь унести их от моей двери.

– Почему унести? – удивился Ховальд и раскрыл дверь.

За ней – прямо напротив выхода – лежали два его охранника. Они боялись даже глубоко вздохнуть, потому что на их распластанных телах, словно на мягком ковре, сидел Мезамир и равнодушно чистил ногти похожим на шпильку стилетом.

Надо отдать должное главе городских воров: он ничем не показал своего удивления. Во взгляде, брошенном на меня, мелькнула тень уважения пополам с восхищением. Поклонившись, глава гильдии воров покинул комнату. Мезамир резво поднялся на ноги, громилы встали и, пошатываясь, побрели за своим вожаком.

– Прекрасно сработано, – скупое похвалил я своего «домашнего» вампира.

Он лишь быстро кивнул и закрыл дверь.

Вновь поворачиваюсь к капитану Глоку: с его лица исчезла ярость, он широко улыбается.

– В тебе погиб прекрасный актер, Глок! – Я потрепал старого ветерана по плечу. – На мгновение я поверил, что ты с трудом себя сдерживаешь.

– Ты тоже прекрасно сыграл, Леклис. – Глок заговорщицки мне подмигнул.

– Хороший правитель и политик должен быть искусным комедиантом, – грустно усмехнулся я.

ИНАЧЕ НАРОД НЕ СТАНЕТ ЗА НЕГО УМИРАТЬ.

– Вы будете удивлены принц, но я всегда уважал Ховальда, да и ваш дядя о нем хорошо отзывался. – Слова Глока вырвали меня из пелены мрачных мыслей. – Лучше иметь в городе одного крупного крокодила, чем сотню мелких. Его люди не раз выдавали нам опасных убийц. Да, я уважаю его, – кивнул головой Глок. – У него налажена обширная сеть осведомителей из числа городских нищих. Жаль, что он направил свой талант на столь неблагоприятное ремесло.

– Ему можно доверять?

– Думаю, он был искренен: опасность нависла над всеми полукровками. Возможно, потом он начнет свою собственную игру, но пока я бы всецело на него положился. Тем более что он знает, где скрывается верховный маг королевства.

Я поднялся из-за стола и задумчиво прошелся по комнате.

– Хорошо, что мы тебя встретили, – произнес я, остановившись около узкого окна, за которым кипела жизнь городских трущоб. – Мезамир еще ночью заметил слезку, и не предупреди ты, что это осведомители гильдии, – мы бы ушли из города.

– Что вы теперь будете делать, мой король?

КОРОЛЬ.

Я кинул на Глока удивленный взгляд, но он, похоже, не понял, что оговорился.

– Дождемся ночи, – пожав плечами, проговорил я. – А пока ты расскажешь, что происходило в королевстве за время моего отсутствия.

* * *

– На сегодня на этом закончим! – Дэя закрыла книгу и с трудом подавила зевок. – Возвращайтесь в свои комнаты.

Ее немногочисленные ученики поднялись со своих мест и, оживленно переговариваясь, потянулись к выходу.

«Дети...» – подумала девушка, глядя на них, и тяжело вздохнула.

Решение магистра было жестоким, но необходимым. Королевство потеряло в войне добрую половину магов, эту потерю требовалось возместить как можно скорее. Именно поэтому так нещадно гонялись оставшиеся студенты официально закрытой Академии магии. Правда, из столицы заня-

тия пришлось перенести в одну из пригородных резиденций, сюда же перевели большую часть наиболее талантливых учеников. Остальных пришлось отправить по домам, создавая видимость выполнения распоряжения наместника высокого лорда о закрытии Академии.

Впрочем, эльфы, скорее всего, знали о работе этой резиденции. Просто их решили оставить в покое на то время, пока бушует восстание орков. Но девушка прекрасно понимала, что передышка временна: подавив восстание на приграничных территориях, эльфы примутся наводить порядок на землях Восточного королевства, и первой их целью будут непокорные маги и их мятежный магистр.

– Дэя, нас вызывает к себе магистр! – В оставленный будущими магами класс заглянула Клорина. – Он в своем кабинете.

– Сейчас иду, – откликнулась девушка, поднимаясь со своего места.

Путь до кабинета их бывшего учителя девушки прошли молча. Много изменилось за прошедшие полгода, их глупое соперничество из-за принца теперь казалось лучшим временем в их жизни.

Первым, на кого натолкнулись девушки у дверей магистра, был рыцарь, в котором они с удивлением узнали бывшего капитана стражников Глока. Еще удивительней было присутствие рядом с ним невысокого, больше похожего на мальчишку вампира.

– Проходите, он ждет вас. – Капитан услужливо распахнул перед ними дверь в кабинет.

Удивленно переглянувшись, девушки вошли в погруженную во мрак комнату. К их изумлению, магистра в комнате не оказалось. У полыхающего камина грел руки неизвестный им полукровка, одетый в черное. В полутемной комнате его можно было принять за какую-то причудливую тень. Он поднял голову – свет упал ему на лицо. Он попытался улыбнуться, но казалось, что это простое движение губ дается ему с трудом.

Длинный овал лица, впалые щеки – он улыбался, но в глазах таилась глубокая грусть. Длинные темные волосы были связаны в конский хвост, над левым глазом белел плохо заживленный шрам.

Девушкам понадобилось много времени, чтобы его узнать, а затем поверить в реальность происходящего.

Они молча смотрели на него, щеки их горели, а на глаза наворачивались слезы.

Губы незнакомца шевельнулись, но, казалось, прошла целая вечность, прежде чем он заговорил. У него изменился даже голос: он стал суше и жестче.

– Я рад, что вы невредимы. Очень рад.

Улыбка сползла с губ Леклиса, когда девушки дружно упали в обморок.

Глава 2

Тень ворона

В легендах это выглядит иначе: стоит наследнику престола вступить в столицу, пришпорить коня, пару раз взмахнуть мечом и произнести пламенную речь, как народ, достав запрятанное по тайникам оружие, радостно встает под его знамена и идет бить врагов.

К сожалению, в реальности все происходит не так, как в легендах.

Стол был завален бумагами настолько, что поверхность из мореного дуба была не видна из-за кипы докладов и отчетов: донесения с востока, донесения с запада, доклады с юга. Вот уже пятый день я разбираю эти горы бумаг. Глок ошибался: у гильдии не просто хорошая, а замечательная шпионская сеть. Гигантским спрутом она раскинула свои щупальца по всем уголкам королевства, а не только в столице. Теперь я прекрасно понимал своего дядю и его предшественников: силу такого масштаба лучше иметь среди своих друзей, нежели в стане врагов.

– Тебе не надоело копаться в бумажках? – Подошедшая сзади Дзя обняла меня за плечи.

– «Надоело» – это не то слово, – мрачно хмыкнул я и принялся читать очередной доклад.

– Все настолько плохо? – тихо спросила она.

– Хуже некуда. – Я отложил доклад в кипу прочитанных бумаг. – Приграничные земли превращены в пепелища, орки

заблокированы в двух городах, еще немного – и у них начнется голод. Две, максимум три недели – и от их народа останутся жалкие осколки. А все остальные провинции делают вид, что ничего не происходит! – Я в бешенстве ударил кулаком по столу, несколько бумажек сорвались с его поверхности и, покружившись в воздухе, упали на пол. – Наивные! Когда они прозреют, будет слишком поздно! Они не хотят воевать! Можно подумать, я хочу! Только глупцы любят войну, или те, кто и в глаза ее не видел; но иногда война – это единственный выход!

Ненависть и ярость начали разгораться во мне с новой силой. Я ненавидел эльфов, но еще большую ярость вызывали тупоголовые подданные и продажные вассалы моего дяди. Что такое эльфийская армия на просторах Восточного королевства? Ничто. Несмотря на все потери в том проклятом походе, королевство могло выставить еще три армии, подобные уничтоженной, но вместо этого все решили умыть руки. Те одиночки, что пытались сопротивляться, были безжалостно перебиты, а их земли тут же захватили алчные соседи.

– Ты сильный, ты сможешь все это исправить. Они просто растерялись, и им нужен тот, кто поведет их за собой.

– Если бы я знал, куда я их приведу! – прошептал я, гася в себе вспышку ярости. – Порой мне хочется сесть на Ветра и уехать как можно дальше от всего этого. Найти себе тихое место подальше от всех и просто пожить. К Падшему эльфов и все остальные «светлые» расы! Я хочу пожить, не выгрызая

у судьбы мгновения жизни!

– Но ты ведь не сделаешь этого?

– Конечно, не сделаю, но и рабу позволительно мечтать о свободе.

– Что тебя мучает, Леклис?

– Не знаю, – вздохнул я. – Наверное, я просто устал.

– Ты не должен взваливать все бремя забот лишь на свои плечи. – Девушка осторожно провела пальцами по шраму над моим левым глазом. – У тебя есть друзья, и я хочу, чтобы ты был уверен в нашей преданности. Мы с тобой до самого конца, что бы ни случилось.

– Спасибо, Дэя, я знаю, что могу на вас рассчитывать.

Какой бы конец нас ни ждал...

– Тебе надо отдохнуть, Леклис, – покачала головой девушка. – Ты целый день провел за этими бумагами.

Раздался осторожный стук в дверь, на пороге появился капитан Глок.

– Все готово, мой принц, – произнес он, войдя в кабинет. – Мы можем выступить немедленно.

Дэя настороженно посмотрела на меня:

– Ты куда-то отправляешься?

– Я решил всего лишь последовать твоему совету и отдохнуть, – усмехнулся я, поднимаясь со своего места. – Мы с Глоком и Мезамиром отправляемся на небольшую лесную прогулку.

Девушка окинула меня недоверчивым взглядом и вопро-

сительно посмотрела на капитана.

– Мы действительно едем в лес. – Барон утвердительно помотал головой.

Пристегнув к широкому поясу ножны с Химерой, я подошел к Дэе и нежно поцеловал ее на прощание. На мгновение во мне ожил тот, давно умерший, Леклис:

– Сможете обойтись без меня сегодняшней ночью? – прошептал я на ухо Дэе.

– Мы что-нибудь придумаем, – кокетливо усмехнулась она, принимая мою игру. – Жаль, что ты забираешь вампира с собой.

– Вот наглец! Пожалуй, я закопаю его в лесу по дороге назад, – заявил я, сделав страшное лицо.

Оставив смеющуюся девушку, я вышел из комнаты. Старый Леклис во мне вновь умер.

А может быть, просто заснул?

* * *

Первые снежинки весело кружились в воздухе. Зима начинала робкие попытки наступления на все еще царившую в округе осень. С каждым днем ее давление будет усиливаться, и в конце концов осень отступит, отдав землю во власть холодной владычице.

Наш небольшой отряд уже довольно давно миновал простор примыкающих к столице фермерских полей и углублялся все дальше в Систерис, огромный густой лес к юго-западу

от столицы. Кони уныло брели по широкой дороге, больше похожей на сплошную грязевую лужу.

– Впереди кто-то есть! – Мезамир тревожно всматривался вперед, словно пытаясь увидеть, что скрывает от нашего взгляда очередной поворот дороги.

– Ну, наконец-то... – пробормотал Глок. – Я уж начал думать, что в этом проклятом лесу не осталось ничего живого.

– Боюсь, старина, ты ошибаешься, – проговорил я.

Очередной поворот принес нам столь долгожданную встречу. Хоть и не с теми, кого мы так упорно искали.

На поваленном бурей дереве около ярко горящего костра сидел грязный старик и грел морщинистые руки у огня.

Я критически осмотрел незнакомца, закутанного в серый замызганный плащ. Обычный бродяга. Тусклое, незапоминающееся лицо. В неухоженной бороде виднелись мелкие веточки и сосновые иголки – похоже, он долгое время продирался через лес. На сырой земле рядом с костром лежали грязная котомка и деревянный посох старика – видимо, это были его единственные вещи.

Наше появление бродяга встретил настороженным и испуганным взглядом.

– Не бойся, старик, мы не причиним тебе зла, – произнес я, слезая с Ветра. – Мы погреемся около твоего костра и поедем дальше.

– Пожалуйста, добрые господа! – Старик поспешно вскочил со своего места и согнулся в раболепном поклоне.

Я присел на корточки возле полыхающего костра и, сняв кожаные перчатки, с удовольствием протянул руки к благодатному теплу. Стоящий на противоположной стороне старик что-то проворчал себе под нос. Похоже, наш визит ему не нравился.

– Откуда идешь, старик? – спросил я его.

– С юга, добрый господин. В нашем королевстве бушует война, и я решил поискать место поспокойней.

– Здесь ты его вряд ли найдешь, – горько усмехнулся я.

Бродяга вновь прошептал себе что-то под нос, на секунду мне показалось, что он говорил на каком-то странном языке.

– Ты что-то сказал?

– Простите, добрый господин! – Старик на всякий случай еще раз поклонился. – Я привык разговаривать сам собой.

Сзади притворно закашлял Глок. Я обернулся и кинул на него вопросительный взгляд, он молча кивнул в сторону Мезамира. Я перевел взгляд на вампира, тот утвердительно качнул головой и указал взглядом в сторону леса.

– Прощай, старик. – Покопавшись в кошельке, я вытащил серебряную монету и кинул ее бродяге. – Постарайся добраться до города раньше, чем стемнеет.

– Спасибо, добрый господин! – Попробовав монету на зуб, в очередной раз поклонился он.

Махнув рукой на прощанье, я вернулся в седло.

– Ты кого-то нашел помимо этого старика? – спросил я Мезамира, когда огонек костра скрылся за поворотом доро-

ги.

Он утвердительно кивнул:

– Еще трое чуть дальше.

– Возможно, это те, кто нам нужен, – задумчиво протянул Глок, поглаживая рукоять полупторного меча, пристегнутого к седлу.

* * *

Подождав, пока принц и его спутники скроются из виду, бродяга поднял лежащий на земле посох и сел обратно на поваленное дерево. Он повертел в руках монету, и на его лице заиграла презрительная усмешка. Ловко подбросив монету в воздух, бродяга поймал ее и крепко сжал в кулаке. Раздалось шипение плавящегося металла, серебряные капли упали на землю. Бродяга еще раз презрительно усмехнулся и прошипел несколько слов на неизвестном языке. Черты лица старика размазались и исчезли. Теперь у костра сидел еще не старый человек в длинном черном одеянии, напоминающем плащ. Простая деревянная палка в его руке изменилась: дерево приобрело странный розоватый оттенок и покрылось затейливой вязью неизвестных символов.

Хрипло каркая, словно ругаясь, из глубины чащи вылетел ворон и уселся на посох темного мага.

– На принца не действуют мои заклинания, – глядя в глаза ворону, проговорил незнакомец. – Это странно.

Ворон зачарованно тряхнул головой.

– Впрочем, им не нужно управлять, – улыбнулся маг. – Достаточно спустить с цепи, а остальное он сделает сам.

Ворон хрипло каркнул, словно соглашаясь с собеседником.

– Теперь, наверное, стоит навестить нашего милейшего высокого лорда? Как думаешь? – спросил маг у ворона.

Тот вновь разразился хриплым карканьем.

– Ладно, тебе пора, – усмехнулся маг, погладив птицу. – У тебя впереди долгая дорога.

Ворон расправил крылья и взлетел. Поднявшись над вершиной деревьев, он направился на юг. Темный маг проводил птицу взглядом.

– Ко мне, тварь! – позвал он куда-то в кусты.

Из леса вышел старик – точно такой, с которым вел беседу Леклис. Он шел, спотыкаясь на каждом шагу и шатаясь будто пьяный. Его движения были похожи на дерганье балаганной куклы, которую неопытный кукловод тянет за веревочки. Лишь глаза старика были живыми: в них застыли ужас и обреченность.

– Ложись здесь! – произнес маг, ткнув посохом в землю рядом с собой.

Обреченный старик кулем повалился на землю.

– На спину, тупая скотина! – Маг сильно пнул в бок упавшее тело. – И раскинь руки.

Дождавшись, пока зачарованный бродяга выполнит его распоряжения, маг снова пробормотал себе что-то под нос.

Из-под земли выползли корни деревьев, похожие на гигантских змей. В один миг они сжали руки и ноги несчастного и надежно пригвоздили к земле. В этот же момент темный маг снял контроль, и с губ старика сорвался крик отчаянья и боли.

– Замолкни, тварь! – брезгливо бросил маг, вычерчивая концом посоха замысловатые руны на земле около него. – Тебя слышу только я.

– Зачем я вам? Что вы хотите со мной сделать? – забился в путах бродяга.

– Прости, старик, – усмехнулся маг, доставая тонкий кинжал с белоснежным костяным лезвием. – Мне нужна твоя жалкая жизнь.

* * *

– Мне не нравится твоя затея, Леклис, – проворчал Глок, продолжая нервно теревить рукоять меча.

– Ты знаешь, что у меня нет выбора, – пожав плечами, ответил я.

– Но те, кого мы ищем, – это отребье!

– Да, – согласился я, – но они обучены и вооружены, к тому же многие из них служили в распущенной ныне армии. А ты ведь знаешь, как мало у меня воинов.

– Можно призвать под свои знамена дворян центральных провинций.

– Разговаривая со своими «верными» подданными, а уж

тем более с вассалами дяди, я хотел бы иметь за своей спиной хотя бы небольшой отряд воинов. Отряд, преданный только мне и никому более.

Я немного придержал Ветра так, чтобы конь Глока смог поравняться с ним.

– Прости, старина, – извинился я, дружески похлопав барона по плечу, – но у меня нет веры в преданность дворянства. Самые преданные остались лежать на том трижды проклятом поле, а тут остался всякий сброд, хоть и имеющий громкие титулы и золотые шпоры. Сейчас они либо грызутся между собой, либо забились в свои норы и ждут развязки. Они не пойдут за мной, пока я слаб, а вылезут из своих нор только тогда, когда начнется дележ трофеев.

Что самое поганое – им достанутся лучшие куски!

Ехавший чуть впереди Мезамир остановил свою вороную кобылу и предостерегающе поднял правую руку.

– Не стоит даже пытаться, – громко проговорил он в сторону густых придорожных кустов. – Твоему другу тоже лучше опустить лук.

– А мне? – раздался позади нас чей-то голос.

Мезамир улыбнулся – даже в сгущавшемся сумраке было видно, как блеснули нечеловечески белоснежные зубы.

– У тебя из оружия только пара ножей: один на поясе, а другой в левом сапоге, – проговорил он не оборачиваясь.

– Верно, прими вас Падший! – усмехнулся кто-то за нашими спинами. – Что вам надо?

– Мы хотим поговорить с Меченым, – проговорил я, тщетно вертя головой по сторонам и пытаясь отыскать собеседника. – Мы союзники.

– Союзники? – В вопросе прозвучало сомнение. – Хорошо, – решил наконец часовой, выходя из тени деревьев. – Следуйте за мной, но идите медленно и держите руки так, чтобы их было видно.

Можно подумать, тебя это спасет...

Мы спешили и, взяв лошадей за уздцы, двинулись в сумрак осеннего леса. Некоторое время молча брели вперед. Становилось все темнее, и мы шли почти вслепую по ведомому лишь нашему проводнику маршруту. Наконец впереди замаячили крошечные красные огоньки костров, пробивающиеся через переплетенные ветви.

Лагерь разбойников представлял собой несколько палаток и тентов, растянутых между деревьями. Вокруг костров расположились около сотни разбойников, в основном полуэльфы. На некоторых были видны остатки форменной амуниции с эмблемами различных подразделений армии Восточного королевства.

Разбойники заметно оживились, увидев в центре своего лагеря трех незнакомцев, некоторые потянулись за оружием.

– Спокойно, – произнес я, миролюбиво разведя руки в разные стороны. – Мы друзья.

– В наше беспокойное время друзья – это непозволительная роскошь, – произнес один из самых мрачных, видимо,

тот, кого я так настойчиво искал. – Кто нам докажет, что вы не шпионы длинноухих?

Я прищурившись посмотрел на него. Он был гораздо старше меня, зеленоватый оттенок кожи выдавал в нем полуорка, правую щеку пересекал длинный бледный шрам. Видимо, ему он и обязан своим прозвищем. Одет он был в грубую стеганую куртку из вареной кожи и теплые шерстяные штаны. На фоне этой простой одежды бросался в глаза дорогой пояс. Да и полоторный меч со спиральным навершием и изогнутыми кпереди «усиками» гарды, лежавший у него на коленях, был выкован из добротной стали. Такие клинки довольно часто выдавались офицерам незнатного происхождения, которые не могли позволить себе сделать меч на заказ.

– Ты ведь был солдатом, верно? – спросил я.

Полуорк лишь пожал плечами:

– Это не важно, незнакомец.

– Дезертир, небось?

– Я же сказал: это не важно! – взорвался он.

Я окинул поляну презрительным взглядом.

– Небось, все вы тут дезертиры!

– Какое тебе дело до этого, чужак?! Кто ты такой, чтобы попрекать нас?! – вскочил со своего места их предводитель-полуорк.

– Я – принц Леклис, и мне есть дело до всего, что происходит на моей земле! – громко заявил я растерянным разбойникам.

Над поляной повисла гнетущая тишина.

– Смешная шутка, чужак, – неуверенно рассмеялся полуорк, оглядываясь на своих товарищей в поисках поддержки. Но те не спешили поддержать своего предводителя. – Даже если и так, то что с того? – нахмутив брови, продолжил он. – Согласно эдикту императора, Восточного королевства больше нет, а его земли переданы Дому восходящего солнца. Так что, – на его лице заиграла усмешка, – кем бы ты раньше ни был, теперь ты никто.

Стоящий по правую руку от меня Глок пробормотал сквозь зубы ругательство и потянул из ножен меч.

– Не стоит, – покачал я головой. – Мы еще не закончили с ними разговаривать.

Клинок капитана стражи пополз обратно в ножны, но взгляд, брошенный Глоком на вожака разбойников, не предвещал тому ничего хорошего.

– Неужели ты хотел найти тут союзников? – покачал головой полуорк. – С нас хватит войны, принц. В этом лесу мы свободны, и нам никто не указ. Я не отдам свою жизнь ради твоего кровавого безумства. Предоставляю героизмовать таким, как ты, – глухо закончил он.

– Свободны? – спросил я с издевкой в голосе. Ярость начала разгораться во мне подобно лесному пожару. – Посмотрите на себя. – Я медленно обвел взглядом лица присутствовавших. Те, на кого падал мой взгляд, спешно опускали головы. – Вы похожи на стаю бездомных собак, которых новые

хозяева пинками выгнали на мороз. Где ваши дома? Где ваши жены и близкие? Сколько вам осталось? Через пару месяцев эльфы подавят восставших орков и займутся вами. Вас переловят, словно крыс, и развешат на деревьях. Есть вещи, от которых нельзя убежать!

На мгновение я остановился, чтобы перевести дух и успокоиться. Меченый хотел мне что-то возразить, но стоящий недалеко Мезамир красноречиво повертел между пальцами пару метательных ножей. Если бы он не сделал этого и вожак разбойников сказал хоть одно слово, я бы снес его пустую голову. Ярость во мне искала выхода, а руки сами тянулись к Химере.

– Буду говорить с вами откровенно, – продолжил я, немного остыв, – мне очень нужны хорошие воины. Вы не хотите воевать, но поймите, что у вас нет выбора! У нас нет выбора! Либо мы выступим все вместе, либо нас перебьют поодиночке. У меня мало союзников, и для меня дорог каждый, кто способен удержать в руках меч. Тех, кто пойдет за мной сейчас, ждет достойная награда после нашей победы. И запомните: свобода стоит того, чтобы за нее драться. Насильно я никого не погоню, если хотите – продолжайте барахтаться в грязи. Помните только одно: ваши дни сочтены, эльфы придут и за вами.

А если не придут эльфы, то вами займусь я.

Закончив речь, я резко развернулся и пошел прочь с поляны. Глок и Мезамир молча последовали за мной. Спустя па-

ру минут за нашими спинами раздался треск сухого валежника, сминаемого десятками ног. Это шел один из первых отрядов моей армии.

Глава 3

Жребий брошен

Наохлившись от холода ворон вольготно расположился перед шатром, над которым развевалось потрепанное знамя с изображением восходящего солнца во все полотнище. Черные бусинки глаз внимательно наблюдали за копошившимися вокруг эльфами, поэтому, когда один из них запустил в него камнем, он успел вспорхнуть с земли. С резким, пронзительным карканьем ворон полетел в сторону присыпанного первым снегом холма, где уже пировали его наглые сородичи, важно расхаживая около раскачивающихся на виселицах мертвецов.

– Ненавижу этих проклятых птиц, – пробормотал Уриэль, бросив на землю второй камень. – Мои постоянные спутники. Иногда мне кажется, что они шпионят за мной.

– Это невозможно, милорд, – улыбнулся его собеседник в свободном черном одеянии, которое так любят маги.

Высокий лорд вернулся в свой шатер, маг последовал за ним.

Обстановка в шатре поражала совершенно не походной роскошью: все вещи были выполнены лучшими мастерами

империи, ткань шатра была задрапирована безумно дорогим эльфийским шелком, а земля скрыта под ворохом пушистых ковров.

Магистр находил такое убранство донельзя глупым и безвкусным, подобная роскошь была бы уместна в королевских покоях, а не в походном лагере. Шатер высокого лорда напоминал ему воронье гнездо: чернокрылые воронки тоже любили набивать свои дома грудой бесполезных блестящих вещей.

Разумеется, свои мысли маг держал при себе.

– Проклятые птицы. Проклятая страна, – едва слышимо пробормотал Уриэль, опускаясь в кресло с вышитым золотом солнцем на спинке. – Знаете, магистр, иногда я начинаю жалеть, что ввязался во все это.

Тот, кого эльф назвал магистром, подошел к столику, на котором слуга Уриэля оставил серебряный кувшин с вином и пару массивных серебряных кубков. Наполнив их, он протянул один высокому лорду.

– Вы устали, милорд, но скоро все это закончится.

– Спротивлению орков скоро будет положен конец, и на этой земле не останется никого, кто посмеет идти против моей воли. Со дня на день должен прибыть отряд с магами, оставленными в столице королевства, и тогда я выжгу эти орочьи гнезда! После меня останется только пепелище в назидание тем, кто посмеет противиться мне.

– Без магов в столице может вспыхнуть восстание.

– Ерунда! – отмахнулся Уриэль. – Гарнизон замка сможет продержаться до моего прихода, и мятежники окажутся между молотом и наковальней.

– Полагаюсь на вашу мудрость, милорд, – скрывая усмешку, поклонился магистр. – Скоро ваши деяния оценят по достоинству.

– Ты прав, маг, – провозгласил Уриэль, осушив свой кубок. – Империя прогнила и готова развалиться на части, и только сильная рука способна вернуть ей былое величие. Но сначала нужно каленым железом выжечь Восточное королевство! – глаза высокого лорда фанатично блеснули. – Тут рождается будущее, и потомки еще будут благодарны мне за это.

– Да, – кивнул маг, бросив взгляд через откинутый входной клапан шатра в сторону пирующего воронья, – тут рождается будущее.

* * *

Из спасительного забытья сна меня вырвала чья-то тихая перепалка.

Последние несколько дней были особенно напряженными – я обзавелся новыми сторонниками, а вместе с ними пришли и новые проблемы. Небольшой двор магической резиденции теперь больше напоминал плац казармы. Капитан Глок с хрипом и руганью тренировал на нем пришедших из леса дезертиров, ставших отрядом моей гвардии. Слу-

хи не обманули: у Меченого была самая большая шайка в окрестностях столицы. Гвардия – наверное, это было слишком громкое название для плохо вооруженного, разношерстного сброда, собранного мной в окрестных лесах. По странной прихоти судьбы большая часть разбойников служила в охранных гарнизонах, которые, по идее, и должны были бороться с разбойничьими шайками.

Первой проблемой стало вооружение. Столичные арсеналы по понятной причине были недоступны. Предложение напасть на один из арсеналов я отменил как неразумное: не стоило привлекать внимание эльфов. Кипучую деятельность в одном из пригородов столицы и так было трудно скрывать.

Купить гору оружия в лавке тоже не представлялось возможным – просто потому, что таких лавок в городе и окрестностях больше не было. Лорд Уриэль был ушастым выродком, но отнюдь не глупцом – одним из первых указов он запретил продажу и производство оружия на землях королевства.

Частично проблему удалось решить с помощью Ховальда, любезно предоставившего в наше распоряжение арсеналы гильдии, но все равно большая часть моих сторонников была вооружена чем попало.

Дел было много, времени на отдых не оставалось совсем. Клорина и Дэя чуть ли не силой заставляли меня делать редкие передышки на еду и сон. Впрочем, удавалось им это плохо. Вот и сейчас они пытались выпроводить зашедшего меня

разбудить Глока.

– Пусть поспит еще немного! – рассерженными кошками шипели они.

– Я выполняю приказ, – оправдывался капитан, медленно отходя к двери: взрывной темперамент девушек был ему прекрасно знаком.

В комнату осторожно заглянул Мезамир, но, благоразумно решив не вмешиваться, вновь скрылся за дверью. Бедный вампир уже, наверное, добрую сотню раз пожалел, что связал себя со мной кровным долгом.

Напряжение последних нескольких дней не прошло для меня даром. Спать хотелось ужасно, вырванных у судьбы четырех часов не хватило, чтобы как следует отдохнуть. Однако надо было спасти капитана, иначе он мог пострадать, причем весьма серьезно, тем более что он действительно выполнял мой приказ.

Сделав несколько резких глубоких вдохов, я встал. Перепалка сразу же затихла.

– Доброе утро, ваше высочество! – Поклонившись, Глок вышел из комнаты, провожаемый недовольными взглядами моих пассий.

Сполоснув лицо и руки холодной водой из большого медного таза, я принялся собираться, одежда и доспехи уже дожидались своего часа на лавке около узкого стрельчатого окна.

– Почему ты всегда носишь этот браслет в виде двух зме-

ек? – Вопрос Клорины застал меня врасплох.

– Раньше ты был равнодушен к украшениям, – поддержала подругу Дэя.

– Я и сейчас равнодушен. А браслет – это подарок... друга.

– И как ее зовут? – усмехнулась Клорина. – Не считай нас наивными дуручками, Леклис, браслет явно женский.

– Эйвилин, – пробормотал я, натягивая кольчугу.

Проклятье Падшему, ненавижу оправдываться!

– Это эльфийское имя, она что – эльфийка?

– Она тебе нравится?

Вопросы посыпались один за другим. И как ты собираешься выпутываться, Леклис?

Мало мне проблем с развалившимся королевством: теперь еще проблемы с личными отношениями.

– Так ты нам все же расскажешь, кто она? – тихо спросила Клорина.

– Я спас ей жизнь в Потерянной долине, она помогла мне выбраться оттуда. Вот и все, мы расстались друзьями.

– Значит, она тебе нравится! – вынесла свой вердикт Дэя.

– Теперь это не имеет значения. – Я ласково обнял обеих девушек.

ПЕРВЫМ УКАЗОМ ПРИДЕТСЯ РАЗРЕШИТЬ МНОГОЖЕНСТВО – ехидно прокомментировал вечный искуситель внутренний голос. Впрочем, мысль была не лишена определенного смысла и очарования.

Однако наступило время заняться неотложными делами.

– Девушки, найдите магистра, пусть он приходит в зал собраний.

Выйдя из покоев, я краем глаза заметил причудливую тень, затаившуюся в тесной нише между двумя колоннами слева от меня.

– Мезамир, – усмехнувшись, окликнул я вампира.

Тот незамедлительно вышел из тени на свет, крайне удивленный тем, что я его заметил.

– Мы тоже кое-что умеем, – подмигнул ему я. – Найди мне лучше Глока и Ховальда.

Коротко кивнув, он ушел выполнять мой приказ. Сам я отправился на задний двор резиденции, где тренировались мои воины. В просторных коридорах замка было тихо. Студенты еще спали, да и не так уж много осталось этих студентов. Пусть спят. Этих неоперенных юнцов уже ждет война, страшнее которой еще не было. Это их судьба.

И не твоя вина, что ты решил это за них.

Вот что я ненавижу в королевской власти: король вынужден использовать в государственных играх живых людей, словно это шахматные фигурки в бесконечной партии борьбы за власть. С этими мрачными мыслями я вошел на плац.

Солдат всегда должен быть занят. Эта простая истина существует столько, сколько существует армия. Именно поэтому Глок столь нещадно гонял бывших дезертиров.

Сейчас, разбившись на пары, они дрались на деревянных

тренировочных мечях, словно зеленые новобранцы. После пары тренировок такие мечи можно было смело пускать на растопку. Жаль, что не удалось достать нормальных тренировочных мечей. Фехтование легкой деревяшкой отличается от фехтования тяжелым клинком.

Капитана, однако, сейчас не было, и всем распоряжался похожий на гнома коренастый коротышка. Наверное, один из свежее испеченных сержантов. Командовал он как-то неуверенно, постоянно косясь в ту сторону, где в тени конюшни сидела мрачная фигура бывшего атамана. Похоже, тот был не слишком доволен своим уходом из леса – приказы капитана Глока он исполнял, но всех остальных просто игнорировал.

Мое появление вызвало заметное оживление в рядах воинов. Переговариваясь, они образовали, круг, я молча проследовал в него: все это было частью заведенного пару дней назад порядка. В конце концов, мне тоже нужно поддерживать свою форму, а все эти военные ритуалы – вещь нужная, но лишь тогда, когда на них есть время. Отдав ножны с Химерой одному из воинов, я взял у другого пару деревянных мечей и встал в центре круга.

– Начали, – тихо скомандовал я, вращая деревянные клинки, разминая затекшие суставы. Сердце стремительно ускоряло свой ритм, готовя тело к схватке.

Интересно! Похоже, они решили попробовать, что-то новое. В круг выступил один из воинов с длинным шестом,

имитирующим копье.

Копье в бою оружие, конечно, эффективное. Его длина дает бойцу возможность достать противника с минимальным риском для себя самого. Не менее эффективно оно при добивании разрозненного противника, однако копейщик все же крайне слаб при отсутствии ближней поддержки. В бою один на один жизненно важно, чтобы у бойца с копьем было что-либо для ближнего боя.

Воин подходит не торопясь. Конец шеста целенаправленно смотрит в мой живот. Начинаем лениво кружить друг против друга, он делает несколько пробных колющих атак.

Пожалуй, не станем затягивать поединок.

Уклонившись от первого и второго ударов, я, отведя третий удар копья в сторону, резко сокращаю дистанцию между нами и достаю нападавшего вторым мечом.

Этот выбыл.

Потирая плечо и ругаясь сквозь зубы, он уходит из круга, сопровождаемый насмешками соратников.

Следующие нападающие начинают атаку сразу, как только первый игрок покинул круг. Теперь их двое, у каждого по деревянному мечу. Нападают с разных сторон и действуют довольно слаженно – видимо, специально готовились. Один пытается связать меня боем, другой пока не лезет в схватку.

План, в общем-то, лишен смысла с самого начала: блокировав меч нападающего, я вывожу его из игры вторым клинком. Развернувшись, встречаю стремительную, но запозда-

люю атаку второго, ловким финтом зацепив его меч в середине, произвожу быстрое вращение. Меч вылетает из его руки и завершает свой путь где-то в земле за кругом. Со стальным мечом подобный финт повернуть довольно сложно.

Добиваю второго, имитируя колющий удар в шею.

Следующими выходят уже трое воинов.

Тут уже приходится приложить всю свою ловкость и искусство. Я петляю по кругу, словно заяц, просто увертываясь от большей части ударов. Наконец один из нападающих слишком увлекся атакой, встав между мной и двумя оставшимися воинами. Не воспользоваться такой промашкой – преступление.

Блокирую его удар левым мечом, провожу колющий удар правым, после чего, подойдя вплотную, толкаю его на оставшихся двоих. Одному из них удастся увернуться, зато второй сталкивается с телом «убитого», и они вместе падают на землю. Добиваю упавшего, пока тот не опомнился, после чего легко расправляюсь с замешкавшимся третьим.

– Все! – Бросаю мечи на землю, останавливая тренировочную схватку. Оставшиеся не у дел воины расходятся для продолжения тренировки.

Отдышавшись, я забрал Химеру и пошел в направлении укрытия Меченого.

– Поговорим? – спросил я, заходя в тень.

Полуорк сидел на голой земле. Впрочем, несмотря на приближение зимы, на территории резиденции было довольно

тепло: маги всегда любили комфорт.

Он кинул на меня мрачный взгляд и вновь уставился в землю перед собой.

Пожав плечами, я присел на корточки рядом с ним.

Некоторое время мы сидели молча.

– Может, ты все-таки представишься? Я не привык общаться с собеседником, называя его собачьей кличкой.

– Куда тебе, бла-а-агородный принц, – презрительно протянул он. – А мое имя... Оно осталось в прошлом. Теперь я Меченый, им и останусь.

– Ты ведь был офицером, как ты дошел до такой жизни?

– Как дошел? – он грязно выругался. – Так и быть, удовлетворю твое любопытство, принц. Мне надоело подчиняться полным выродкам только потому, что они имеют громкие титулы. С шестнадцати лет я верой и правдой служил королю и королевству. К тридцати годам я получил младший офицерский чин – благородные получают его, едва вступив в королевскую армию, чаще всего не имея ни опыта, ни необходимых знаний, а только именитых предков. Но я не жаловался. Нет, не жаловался. И честно тянул свою лямку. Когда пришли эльфы, я был лейтенантом в одной из крепостей на южных рубежах. Мы были готовы сражаться и умереть, но не сдаваться им без боя. Эльфы были в одном переходе от крепости, когда к нам прибыла помощь: старший сын графа одного из близлежащих графств со своей свитой. Наш капитан был славный старик, но так же, как и я, вышел из низов, и

по закону он был вынужден передать командование наследнику благородного рода. На следующую ночь этот графский ублюдок и его люди открыли ворота эльфам.

– Как ты выжил?

– Я со своими людьми был в дальнем дозоре. Когда мы вернулись, нашли только пепелище. Эльфы не оставили в живых никого, а ведь там были не только воины... – Его голос сорвался на хрип.

– Кто вас предал?

Меченый мрачно усмехнулся:

– Теперь это не важно. Предатель ненадолго пережил преданных им. Вот этими руками я свернул ему шею. – Он медленно и с силой сжал пальцы. – Мой отряд подкараулил его при возвращении в отцовское гнездо. Мы перебили всю его свиту, а самого взяли живьем. Умирал он очень медленно, но я жалею, что не могу убить его еще раз.

– Если ты так презираешь благородных, почему ты пошел за мной?

Он кинул мрачный взгляд в сторону отдыхающих воинов:

– Это их выбор. Я здесь только для того, чтобы дать им шанс выжить, если ты их предашь.

– Это не все, – покачал головой я.

– Да, ты прав, – утвердительно качнул головой Меченый. – Я не хочу, чтобы то, что я видел во взятой эльфами крепости, повторилось. Ладно воины, но ведь там были и их семьи. Принц! Что им сделали дети, чтобы их так... – Его го-

лос вновь сорвался на хрип, большие сильные руки сотрясала нервная дрожь. – Они относятся к нам так, словно мы – животные, – продолжил он, взяв себя в руки, – хотя нет, для них мы хуже животных.

В воздухе повисло тягостное молчание. Мы оба погрузились в омут воспоминаний недалекого прошлого.

– Я восстанавливаю тебя в чине лейтенанта и поручаю подготовку этого отряда, – решил я.

– Как просто и по-королевски, – злобно усмехнулся он. – Тебя не интересует, хочу ли я этого? А даже если и хочу, то ты думаешь, что теперь я преисполнюсь к тебе благодарности за этот жест? Я уже давно не сторожевая собака, чтобы радоваться подачке хозяина.

– Думай как хочешь, но теперь ты отвечаешь за этих воинов! – Я поднялся, мышцы все еще приятно гудели, взбодренные прошедшей схваткой. – Вот тебе мой первый приказ: в малом зале собирается Совет, и вы, лейтенант, должны там быть.

– Будет исполнено, – мрачно процедил он сквозь зубы мне в спину.

Уже уходя, я заметил Клорину. Она стояла, прислонившись спиной к мраморной колонне рядом с входом в южное крыло магической резиденции.

– Похоже, ты ему не нравишься, – кивнула она головой в сторону мрачного, словно туча, Меченого.

– Я уже вышел из того возраста, когда хотел быть цен-

тром всеобщего внимания и любви, – пожал я плечами. – Мне нужна лишь его верность. Я дал ему шанс, а как он им распорядится – его дело.

– Магистр уже в малом зале, – сменила она тему разговора.

– Как он?

Девушка грустно покачала головой, отчего плохо уложенная прядь черных, как вороново крыло, волос упала на лицо. Улыбнувшись, я исправляю этот недостаток, напоследок ласково проведя рукой по ее волосам.

– Твое появление вдохнуло в него новые силы, – шепчет она, прижимаясь к моей груди. – И не только в него. Скоро они ему понадобятся. – Клорина прижимает к своей щеке мою ладонь, укрытую толстым слоем кожи защитных перчаток, но девушка не обращает на это внимания.

Откуда-то сбоку раздается покашливание. От неожиданности Клорина стремительно разрывает объятия и возмущенно оглядывается.

К нам подходит смущенный Мезамир. По белоснежной коже его лица гуляет легкий румянец. Надо же! Оказывается, вампира тоже можно смутить. Впрочем, я все время забываю, что Мезамир еще очень юн.

Это не мешает тебе использовать его – а, Леклис? Почему молчит твоя совесть?

– Они собрались, – сообщает он, кинув смущенный взгляд на надувшуюся Клорину.

– Хорошо, я скоро буду. Проследи, чтобы Меченый пришел на Совет.

Немногословный вампир молча кивает и уходит, в его глазах сверкают озорные искорки. Боюсь даже представить, как он будет убеждать бывшего атамана присоединиться к нам.

В сопровождении Клорины направляюсь в сторону своих апартаментов. Пока Мезамир уговаривает Меченого, я успею перехватить легкий завтрак: когда еще выпадет свободная минута?

* * *

Зал был не очень большим. Видимо, до этого маги использовали его для своих собраний. В центре располагался длинный стол, почти все места за которым были заняты. При моем появлении все присутствующие встали. Во главе стола стояло до нелепости огромное кресло, предназначенное для меня. Если кто-то таким образом хотел мне угодить, то ему это не удалось. В гнетущей тишине я подошел к креслу и сел, вслед за мной расселись и остальные участники Совета. Мезамир занял наблюдательную позицию в тени около дверей.

По левую руку от меня расположился Ховальд, напротив него сидел Глок, но теперь он не бросал на извечного противника возмущенных взглядов. Капитан был холоден и собран, как и все за этим столом: все раздоры остались где-то там, за плотно прикрытой деревянной дверью, у которой дежурил Мезамир.

На другом коне стола восседал магистр Тиллит в окружении нескольких магов, среди которых я заметил и Клорину с Дэй.

Последние полгода были явно не лучшими в жизни магистра. Теперь в этом мрачном старике, кутающемся в теплое шерстяное одеяло, с трудом можно было узнать всемогущего первого министра королевства.

Последним из присутствовавших за столом был Меченый – новоявленный лейтенант моей армии.

Вот, пожалуй, и все мои сторонники.

– Все собрались? – Я окинул взглядом собравшихся, чуть задержавшись на Меченом, – тот ответил мне полным ярости взглядом. – Вот и отлично. Я готов выслушать ваши предложения.

Собравшиеся удивленно переглянулись.

– Тогда выслушаем мой план: надо захватить королевский замок.

– Это безумие, сир! – вскочил со своего места Глок, даже в таком раздраженном состоянии не забывающий титуловать меня. – У нас всего шесть сотен! Можно, конечно, рассчитывать на поддержку городской стражи, но ее не так много. Да будь у нас в три раза больше воинов, мы не сумели бы взять стены даже внешнего двора! Не вести же на штурм замка безоружных горожан!

– А с чего ты взял, что я предлагаю его штурмовать? – План уже давно зрел в моей голове, а теперь у меня были

силы для его осуществления.

– Но вы же сами сказали...

– Я сказал «захватить», а не «штурмовать», – поправил я озадаченного капитана. – Ты забыл, что в замок ведет добрая дюжина подземных ходов, и вряд ли эльфы смогли их все обнаружить.

Следующие несколько мгновений я наблюдал редчайшую картину – изумленного капитана Глока.

– Штурмовать замок в лоб бессмысленно! – Меня охватило хмельное возбуждение. – Надо действовать хитростью! Большая часть эльфов располагается во внешнем дворе, в казармах королевской стражи. В самом королевском замке – лишь эльфийский наместник с горсткой сторонников и небольшой охраной.

– И магами, – задумчиво пробормотал Тиллит. – Не забывайте про магов, ваше высочество.

– В замке нет магов! – громко проговорил я. – Три дня назад все маги ушли с отрядом охраны на помощь армии Восходящего солнца, завязшей в приграничных землях.

– Совершенно верно, маги ушли, – подтвердил молчавший до этого Ховальд. – Похоже, они решили покончить с орками одним мощным ударом.

– Значит, нам нужно торопиться: другого шанса взять замок у нас не будет. Замок – это ключ от столицы и центральных провинций. Как только высокий лорд узнает, что столица пала, он бросит сюда все свои войска, – к этому време-

ни мы должны подготовить ему достойный прием. Нападём ночью, главное – незаметно собрать воинов в замке. Я думаю, королевские винные подвалы прекрасно подойдут для этих целей. – Я усмехнулся, вспомнив свою бурную юность. – Дальше нужно тихо снять часовых и перебить эльфов прямо в постелях.

– План настолько безумный, что может сработать. – Глок задумчиво постукивал костяшками пальцев по крышке стола. – Если в замке нет магов, то может получиться.

– Это наш единственный шанс, – согласился Ховальд.

– Магистр, сколько у нас магов? – обратился я к Тиллиту.

– Мало, мой принц. – Он плотнее запахнул теплое одеяло. – Из боевых остался только мессир Мартин, – он кивнул в сторону невысокого толстяка, больше похожего на трактирщика, чем на боевого мага, – да мои ученицы.

– Сколько остальных? – спросил я. – Больше всего нужны будут Воздушные и Огненные.

– Чуть больше десятка, – покачал головой магистр. – Весь преподавательский состав Академии.

– Мало, очень мало...

– Можно использовать учеников старших классов... – тихо проговорил он.

– Хорошо, – закрыв глаза, согласился я.

Не притворяйся, Леклис, ты знал, что он предложит это.

– Осталось обсудить детали, – продолжил я. – Медлить нельзя: к сегодняшней ночи все должно быть готово.

Глава 4

Самая долгая ночь

Мезамир бесшумной тенью появился из-за очередного поворота подземного хода.

– Скоро выход, – сообщил приятную новость вампир.

– Давно пора! – проворчала Дэя, пытаясь избавиться от паутины в волосах. – Эльфы разбегутся от одного нашего вида.

– Надо подождать остальных. Все тихо? – спросил я вампира. – Нас не встречают?

– Несколько крыс, пара пауков, больше никого нет.

– Пауков! – побледнела Дэя.

У всех нас есть маленькие слабости, и, похоже, перспектива встречи с пауками пугала ее больше, чем предстоящая схватка с эльфами.

– Да, леди, – слегка поклонился Мезамир. В его глазах сверкнули столь знакомые мне озорные огоньки. – В этих подземельях полно пауков. Странно, что вы не заметили этого раньше, тем более что один из них довольно давно едет на вашей спине.

Дэя побледнела еще больше и замерла на месте, крепко зажмурив глаза, словно маленькая девочка.

– Сними его, Леклис... – нервно попросила она. – Пожалуйста, сними!

– Все в порядке. – Успокаивая, я прижал девушку к себе. – Не бери в голову, Мезамир всего лишь пошутил.

– Так у меня на спине ничего нет? – все еще не открывая глаз, спросила она.

– Тут вообще нет пауков, – соврал я, осторожно раздавив ногой снятого с нее паразита.

Дэя метнула злобный взгляд в сторону вампира, но тот, почуяв неприятности, уже скрылся во тьме хода: свет ему был не нужен.

– Лучше тебе не попадаться мне на глаза! – прошипела она в темноту, уверенная в том, что вампир ее прекрасно слышит. – Идем за ним.

– Ты думаешь, мы сможем захватить замок втроем? – улыбнулся я не на шутку раззадоренной девушке. – Сумасшедшие затеи – это по моей части, а не по твоей. Подождем остальных.

Долго ждать не пришлось: за нашими спинами раздался шорох множества ног, стены подземелья осветил неровный свет факелов и магических светильников.

– В этих катакомбах, ваше высочество, сам Падший ногу сломит, – пропыхтел мессир Мартин, тяжело дыша и утирая со лба пот. – Долго еще?

– Мы на месте. За поворотом – вход в подвалы. Если все пойдет как надо, мы без особых хлопот возьмем внутренний двор и королевский замок.

В винном подвале было темно и тихо, вдоль стен выстро-

ились огромные пузатые бочки. Впрочем, с нашим появлением стало заметно светлее и оживленней: почти пяти сотням воинов и магов сложно сохранить абсолютную тишину. Кто-то кого-то задел при выходе из узкой двери тайного хода, кому-то отдавили ногу. Подвал наполнился шелестом сотен ног, глухим гулом и тихими переругиваниями.

– Все тут? – Я окинул взглядом собравшиеся воинство. Пять сотен, чуть меньше половины моих воинов. Оставшиеся ждут своего часа во внешнем дворе, с ними Глок и Клорина.

Меченый, шедший последним, хмуро кивнул головой:

– Да, ваше высочество.

– Ждем сигнала Мезамира. Все знают, что надо делать? Держитесь рядом с магами и берегите их как зеницу ока, от этого зависит не только ваша жизнь, но и общий успех. Если эльфы смогут поднять тревогу, то для нас все будет кончено – не спасут и маги.

Королевский замок. Сейчас, наверное, трудно представить, что когда-то вся столица королевства умещалась за этими древними крепостными стенами. А стены помнили многое... Очень многое... Их холодные камни видели рождение Восточного королевства, когда мой далекий предок Леклис, в честь которого меня и назвали, огнем и мечом объединил разобщенных и враждующих полукровок. Они видели мятежи и праздники, королевские свадьбы и похороны. Сколько пота и слез впитали они... Сколько крови... Мол-

чаливые свидетели прошлого, рьяно хранящие свои тайны.

Сегодня им предстояло стать свидетелями еще одного деяния. Интересно, как потомки назовут его? Искусной военной хитростью или подлой расправой? Каким я останусь в истории? Справедливым? Мудрым? А быть может – Кровавым? Впрочем, какая разница? Я сам выбрал путь борьбы и знал, что он означает. Сколько крови прольется, сколько совершится зла, прежде чем восторжествует мир...

А восторжествует ли?

Да и нет у меня другого способа взятия замка.

Площадь перед замковыми воротами кишела людьми, волна за волной выливающимися из узких улочек и переулков. Все они были заняты – заняты только одним: они умирали.

На стене пестрели яркими одеяниями эльфийские лучники, раз за разом обрушивая на бушующую толпу сверкающий ливень смерти.

А в режущей глаза синеве небес кружились черные точки падальщиков.

Нет! Этого не будет! И не важно, проклянут мое имя потом или нет.

– Ты что-то сказал, Леклис? – Шепот Дэи выдернул меня из задумчивого оцепенения: похоже, последнюю фразу я произнес вслух.

– Просто задумался, – честно признался я, оглядываясь

по сторонам.

Воины уже разбились на пять отрядов. Один возьмет ворота, еще два пойдут от них вдоль стен, снимая по пути часовых, и встретятся около королевской конюшни на заднем дворе. Два оставшихся захватят внутренние покои королевского замка. Эльфов должно быть меньше сотни, и все они располагаются в южном крыле. Обо всем этом доложили шпионы Ховальда – слуги нужны и эльфам: не самим же им ухаживать за лошадьми и готовить, а пара золотых монет живо поднимает патриотический настрой и развязывает языки.

Скрипнув, отворилась дверь в подвал. В проеме выросла фигура Мезамира.

На мой вопросительный взгляд он молча кивнул и улыбнулся, оскалив свои белоснежные клыки.

Химера с тихим шелестом выползла из ножен.

* * *

Ирлимару* Шиарену не нравилась сегодняшняя ночь.

##* Ирлимар – звание в армиях эльфийских домов, соответствующее званию капитана у людей или военного вождя у орков.

С каждым днем в городе нарастало недовольство, отсутствие магов могло сказаться на безопасности немногочисленного гарнизона. Случись в городе восстание – он оказал-

ся бы заблокирован в королевском замке.

А если у восставших будут маги?

Мысль была неприятной. Он уже приказал увеличить количество патрулей: под прикрытием магии враги могли подойти к самым воротам, прежде чем их заметят. Да и ворота, несмотря на то что к их созданию приложили руки гномы, не смогли бы долго сопротивляться враждебным заклинаниям.

Спать не хотелось, и он, повинувшись старой привычке, решил лично обойти посты.

Десяток стражников молчаливо топал за хмурым командиром. Лишь эхо их шагов нарушало сонное величие королевского замка.

Неожиданно стало необычайно тихо. Казалось, время остановилось в зале, куда они вошли. Проверенное временем чутье просто взвыло об опасности – ирлимар выхватил из ножен меч, но тут словно из воздуха выросли десятки вооруженных воинов. Он успел принять на острие одного, но чей-то кинжал сразу же пробил бок, и ирлимар упал на паркет, обливаясь кровью. Рядом с ним один за другим гибли его стражники, так и не успевшие изготовиться к бою.

– Невидимость и вуаль тишины! – прохрипел он, слишком поздно найдя разгадку.

Звуки уже вернулись, вокруг молча пыхтели и суетились нападавшие, добивая раненых и обыскивая мертвецов.

– Ты прав, эльф! – Остатками сознания ирлимар понял, что обращаются к нему и, с трудом разлепив глаза, постарал-

ся разглядеть говорившего, но затуманенный взор различал только размазанные тени.

– Не мучай. Добей... – Слова дались с трудом и отозвались мучительной болью по всему телу.

Тень перед глазами сделала какое-то движение, и острие меча проткнуло грудь. Он еще успел заметить голову дракона на навершии.

Потом был свет...

* * *

Горящие свечи роняли капли расплавленного воска на холодный каменный пол подземелья, но их света явно не хватало, чтобы осветить зал, погруженный во мрак.

На холодной мраморной плите в центре зала бился в путах скованный цепями орк. Мышцы его вздулись от напряжения в тщетной попытке вырваться из смертоносных оков, но все было напрасно. Из заткнутого кляпом рта доносились невнятные стоны и хрип. Глаза орка с ужасом наблюдали за медленно подходящей, словно плывущей над полом, фигурой, укутанной в темное одеяние. Изящная рука вынырнула из складок одежды и осторожно, даже ласково, утерла пот со лба пленника. От этого он забился в путах еще сильнее. На небольшую подставку рядом с пленником легла книга в черном кожаном переплете с гравированными позолоченными вставками на углах.

Эхо загуляло по стенам зала, играя словами затерянного

во времени ритуала.

В свете свечей в руке фигуры блеснул кинжал и серебряной молнией пробил сердце жертвы.

Пленник дернулся в пугах и затих.

Следующая фигура, возникшая в пятне света, показалась ей странно знакомой.

Мужчина-полукровка, в котором причудливо переплелись черты всех известных светлых рас. В его длинных черных волосах уже сверкали тонкие серебряные нити седины. Над левым глазом виднелся шрам от застарелой раны.

«Леклис?!» – прошептала Эйвилин...

И проснулась.

Открыв глаза, она еще долго лежала, вспоминая детали сна.

Сна или видения?

Этот вопрос долгое время не давал ей покоя.

Два дня назад она вернулась в столицу вместе с отцом и матерью.

С приближением зимы война в Горном королевстве стала затихать. Через усыпанные снегом перевалы было трудно провести армию, не растеряв ее боеспособности. С наступлением весны схватки возобновятся, а пока стороны зализывали раны. Впрочем, гоблинов вытеснили уже к самым границам горной страны, хотя в их руках оставались все приграничные крепости. Головная боль гномов – эти крепости

они строили для себя и строили на совесть, и вернуть их без обильной кровавой платы будет очень сложно.

Эйвилин поднялась со своего ложа: за окном еще было темно, ночь не спешила уступать свои владения дню.

Спать больше не хотелось, поэтому девушка решила взять пару книг в библиотеке.

Закутавшись в теплый халат, она осторожно спустилась по ступенькам на первый этаж виллы. Магический светлячок, зависший над левым плечом, освещал ей путь.

Неожиданно ее внимание привлек мерцающий красный огонек на веранде, – заинтересованная девушка направилась к нему.

Подойдя ближе, она увидела могучего белобородого гнома, задумчиво пускающего табачный дым из изогнутой трубки. Несмотря на очень позднее время, он был одет по-походному: тяжелая кольчуга, спускающаяся почти до колен, крепкие кожаные сапоги, укрепленные железными вставками. Для полноты картины не хватало только щита и шлема.

Десяток гномов приехал в столицу по приглашению Артиса – это были его старые боевые друзья еще со времен войны с драконитами. Как раз на нее отправил император старшего сына, не на шутку увлеченного Весминой. Злые языки утверждали, что именно из-за их романа эта война и началась. Впрочем, своей цели он не достиг: вернувшийся принц так и не оправдал чаяний венценосного отца.

Эйвилин осторожно откашлялась.

Гном удивленно обернулся:

– Мое почтение, светлая леди, – вежливо поприветствовал он дочь хозяина. – Надеюсь, я не помешал вашему отдыху. Просто мне не хотелось спать, вот я и решил немного прогуляться.

– Не извиняйтесь, мне самой плохо спалось, и я также решила пройтись, – проговорила Эйвилин, встав рядом с ним.

Некоторое время она наслаждалась ночной тишиной, нарушаемой лишь сопением курящего гнома.

Ночь была необычайно красива: облаков не было, и весь небосвод усеян яркой россыпью мерцающих звезд. Было тихо, и казалось, что уснул даже ветер.

– Вы хоть иногда расстаетесь со своими доспехами и оружием? – прервала она затянувшееся молчание, с интересом разглядывая оружие гнома – грозного вида секиру, мирно стоявшую около стены. Любовь гномов-воинов к своему оружию давно стала причиной для множества скабресных шуток и сплетен.

– Очень редко, леди Эйвилин, – усмехнулся гном. – Для мужчин броня – это как вторая кожа. Даже ваш отец редко снимает легкую кольчугу.

– Но не спит же он в ней? – удивилась девушка, оглядев гнома.

– Так вот вы о чем, – догадался тот, проследив за ее взглядом. – Спешу вас разочаровать, леди: я еще не ложился. Мы с вашим отцом допоздна засиделись в малом зале. Нам бы-

ло о чем поговорить. Мы сидели бы, наверное, до утра, но тут вмешалась ваша матушка – леди Весмина. У вашего отца завтра непростой день: император изучил его доклад и требует к себе. – Гном презрительно скривил губы.

– Вы не любите моего дядю?

Гном зло сплюнул в ночную темноту.

– Простите, леди, – извинился он. – Ваш дядя слишком слаб для правителя. Ваш досточтимый дедушка сделал большую ошибку, лишив старшего сына трона. А все из-за ваших сумасшедших законов и знаменитого эльфийского упрямства, почему-то упорно называемого гордостью.

– А чем плохи наши законы?

– Эти ваши старшие дома, младшие дома. Перейти из старшего дома в младший довольно легко, а перейти из младшего в старший – практически невозможно.

– У людей и полукровок так же. Пусть у них нет так называемых домов, но ведь не может у них крестьянин сделаться королем!

– Так же, да не так. Хороший воин вполне может получить дворянство, и это понятно: они постоянно воюют. А у вас когда последний раз принимали из младшего дома в старший? Не трудитесь, все равно не вспомните! Ваша матушка, даже выйдя замуж за вашего отца, осталась в младшем доме. Теперь вы, леди, хоть и принадлежите к правящему дому, не можете претендовать на корону, пока не выйдете замуж за представителя одного из старших домов.

– Я это знаю лучше вас, – хмуро кивнула головой Эйвилин. – Пусть убираются к Падшему, мне не нужна корона, а выходить замуж я буду по любви, и не важно, кем будет мой избранник.

– Помогите вам творец, леди. Те старшие, кого я знаю, – просто спесивые уб... Кхм... – кашлянул на полуслове гном, – зазнайки. Ваш отец – редкое исключение. А ведь вся их заслуга только в том, что их предки были великими магами эльфов.

– Странно слышать это от гнома. Вы же ревностно храните память своих героев!

– Но мы не делаем героев из их потомков, если они того не достойны. Кузнец у нас может сделаться главой клана, а его сын, в свою очередь, снова будет кузнецом или простым воином. Да и само звание старейшины не дает каких-либо привилегий, а лишь накладывает громадную ответственность.

– А доступ в знаменитые сокровищницы гномов?

– Любой гном может попасть в сокровищницу, это не запрещено: богатства принадлежат всему подгорному народу.

– То есть любой гном может прийти туда когда угодно и забрать золото или понравившуюся вещь? – изумилась Эйвилин.

– Разумеется, нет. – Гном выпустил в небо очередную струйку табачного дыма. – Можно просто прийти и посмотреть. Взять что-то из сокровищницы можно только с разрешения старейшин.

– Не понимаю: если любой может войти в сокровищницу, то что ему мешает унести монету-другую? Не будете же вы пересчитывать все свои богатства после каждого прихода посетителей!

– У нас свои секреты, леди, – хитро усмехнулся гном. – Мы не обладаем магией в вашем понимании, но кое-что все-таки умеем. Иначе нас бы уже растоптали более развитые в магическом плане расы. Из сокровищницы невозможно что-либо незаметно вынести, не поставив на уши всю ее охрану.

– А были попытки?

Гном нахмурил брови и некоторое время молчал:

– Да, были. Правда, всего несколько. Да и как не быть? Гномы ведь тоже разные бывают, но отступников ждет только одно.

– Смерть?

– Есть вещи хуже смерти, леди. Бесчестие и изгнание не только отступника, но и всей его семьи. Грехи отцов ложатся на детей.

– Неужели любой гном может стать старейшиной или королем? – сменила тему Эйвилин.

– Ограничения, конечно, есть. Во-первых, старейшиной не может стать гном, не разменявший девятый десяток лет, и это естественно: с годами приходит опыт.

– Или старческий маразм...

– Это тоже случается, – весело хохотнул гном в ответ. – Во-вторых, кандидат должен быть богатым, и богат-

ство должно быть накоплено им самим, а не получено в наследство. Исключение делается только для воинов, – он грустно усмехнулся, – среди них редко бывают богачи.

– Вот тебе и равенство! – Эйвилин скептически выгнула левую бровь. – А если он был из зажиточного рода?

– Если бы вы знали, какие у нас налоги на наследство, вы бы не задали этого вопроса, – хитро усмехнулся ее собеседник.

– А какой смысл постоянно собирать богатства, если после смерти детям ничего не останется?

– Ну, кое-что все же остается. Да и не ценится у нас богатство, полученное в наследство. Уважение и признание не покупаются за деньги.

– И вы считаете наши законы сумасшедшими! – покачала головой девушка.

Гном негромко рассмеялся:

– Возможно, я слишком предвзят, но ваши порядки... Они остались у вас еще с тех времен, когда эльфы жили в Западных лесах. Раньше считалось, что в старших домах лучше передаются магические способности, но теперь совершенно ясно, что это неправда. Рано или поздно вам придется изменить существующее положение дел, и я не завидую тому, кто решится на этот шаг. – Неожиданно он зевнул, прикрыв рот огромной мозолистой ладонью. – Пожалуй, самое время немного отдохнуть. Доброй ночи, светлая леди.

Гном развернулся и пошел к выходу с веранды, громыхая

подкованными сапогами.

– Подождите! – окликнула его девушка. – Как вас зовут? Я помню, отец представлял вас, но я не запомнила.

– Бальдор Белобород – к вашим услугам, леди! – Гном с достоинством поклонился и направился в свои покои.

Постояв еще немного, Эйвилин отправилась в библиотеку.

Библиотека занимала почти всю южную часть западного крыла виллы, но пользовались ею довольно редко. Да и сама вилла, несмотря на свою запредельную стоимость, довольно часто пустовала. Лишь молчаливые слуги поддерживали порядок в пустых комнатах, тщетно ожидающих своих хозяев. После свадьбы семейная чета редко бывала в столице – в основном из-за ссоры Артиса со всесильным отцом, так и не простившим старшего сына. После гибели императора Элберта VI от глупого несчастного случая на охоте лиственную корону получил младший брат Артиса, принявший после коронации, согласно традиции, имя Элберт.

Библиотека встретила Эйвилин пугающей тишиной. Огромные стеллажи с книгами прятались друг за другом, образуя настоящий лабиринт. Тут были книги разных эпох и разных направлений: сочинения эльфийских мыслителей и трактаты о военном искусстве орков, книги по магии, медицине, истории. Пожалуй, лишь библиотека столичного университета могла похвастаться более богатым собранием.

подавив в себе желание запустить еще три-четыре свет-

лячка, девушка подошла к небольшому столу рядом со входом и простеньким заклинанием разожгла десяток свечей в серебряных подсвечниках. Она еще слишком плохо контролировала свой дар, и поддержание трех светлячков разом быстро бы измотало ее силы – что уж говорить о более серьезных заклинаниях.

Девушка остановилась перед книжным лабиринтом. В свете свечей обстановка погруженной во тьму библиотеки показалась ей еще более мрачной и пугающей. Как назло, книги по магии находились в самом дальнем углу. Подумав немного, она не удержалась и щелчком пальцев вызвала еще один светящийся шарик, заставив его зависнуть над правым плечом. После чего без труда добралась до огромного стеллажа с собранием – одним из самых полных в Империи – магических книг. Правда, многие знания, столь тщательно сохранные, уже не представляли никакой практической ценности. За века своего существования магия не стояла на месте, а динамически развивалась. Строились и рушились теории, низвергались, казалось бы, фундаментальные основы, а на их месте вырастали новые. Существующая стабильность утвердилась чуть более шести столетий назад, да и то для этого понадобились две кровопролитные войны.

Не найдя ничего интересного на нижних полках, девушка обратила свой взор на верхние – правда, до них еще предстояло добраться. Можно было, конечно, вытаскивать книги наугад с помощью магии, но на это пришлось бы потратить от-

нюдь не бездонные магические силы. Тратилась манна мгновенно, а вот восстанавливалась довольно долго. Многие боевые маги после двух-трех крупных сражений пару месяцев не могли пользоваться своим даром.

Немного поискав, она нашла меж стеллажей небольшую подвижную лестницу, с помощью которой и получила доступ к интересующим ее полкам. Книги вверху оказались довольно интересными и менее старыми, чем представленные ниже. Хотя и тут была парочка совсем уж древних фолиантов, не представляющих уже никакой магической ценности.

Выбрав парочку книг и присмотрев еще несколько книжек на будущее, Эйвилин собиралась спускаться вниз, но тут ее внимание привлекла самая крайняя книга на верхней полке. В черном переплете из кожи, похожей на змеиную, она выглядела очень необычно.

Заинтересованная Эйвилин вытащила ее и тут же едва не уронила.

Черный переплет, позолоченные треугольные вставки, покрытые затейливой вязью гравировки...

Книга из сна.

* * *

В комнате царил страшный беспорядок. Даже после достопамятной вечеринки с Клориной и Дэйей такого не было: видимо, эльфы не раз ее обыскивали. Под ногами что-то прошелестело, я посмотрел вниз. Из-под носка сапога выглядыва-

вал лист бумаги, покрытый пылью.

Убрав ногу, я наклонился и поднял его. В глаза бросились строчки написанного мной лет в шестнадцать стихотворения.

А мир не для нас, наше дело – война.

Походы, набег, осады...

Горький смешок сорвался с моих губ.

Воистину: бойся исполнения своей мечты. Я мечтал прославиться на полях сражений и жалел, что нет войн, а теперь вся моя жизнь – одно непрекращающееся сражение за выживание. Сначала только мое, а теперь еще и всего королевства...

Как ни странно, все прошло так, как и планировалось. Сначала мы захватили внутренний двор и королевский замок. Это было нетрудно: тут была сотня эльфов, не больше.

Потом был захват внутреннего двора. Вот тут-то и пришлось повозиться. Там помимо многочисленных складов, конюшни и арсенала находились три казармы, в которых раньше размещалась королевская гвардия. Первые две казармы удалось уничтожить без особых хлопот: тихо убираем бодрствующую стражу, а дальше работают маги – их некому сдерживать. Большинство эльфов были усыплены и безжалостно перерезаны в собственных постелях.

Пленных я приказал не брать. Да и как их возьмешь, ес-

ли эльфийских воинов больше впятеро? Мы резали их, словно свиней на бойне. Многие из наших выходили из залитых кровью казарм с безумным взглядом и трясущимися руками. Я понимал их. Одно дело, когда убиваешь в схватке, и совсем другое – когда режешь не способного сопротивляться. Это работа палача, а не воина. Но выбора у меня не было.

Пресловутая честь правителя – ты можешь пойти на любую подлость ради блага собственного народа.

Впрочем, избиение эльфов продолжалось не столь долго, как мне представлялось. Воины и маги устали. А у последней казармы нас встретили стрелы.

Эльфийские лучники...

Сколько про них уже рассказано, сколько еще расскажут! Эльфы считались великими стрелками, и это была заслуженная слава.

Стрелы, вынырнувшие из узких окон, собрали богатый урожай, прежде чем мы смогли найти укрытие. Любой шорох, любое движение вызывало смертоносный ливень. Но в этот раз удача была на нашей стороне. Запертые в казарме, эльфы не могли стрелять навесом, да и окон в здании было не так много. Подсуетившиеся маги сразу соорудили заклинание Щита, и мы без труда прошли к самым стенам. Потом была долгая кровопролитная схватка в узких коридорах. Эльфы не сдавались в плен, да никто и не стремился их брать. К тому времени, когда первые лучи солнца выглянули из-за горизонта, все было кончено. Пятитысячный эльфий-

ский гарнизон перестал существовать.

С высокого шпиля Королевской башни замка соскользнуло зеленое знамя с восходящим солнцем: ему на смену пришло черное знамя со вздыбленной химерой.

Глава 5

Мелкая ставка

Десять лет жизни за сутки спокойного сна!

С трудом сдираю с себя дорогой, но жутко неудобный костюм. Несколько пуговиц, не выдержав моего яростного напора, отрываются и улетают куда-то в сторону.

К Падшему раздеваться! Не снимая сапог, заваливаюсь на такую манящую кровать и, обхватив руками мягкую подушку, закрываю глаза.

Ночь и последовавший за ней день вымотали меня до предела, – даже на стенах Железного холма я так не уставал. Пришлось показаться на глаза моему «возлюбленному» народу. В городе праздник – а как же: пришел наследник престола и освободил их от эльфов! Сегодня они ликуют, а через пару дней будут меня проклинать. А еще через две недели будут так же ликовать, приветствуя высокого лорда. Или не будут?

А катись все к Падшему! Спать!

Тихий стук в дверь мгновенно разбудил меня. Сейчас я кого-то убью! С трудом разлепив глаза, вижу вошедшего

Глока.

- Окрестные бароны собрались, мой принц, и ждут вас.
- Они ведь должны были прибыть только к вечеру!
- Уже вечер, сир.

Я посмотрел в окна: за ними уже всю властвовали сумерки. А мне казалось, я только лег. Пробормотав проклятье, принимаюсь одеваться. Издать, что ли, указ, приравнивающий попытку меня разбудить к государственной измене? Глок услужливо протянул мне найденную в сокровищнице корону принца. Хотя это даже не корона, а просто тонкий серебряный обруч. Мы с Ольденом всегда носили такие на официальных мероприятиях, если, конечно, нам не удалось их избежать. Поморщившись, надеваю ее на голову.

Ненавижу ритуалы!

Подавив зевок, выхожу из покоев и направляюсь в тронный зал, за мной следом топает четверка стражников во главе с Глоком. Коридоры дворца пугающе пустынные, лишь в одном из залов несколько слуг смывают кровавые следы – напоминание о прошедшей схватке. Наконец показываются знакомые двери тронного зала, около них каменными изваяниями застыла пара стражников в начищенных до блеска кирасах с выгравированной химерой. Замковые арсеналы были в моей полной власти, и мои воины получили лучшее, что там было, перестав выглядеть как банда разбойничьего сброда.

Стражники распахнули двери, я прошел в тронный зал.

Тут мало что изменилось за время моего отсутствия. На стенах все так же пылятся старые знамена и потускневшие от времени гобелены. На ступенчатом возвышении стоит трон. Тяжело вздохнув, направляюсь прямо к нему. Эхо, рожденное звуками моих шагов, вносит в атмосферу пустынного зала каплю какой-то мрачной торжественности.

Король умер, да здравствует король!

Немного поколебавшись, сажусь на трон.

Привыкай, Леклис. Теперь это твой трон.

Дело за малым – удержаться на нем. Ирония судьбы: я с удовольствием готов избавиться от того, о чем многие мечтают всю свою жизнь.

Леклис Великий оставил своим потомкам беспокойное наследство. Восточное королевство далеко не так едино, как может показаться на первый взгляд. Оно напоминает слоеный пирог. Правят балом три герцогства, населенные в основном потомками от смешанных браков людей и эльфов. Герцогства занимают добрую половину земель королевства. Они связаны присягой на верность королю, но кто в наши смутные времена помнит о старых клятвах?

Обширные территории на границе с драконами занимают остатки некогда многочисленных орков. Прошло то время, когда дикие зеленокожие орды нагоняли ужас на жителей земель изученного мира. Орки были слишком воинственны и успели рассориться со всеми светлыми расами. За это и заплатились. Эльфы и люди однажды прекратили взаимные

свары, решив совместно избавиться от беспокойных соседей, и это им почти удалось. Орки были разбиты, а их земли захвачены победителями. Остатки некогда многочисленной расы отступали до самых границ с драконами, но когда отступать стало некуда, они встали насмерть и сталью отстояли право на свое существование. Восстановить былое величие оркам не удалось, но их воинственный дух остался не сломленным. Веками приграничье поставляло лучших наемников в армии владык людей, да и гномов. Даже эльфы не брезговали прекрасно выученной оркской пехотой.

Остальные полукровки проживали в центральной провинции, являющейся королевским доменом. Правда, такие, как я, даже тут были большой редкостью. Полукровки тоже не слишком дружат между собой. Потомки эльфов и людей недолюбливают орков, те отвечают им взаимностью. Сильная королевская власть и постоянные внешние угрозы вынуждали их сотрудничать, но теперь все переменялось. Надежды на герцогства и их властителей очень мало. Возможно, эльфы уже купили их со всеми потрохами – слишком уж тихо они себя ведут. Ведь, выступив совместно, они могли смести эльфов и утвердить на королевском троне новую династию. Хотя, возможно, они просто не смогли поделить королевскую корону.

Пока не смогли поделить...

Ничего, прорвемся! Сначала надо разобраться с войском эльфов и вытащить остатки орков из капкана. Если это удаст-

ся, то пики орков обеспечат мне сохранность трона, а если нет... да простят меня мои предки!

– Пригласи их, Глок, – кивнул я капитану.

Он коротко поклонился и пару раз хлопнул в ладоши. На противоположном конце зала стражники открыли тяжелые парадные двери. В тронный зал чинно проследовал десяток различных полукровок – бароны центральных провинций. Пожалуй, самая надежная часть дворян королевства.

Некоторых из вошедших я знаю, некоторых вижу впервые. У многих из них тот проклятый поход унес отцов, сыновей, братьев. Потом по их землям прошли эльфы.

Теперь они жаждут отомстить, и я дам им такую возможность.

* * *

Я рассматривал расстеленную на столе карту королевства. Итак, что мы имеем, Леклис?

Армия эльфов бьется о стены двух оркских городов. Нетрудно понять, что сделает Уриэль, узнав, что столица в моих руках. У нас с высоким лордом одна, но пламенная страсть – обоюдная ненависть друг к другу. Даю руку на отсечение – через полторы-две недели он будет под стенами столицы.

Смогу ли я собрать к его приходу равную по силе армию?

Нет! Несмотря на то, что бароны обещали мне свою полную поддержку.

Бароны, остатки королевской армии, ополчение. Тысяч двадцать наберется, но из них только треть профессиональные воины. Мало, слишком мало. Еще пятьсот лет назад подобная армия считалась бы крупной, а теперь нужно в три раза больше сил, чтобы противостоять полнокровной армии эльфийского дома.

В кабинет неслышно проскользнули две женские фигуры. Правда, я отдавал приказ стражникам никого не пускать, но не думаю, что существует на свете силы, способные остановить эту бешеную парочку.

– Ты с ума сошел, Леклис! Тебе просто необходим отдых! – Похоже, Клорина испытывала жуткое желание запустить в меня чем-то тяжелым. На мое счастье, я не снимал амулета драконов, а он защищал меня от любой магии. Или от любых предметов, брошенных с помощью этой самой магии в мою драгоценную особу. Что не могло не радовать. Имей девушки возможность, они бы насильно усыпили меня. Порой забота обо мне переходила у них все разумные да и, пожалуй, неразумные пределы тоже.

– Чуть позже, – покачал я головой.

– Может, хотя бы поешь? – спросила Дэя, тяжело вздохнув.

– Хорошо, позови кого-нибудь из слуг, – легко согласился я, решив не расстраивать девушек.

– Посмотри в окно, Леклис! Ночь на дворе, а слугам тоже надо спать. Во всем городе не спят только стражники да один

полоумный принц с парой советников.

– Это кто же? – искренне удивился я.

– За твоими дверьми препираются Глок и Ховальд.

– Глок понятно, а что там делает Ховальд?

– Спорит с капитаном твоих стражников, – пожалала плечами Клорина. – Ладно, что бы ты без нас делал, мы найдем тебе перекусить.

Девушки ушли, оставив меня наедине с собственными мыслями. Вновь склонившись над картой, я погрузился в раздумья. Отсидеться за стенами столицы? Нет.

Это не Железный холм с тройным кольцом стен, вырастающих из скал. В столице помимо замка – одно кольцо не слишком высоких стен с редкими обветшавшими башнями. Стены давно нуждаются в ремонте, да и город уже вырос из них. Дядя задумывал начать постройку нового кольца укреплений – война помешала. Если закрепляться в столице, то треть города придется уничтожить.

Отличное начало правления! Подобное решение выльется в бунт, а только его мне и не хватает для полного счастья.

Будь армия дома вполовину меньше...

Мой взгляд замер на большой провинции совсем рядом с приграничными землями.

Ну, конечно! Герцогство Табас совсем рядом с приграничем! Если оно выступит на моей стороне... Впрочем, мне и не нужно, чтобы оно выступило: достаточно убедить в этом эльфов.

Я стремительно проследовал к письменному столу и быстро набросал на листе пергамента послание, скрепив его королевской печатью.

Теперь мне нужен гонец, и я знаю, кто мне его найдет.

– Глок!

– Я здесь! – Старый капитан возник в кабинете мгновенно, словно прошел сквозь стену.

– Пригласи Ховальда.

– Слушаюсь, ваше высочество!

Я поморщился: капитан был моим наставником с малых лет, у меня сводило скулы от его постоянных «сиров» и «ваших высочеств».

– Я здесь, сир. – В дверном проеме возникла фигура Ховальда.

– Присаживайся, – кивнул я в сторону одного из кресел.

Долго уговаривать главу гильдии не пришлось.

– Скажи, в твоей гильдии есть кто-то, кто тебе мешает? – поинтересовался я, опускаясь в кресло напротив него.

– Не понимаю, ваше высочество.

– Я спрашиваю, есть у тебя в гильдии тот, от кого ты не прочь избавиться?

Ховальд кинул на меня задумчивый взгляд:

– Зачем вам это, мой король?

– Мне нужен гонец! – Слово «гонец» далось с трудом. – Хочу напомнить герцогу Табаса о присяге на верность и потребовать помощи.

– Он не пойдет за вами, – все еще не понимая, покачал головой Ховальд. – Мои шпионы докладывают, что он договорился с эльфами, выторговав себе часть земель орков в обмен на свое бездействие.

– А если я предложу ему одну из центральных провинций и должность первого министра?

Глава гильдии задумчиво почесал лоб, взвешивая все «за» и «против» такого предложения.

– От столь жирного куска трудно будет отказаться, – осторожно заметил он. – Есть одно «но»: его земли находятся рядом с приграничем, а там эльфийская армия. Узнай они... – На пару мгновений Ховальд замолчал, на его губах заиграла улыбка понимания. – Пожалуй, у меня есть тот, кто нужен вам и уже не нужен мне.

– Мы поняли друг друга? – спросил я, протягивая ему запечатанный королевской печатью свиток.

– Да, сир! – Послание перешло из моих рук в руки главы гильдии. – Вы можете рассчитывать на меня! Я пошлю своего лучшего агента. Правда, путешествие по королевству сейчас не безопасно: разбойники на дорогах совсем распоясались.

– Надеюсь, гонец избежит столь нежелательных встреч?

– Не беспокойтесь, сир, он умрет, но доставит послание по назначению! – заявил он с непоколебимым апломбом.

– Очень на это рассчитываю. – Вяло машу рукой, показывая, что аудиенция закончена.

Ховальд покинул кабинет. У самого входа замечаю притаившихся девушек. Дэя держит в руках корзинку, наполненную фруктами, Клорина – кувшин с вином.

– Вы все слышали?

– Достаточно, чтобы понять, – кивнула Дэя.

– И что вы думаете обо всем этом и обо мне?

– А что мы должны думать?

– Ну, я не знаю: что я негодай, обрекающий неизвестного гонца на верную смерть.

– Ты слишком строг к себе, Леклис, – покачала черноволосой головой Клорина.

– Я такой, какой есть.

– Это мне в тебе и нравится, Леклис, – улыбнулась Дэя – ты добрый и мягкий, но, если нужно, ты становишься крепче стального бруска.

– Добрый и мягкий, – горько усмехаюсь я. – После вчерашней ночи моим именем будут пугать детей по всей империи!

Между тем Клорина проворно наполнила бокал вином и протянула его мне, я машинально осушил его.

Девушки торжествующе переглянулись.

Вот ведь хитрые бестии!

– Что там было? – спросил я, догадываясь, каким будет ответ.

На тело уже навалилась страшная усталость. Веки потяжелели, не осталось ни сил, ни желания держать глаза откры-

ТЫМИ.

– Шепотка «сонной травы» дает поразительный результат, – злорадно ухмыльнулась Клорина. – Спокойных снов, Леклис.

– Спасибо, – поблагодарил я, прежде чем мои глаза сомкнулись.

* * *

За сервированным столом гномы чувствовали себя явно неудобно. Репутация хозяйки дома не позволяла им избежать банкета в свою честь. Хотя очень хотелось!

Нет, гномы любили хорошо поесть, но банкет по эльфийским правилам представлялся им разновидностью какой-то особо мучительной пытки. Все дело было в бесчисленном количестве столовых приборов – вилок, ложек и ножей разной величины, которыми требовалось поглощать приготовленные блюда.

– Спасайте, леди! – Шепот Бальдора застал Эйвилин врасплох. Гном был не на шутку встревожен. – Мы не знакомы с вашим этикетом и совершенно теряемся в хитросплетении столовых приборов.

– А чего тут сложного? – удивилась Эйвилин. – Столовый нож и вилка, две рыбные вилки, вилка для закусок, ложка для... – Девушка осеклась на полуслове, увидев неподдельную панику в глазах гнома. – А почему мой отец вам не помог?

– Ваш отец сказал: «Это будет весело», – и умыл руки, – хмыкнул гном. – А нам так не хочется расстраивать вашу почтенную матушку!

– Что от меня требуется? – Эйвилин вспомнила, сколько сил приложила Весмина для устройства этого обеда.

– Подсказывайте мне, для чего нужен тот или иной прибор и какое блюдо им есть.

– А остальные гномы?

– Остальные будут повторять все за мной.

Только сейчас Эйвилин увидела, что взоры всех сидящих за столом гномов направлены в их сторону.

– Хорошо, так и сделаем.

Обед прошел лучше, чем она предполагала. Она тихо подсказывала Бальдору назначение тех или иных приборов и едва сдерживала смех, видя, с каким усердием остальные гномы копируют его действия, движения, а порой и выражение лица. Надо отдать гномам должное: получалось у них весьма неплохо.

– Для чего нужна эта ложка? – спросил Бальдор, вертя маленькую серебряную ложечку, которая просто терялась меж его пальцев.

– Для десерта.

– Я говорил – у эльфов сумасшедшие обычаи. Только вы могли придумать добрую дюжину нелепых столовых приборов. Руками, что ли, нельзя поесть? – проворчал гном.

Эйвилин тихо рассмеялась.

– Теперь я понимаю, почему манеры моего отца считают эксцентричными. Он слишком много времени провел среди гномов.

– Эх, леди, видели бы вы его двадцать лет назад. В то время мы славно сражались с драконитами. Мне тогда как раз пятый десяток исполнился – самый расцвет сил. Сутками напролет могли рубиться. А потом еще пару суток праздновать победу. Да, славные были времена! – вздохнул гном.

Наконец обед закончился, и все стали расходиться.

– Спасибо, светлая леди, – учтиво поклонился Бальдор и утер вспотевший лоб.

– А, вот вы где? – К беседующей парочке подошел Артис. – Поздравляю, Бальдор, за обедом тебе удалось меня удивить. Не понимаю только, зачем ты просил меня о помощи?

– Мы быстро учимся, – ухмыльнулся гном, бросив в сторону девушки еще один благодарный взгляд.

Оставив отца разговаривать со старым другом, Эйвилин направилась на поиски матери. Найденная книга не давала ей покоя. Все попытки открыть ее закончились неудачей: странный замок на книге упрямо не хотел открываться.

Девушка нашла мать на втором этаже в рабочем кабинете отца. Весмина сосредоточено изучала какие-то бумаги.

– Я не помешаю? – спросила дочь, заходя в кабинет.

– Заходи, дочка; это просто отчет от управляющего. Кстати, ты не видела своего отца?

– Он внизу, разговаривает с Бальдором.

– Знаю я их разговоры, – благодушно усмехнулась Весмина, – после них запасы вина и пива в доме значительно сокращаются.

– Мам, что означает символ в виде черного круга со странной белой руной внутри? – поинтересовалась Эйвилин.

– Руной или пятиконечной звездой?

– Звездой, кажется, – ответила Эйвилин, припомнив знак на книжном переплете.

– Пентакль! Где ты видела подобный символ? – спросила Весмина. От благодушия в ее голосе не осталось и следа.

– Не помню... – Резкая перемена в настроении матери не на шутку встревожила девушку, и она не решилась рассказать про свою находку. – В одной из книг, наверное.

Весмина внимательно посмотрела на дочь:

– Что ж, это возможно, – вздохнула она, успокаиваясь.

– Но что означает этот символ?

– Что такое магия? – внезапно спросила Весмина.

– Магия есть возможность, имеющая очень большую власть, полная возвышенных тайн и заключающая в себе глубочайшее знание вещей: их натуры, их силы, их качества, их действия, их различия и их отношения, благодаря чему она производит свои чудесные эффекты, – блеснула полученными знаниями Эйвилин. – Магический дар заложен в самой природе живых существ, подобно разуму или инстинкту самосохранения. Магический дар – это наследие творца. По-

этому каждый из нас от рождения является магом, но у большинства магический дар остается спящим, и лишь единицы могут им пользоваться.

– Ты неплохо запомнила то, что мы учили, – кивнула головой Весмина и тут же задала новый вопрос: – Сколько существует стихий?

– Четыре, – не задумываясь ответила Эйвилин. – Тейас – Огонь; Вайу – Воздух; Апас – Вода; Притхиви – Земля. Каждый элемент имеет две стези: активную и пассивную. Активная – это созидающее, творящее, производящее начало; пассивная же, напротив, разлагающее, уничтожающее. Но какое это имеет отношение к символу, о котором я спрашивала?

Весмина не обратила внимания на вопрос дочери.

– В начале всего были созданы огонь и свет, – начала она монотонно цитировать книгу сотворения. – «Да будет свет», – сказал творец. Само собой разумеется, что основой света является огонь. Принципу стихии Огня свойственна экспансия. Противоположность Огня – Вода, свойствами которой являются холод и связанность. Следующим элементом является Воздух. Посвященные рассматривают его не как реальный элемент, они выделяют место для него между Огнем и Водой таким образом, что Воздух, находясь между активным и пассивным действиями Воды и Огня, является своего рода преградой, создающей равновесие. Из взаимодействия трех названных элементов возник элемент Земли, как последний элемент, который благодаря своему характер-

ному свойству – затвердеванию – включает в себя все три элемента...

– Одновременно с этим была проведена граница в действии трех элементов, – перебила Весмину Эйвилин, – вследствие этого возникли пространство, мера, вес и время. Я все это прекрасно знаю.

– На самом деле все не совсем так, – тихо проговорила Весмина. – Существует еще одна стихия, но после магических войн о ней предпочли забыть.

– Какая именно?

– Стихия, которая является самой основой нашего бытия: стихия Жизни.

– Почему ее решили предать забвению?

– Пассивная стезя Жизни – Смерть, и они слишком взаимосвязаны. Существовал только один магический орден, подчинивший себе магию Жизни. Те, кого по незнанию принято называть некромантами, хотя некромантия – это всего лишь одна из разновидностей стихии Жизни.

– Черные маги... – прошептала Эйвилин.

– Да, иногда их называли и так, хотя на самом деле это неверно. Тот символ, про который ты рассказала, – это знак их магического ордена. Символ связи четырех стихий с пятой во главе.

– Все-таки я не совсем понимаю, почему это знание объявлено вне закона?

– Понимаешь, девочка, для сотворения простейшего за-

клипания Жизни нужна кровь разумного существа. Поэтому ее еще иногда называют магией крови. А для сложных заклинаний нужно жертвоприношение. И чем сложнее заклинание, тем больше нужно жертв.

– Поэтому эта магия запрещена?

– Это только одна из причин, – тяжело вздохнула Весмина. – Магия Жизни настолько могуча, что для сохранности мира лучше, чтобы ее забыли. Маг Жизни может излечить любую болезнь, но также он может вызвать страшнейший мор. Он может поднимать мертвых и контролировать живых. Такие знания в хороших руках могут принести много добра, но еще больше они принесут зла в плохих. Лучше о них забыть.

Глава 6

Кровь за кровь

Уриэль, высокий лорд Дома восходящего солнца, нервно барабанил пальцами по шероховатой поверхности большого обеденного стола, уютно расположившегося под огромным полотняным навесом рядом с его шатром.

В этот день у лорда Уриэля было особенно отвратительное настроение. Вчерашний штурм, на который он возлагал большие надежды, провалился. Магам удалось обвалить часть крепостной стены, но орки устроили обильное кровопускание пробившемуся в город через пролом отряду лич-

ной стражи высокого лорда. Полегла добрая треть гвардейцев, в обучение и снаряжение которых была вложена груда золота.

Настроение Уриэля не улучшилось, когда он узнал, что магистр в очередной раз покинул лагерь, а его шпионы вновь не смогли за ним проследить.

Его плохое настроение не могло остаться незамеченным. Поэтому за обеденным столом было необычайно тихо. Мало кто хотел стать объектом внимания вспыльчивого господина. Гробовую тишину нарушал только звон ложек о тарелки да нервные остроты особо близких друзей высокого лорда, сидевших рядом с ним.

Миновав застывших вокруг навеса стражников, к похожему на трон креслу Уриэля подошел запыхавшийся ирлимар рейнджеров.

– Разведчики вернулись, милорд. – Ирлимар замер в почтительном поклоне.

– Есть что-то интересное?

– Один из дальних разъездов наткнулся на мертвого гонца, угодившего в засаду разбойников.

– Гонец? – удивился Уриэль. – Нашли что-то интересное?

– Взгляните сами, *garonel'lare*. – Эльф продемонстрировал главе Дома грязный свиток с обгоревшим краем. – Было при нем. Разбойники обчистили бедолагу до нитки, даже сапоги с мертвеца сняли, остальные вещи кинули в костер. Свиток чудом уцелел.

– Давай сюда!

Почтительно поклонившись в очередной раз, рейнджер отдал свиток. Печать была сорвана, а бумага потемнела от сырости, но послание еще можно было разобрать. По мере прочтения брови высокого лорда изумленно поднимались вверх.

– Карту Восточного королевства мне! Живо! – стремительно поднявшись, потребовал он.

Один из стражников бросился в шатер главы дома и через минуту принес оттуда свернутую карту.

Смахнув на землю обеденную посуду, Уриэль развернул карту перед собой. Что-то найдя на ней, он ударил сжатым кулаком по столу и скомкал карту:

– Будь ты проклят, Леклис! И будь проклят я сам за то, что когда-то решил растянуть удовольствие от твоей казни. Предатели, кругом одни предатели! – Приближенные высокого лорда давно уже не видели своего господина в такой ярости. – Снимаем осаду, через два дня армия должна быть на пути в столицу этого мерзкого королевства. Этот проклятый мятежник каким-то чудом сумел ее захватить!

Большинство собравшихся горячо поддержали своего господина, спеша продемонстрировать ему свою преданность. Унылое осадное сидение всем до смерти надоело, да и все приближающаяся зима не добавляла оптимизма. Почти все они были назначены на свои должности не за какие-то заслуги, а за дружбу с высоким лордом, который был щедр на

должности и звания для своих прихлебателей. Ветераны, получившие офицерские звания за верную службу, инстинктивно презирали их, но как мало оставалось в армии дома старых офицеров! Немилость герцога выкашивала их ряды с регулярностью вражеских мечей. Вот и сейчас небольшая группа ветеранов молча обменивалась красноречивыми взглядами, не решаясь оспорить решение главы. Наконец один из ирлимаров все же попытался возразить:

– Разумно ли это, garonel'lare? – спросил он. – Орки вот-вот падут. Да и зачем дробить армию?

Смерив его презрительным взглядом, Уриэль обратился к стражникам:

– Уберите от меня этого труса!

Стражники проворно заломили руки эльфа за спину и увели его прочь. Он не сопротивлялся, его никто не ударил, но с сегодняшнего дня его карьера была окончена.

– На чем я остановился?

– Через два дня мы должны выступить, – подобострастно склонил голову один из друзей Уриэля.

– Верно, а для тебя, Илгорм, есть дело.

– Можете располагать мной, garonel'lare!

– Я дам тебе семь тысяч конницы, почти треть всей моей армии. Выступите немедленно! Герцог Табаса предал меня и выступил на помощь Леклису. Они не должны объединиться! Привези мне голову этого ничтожества, а еще лучше – привези мне его живым в железной клетке!

– Будет исполнено, garonel'lare! – Еще раз коротко поклонившись, Илгорм поднялся из-за стола и направился готовиться к походу.

Спустя три часа копыта легконогих лошадей эльфийских конных лучников вздымали комья земли, спеша на юг-восток.

Оставшиеся войска дома спешно снимали осаду.

* * *

– Вот, garonel'lare, были на опушке леса.

Уриэль окинул взглядом небольшую группу стоящих на коленях полукровок. Из-за невысокого роста и длинных бород их можно было бы принять за гномов, но было видно, что гномами они были в лучшем случае наполовину.

– Кто такие?

Один из полукровок настороженно посмотрел на главу дома.

– Мы? Эта... Лесорубы, значит, – запинаясь, вымолвил он.

– К главе Дома восходящего солнца следует обращаться garonel'lare или, если такому животному, как ты, недоступна старшая речь, высокий лорд! – Один из стражников с силой ударил ногой в лицо полукровки.

– Высокий лорд, – поспешно добавил тот, утирая рукавом кровь с разбитой губы.

– Что вы тут делаете? – презрительно скривился Уриэль.

– Мы, высокий лорд, лесорубы, значит. Наш поселок на другой стороне леса, а я староста ихний. Мы, эта... Зима скоро... – Полукровка вновь вытер кровоточащую губу и поспешно добавил: – Высокий лорд. Самая, значит, наша работа: в столицу дров наготовить. Второй день уже, значит, тута, высокий лорд, лес валим.

Из леса действительно раздавался отдаленный перестук топоров, предостерегающие крики и треск деревьев.

– Сколько вас?

– Так, эта... Высокий лорд, больше сотни. Весь поселок тута, значит. Лес в столицу готовим... мы.

– Шпионите?

– Что вы, высокий лорд! – испуганно запричитал староста. – Мы мирные лесорубы. Лес рубим, лес продаем.

Разговор с полукровкой утомил Уриэля, он тронул коня дальше, не обращая более на коленопреклоненных полукровок никакого внимания. Вслед за ним двинулась его свита.

– Это тупое животное было недостаточно почтительно со мной, – зло процедил Уриэль сквозь зубы. – Напомни мне повесить семью старосты, когда мы будем проезжать через их грязный поселок, – повернулся он к одному из своих спутников со знаками различия лоргона дома*.

* Лоргон – звание в армии эльфийских домов, соответствующее званию полковника у людей и полукровок. У орков аналога подобному званию нет.

– Слушаюсь, garonel'lare, – склонил голову эльф. – А что, если они действительно шпионят на принца?

– Этот скот?! – Уриэль обернулся и еще раз быстро оглядел низкорослых бородачей. – Тогда у Леклиса дела совсем плохи, если у него такие шпионы.

Уриэль не мог слышать, что неистово отбивающий поклоны староста лесорубов, приблизив в очередной раз лицо почти к самой земле, процедил сквозь сжатые от ненависти зубы: «Он вас уже ждет, высокий лорд».

Армия эльфов бодрым маршем входила в сумрак осеннего леса.

* * *

Лес дышит прохладой. Обильных снегопадов еще не было, но кое-где под деревьями видны обширные белые пятна нарастающего снега. Прихваченную заморозками землю покрывает ковер сухих иголок. Огромный, в половину человеческого роста, муравейник, уютно расположившийся под старой сосной, выглядит пустынным: маленькие труженики, собравшись кучей в глубине, ждут большого снега. Между тем пестрый дятел старательно пытается добраться до полусонных муравьев, не обращая никакого внимания на многочисленных зрителей.

Шпионы сообщили, что армия герцога ускоренным маршем движется прямо к столице.

А их уже ждали.

За невероятно напряженные десять дней мне все же удалось набрать армию, а арсеналы королевского дворца позволили ее худо-бедно вооружить. И теперь в густом сосновом лесу в двух переходах от столицы около двадцати пяти тысяч моих воинов ожидали прихода эльфов.

«Не сражайся с гномом в подземельях, с эльфом – в лесу, с орком – нигде».

Старая поговорка никак не шла у меня из головы. Навязывать сражение эльфам в лесу – такой неслыханной дерзости не случалось уже лет восемьсот. И именно поэтому вся собранная мной армия затаилась вдоль петляющей лесной дороги, образуя гигантскую воронку, в которую, громяхая обозами, вползала маршевая колонна армии Дома восходящего солнца. Эльфы были столь самоуверенны – лес – это их дом! – что даже не выслали патрулей своих знаменитых рейнджеров для разведки.

За ошибки надо платить.

Подо мной нервно всхрапнул Ветер.

– Почувствовал старого хозяина? Ничего, скоро встретимся, – успокаивающе похлопываю коня по шее. Где-то в двухстах футах впереди уже добрых полчаса текла вражеская армия, все глубже заходя в расставленный капкан.

– Они втянулись, голова колонны вот-вот упрется в завал. – Рядом с Ветром возник мессир Мартин. Магистр Тиллит остался в столице: слишком тяжело дались старику по-

следние полгода.

– Выдвигаемся, – негромко скомандовал я, легонько ударив пятками по бокам Ветра.

Приказ молниеносно передался по цепочке, и мы двинулись вперед. С другой стороны дороги такой же приказ должен отдать Меченый. Гигантская воронка начала сжиматься.

Один за другим проплывали мимо вкусно пахнущие смолой стволы деревьев. Сухие ветки трещали под копытами лошадей и сапогами воинов. Такой огромной движущейся массе невозможно сохранить тишину. Лес заполнился тихими переругиваниями нервничающих перед битвой воинов, ржанием лошадей и звоном оружия. Никакие лесорубы не могли скрыть какофонии звуков выдвигающейся армии. Впрочем, это было уже не нужно. Да и лесорубы уже сменили плотницкие топоры на более подходящее оружие. Разумеется, эльфы почувствовали неладное и подняли тревогу, но было уже поздно.

– Поднять черные знамена! – не таясь прокричал я, едва меж стволов деревьев показались ряды спешно готовящихся к бою эльфов. – Сигнальщики, не спать!

Рядом со мной мальчишка-оруженосец, немислимо гордый оказанной честью, удерживал в дрожащих руках древко с полотнищем черного, как ночь, знамени с беснующейся химерой.

Затрубил сигнальный рог, ему начали вторить другие роги. Жаль, нет орков! Их сигнальные барабаны могут вгонять

в дрожь даже Падшего.

Огромная хрипящая и вопящая масса воинов обрушилась на дорогу, словно лавина. Лес содрогнулся от звуков яростной схватки.

Ветер с радостью влетел в самый центр небольшого отряда растерянных и сбитых с толку эльфов: боевой конь жил ради таких вот моментов схватки. Лезвие Химеры усердно принялось собирать кровавый урожай. Никакие шлемы не спасали от удара гномьего меча со слезой дракона.

Проломив строй, Ветер едва не налетел на ряд своих копейщиков, наступающих с противоположной стороны дороги. Пришлось очень пришпорить разгоряченного схваткой коня. Перед вставшим на дыбы жеребцом промелькнули бледные лица изготовившихся к схватке воинов. Обогнув нас, они вступили в бой.

Конечно, у меня не хватило бы сил, чтобы атаковать колонну на всем ее протяжении: основные удары были нанесены в голову, хвост и центр колонны. План прост: рассечь армию дома и уничтожить ее по частям. Немногочисленные укрытые лесом лучники должны отвлечь оставшиеся не у дел отряды эльфов: многим из них это будет стоить жизни.

Между тем схватка все разгоралась, в канавы вдоль дороги скатывались новые тела убитых и раненых. Пронзительно засвистели стрелы. Недалеко от меня доброй сотне эльфов удалось закрепиться около груженных припасами и снаряжением обозов. Копейщики с листовидными щитами сдержи-

вали наступающих, а забравшиеся на возы лучники вносили сумятицу в наши порядки. Из-за деревьев прилетела пара огненных шаров – маги вступили в бой. Гневно гудя, словно рой рассерженных пчел, шары пролетели над самыми головами моих воинов и разбились снопом ярких искр перед самым носом эльфийских лучников. На мгновение вокруг эльфов вспыхнул кокон защитного магического поля.

Проклятие! Похоже, среди них есть боевой маг.

Лучники, мгновенно заметив новую угрозу, выпустили в сторону леса добрую дюжину стрел – утыканный ими маг в красном плаще упал меж сосновых стволов. Увлечшись атакой, он совсем забыл о защите.

Развернув Ветра, я направил его прямо к лучникам, в мою сторону тут же полетели смертоносные эльфийские стрелы. В этот раз лучники просчитались: поставленная Клориной и проверенная Дэей защита прекрасно справилась со своей ролью.

Между тем построение эльфов все приближалось. Первый натиск на них закончился неудачей, и часть моих воинов, укрываясь щитами, отходила к лесу. Там, под защитой стволов, они переведут дух и подготовятся к новой атаке.

Ветер за пару секунд преодолел расстояние между нами и лучниками. Изготовившихся к схватке копейщиков он просто перепрыгнул, словно барьер на ипподроме, и всей своей немаленькой массой обрушился на растерянных эльфов, сжимающих бесполезные сейчас луки.

Этот прыжок едва не выбил меня из седла – для сохранения равновесия я отчаянно замахал обнаженной Химерой. Лучники бросились врассыпную от беснующегося всадника. Ветер не стал дожидаться, пока какой-нибудь рьяный копейщик проткнет ему брюхо. Пронзительно заржав, он лягнул одного из эльфов и, в очередной раз проломив жидкий строй, вынес меня к своим.

Разломанный нашим прорывом строй так и не успел выстроиться заново: полукровки нахлынули на оставшиеся обозы, словно волны на одинокий утес. Минут пятнадцать эльфы еще сопротивлялись. Так и не найденный мною маг перед смертью сумел сотворить какое-то особо пакостное заклинание – на небольшом участке дороги повисло яркое желто-зеленое облако. Попавшие в него полукровки и эльфы упали на землю, корчась в предсмертной агонии.

Недалеко от меня пара воздушных магов вскинула руки в воздух, выкрикивая заклинание – сильнейший порыв ветра поднял ядовитое облако над верхушками деревьев и унес прочь.

Отдышавшись, я вновь направил коня в гущу кипящей схватки: бой еще только начинался.

* * *

Битва, бушевавшая в чаще соснового леса весь день, стала затихать лишь тогда, когда солнце устремило свой отчаянный бег к горизонту. Эльфийская армия была разбита и

рассеяна, словно сухие осенние листья.

Последние способные оказывать сопротивление отряды во главе с Уриэлем сбились в плотный круг, выстраивая большого «ежа». Мои воины основательно и не торопясь окружили остатки эльфийской армии и не спешили лезть в наступление на пойманных в капкан эльфов.

Внезапно передние ряды эльфов расступились. Буря эмоций поднялась во мне при виде того, кто вышел вперед. Герцог Уриэль в длинном, до бедер, чешуйчатом панцире. Эльфы любили подобный доспех, состоящий из стальных пластин, которые прикреплялись к кожаной основе. При скреплении пластины надвигались одна на другую подобно рыбьей чешуе.

– Пешими, один на один, без магии! – громко проговорил он, бросая мне вызов.

А я-то думал, как его выманить!

Покинув седло Ветра, привычным движением вытаскиваю из ножен Химеру, левой рукой перехватываю рукоять длинного кинжала. В руках Уриэля покачивается дуэт знаменитых кривых мечей – излюбленное оружие знати старших домов. Мы не стали осторожно сходитьсь, не было никаких кружений друг против друга, разведывательных выпадов, столь характерных при дуэльных схватках. Мы просто яростно кинулись друг на друга, словно пара матерых волков, сошедшихся в драке за место вожака.

Сперва мне казалось, что схватка быстро закончится. Что

может этот эльф противопоставить мне? Я уверен: у него были прекрасные учителя, но некоторые вещи невозможно узнать на тренировочной арене.

Как выяснилось, у герцога были на это другие планы, не соотносящиеся с надеждами одного самоуверенного принца. Герцог раз за разом наносил целый град быстрых и сильных ударов, вынудив меня уйти в глухую оборону и не думать ни о чем, кроме защиты. Он упорно нападал, и пару раз его мечи прорывались через сплетенный Химерой защитный узор, но кольчуга гномов достойно выдержала это испытание.

Толпа нечаянных зрителей жадно редела, навевая неприятные ассоциации с Ареной казней. Впрочем, толпа остается толпой, и не так важно, кто в ней: эльфы, люди или полукровки. Ничего не меняется. Хлеба и зрелищ! – эта простая истина будет жить вечно.

Вскоре наступательный порыв герцога иссяк. Он стал уставать, хриплое дыхание было слышно даже через перезвон мечей. Чешуйчатый панцирь так же, как и кольчуга, не стеснял движений, но весил как полный рыцарский доспех.

Теперь уже пришла моя пора атаковать. Удары Химеры пошли один за другим. Он сопротивлялся с отчаянием обреченного. Мечи раз за разом сталкивались, наполняя воздух мелодичным перезвоном.

Я не хотел его убивать. Нет, я жаждал его смерти, но не здесь и не сейчас. Удел мерзавца – площадь перед дворцом и жадные крики толпы около эшафота, но сначала – пыточные

подвалы: слишком много тайн хранится в его голове.

Все мои попытки выбить из его рук оружие окончились ничем. Герцог искусно отбивался: уводил лезвие Химеры в сторону, избегая жестких блоков, уходил от удара кинжалом, изредка контратаковал. Его доспех ковали далеко не худшие оружейники – уже несколько раз Химера в бессильной злобе скользила по «рыбьей чешуе» панциря. И все же его движения становились все более рваными и неуклюжими: усталость брала свое. Я и сам начал уставать, но жизнь беглеца и стены Железного холма закалили мое тело, а возвращенная невзгодами ненависть укрепила дух.

– Сдавайся, Уриэль! – предложил я, разорвав дистанцию после очередной атаки. В это мгновение я был готов забыть про месть и сохранить ему жизнь: мне были очень нужны ответы.

Ответный взгляд голубых глаз был полон обреченности и ненависти. Прохрипев сквозь сжатые зубы ругательство, герцог вновь бросился на меня. Его наступательный порыв был лишен той остроты и скорости, которая ошеломила меня в начале схватки. Это был бросок умирающего зверя, пытающегося нанести свой последний, смертельный удар.

И ему почти удалось!

Неожиданно я поскользнулся и едва не упал, потеряв равновесие. В толпе зрителей кто-то ахнул – кажется, Дэя. Уриэль углядел свой последний шанс на победу, оба меча взвились вверх, готовясь опуститься на мою голову. Не знаю, как

удалось уйти от этой атаки: тело среагировало само по себе. Шаг в сторону, наклон корпуса, распрямление, еще шаг – мечи герцога со свистом рассекли воздух в том месте, где я только что стоял... Молниеносный разворот вокруг своей оси и сокрушительный удар. Черное лезвие Химеры с хрустом пробивает броню Уриэля как раз под ребрами и, пройдя тело насквозь, замирает, остановленное стальными чешуйками на спине.

Не веря своим глазам, освобождаю Химеру. Пробила хваленый чешуйчатый доспех, словно шелковую рубашку! Только она была способна на такой смертоносный выпад.

Эльф, уронив оружие, падает на колени, зажимая руками зияющую рану в животе. Тяжело ухнув, он заваливается набок, поливая подмороженную землю кровью.

На мгновение я гложу от радостного гомона моих воинов, некоторые от избытка чувств колотят в щиты рукоятями выщербленных мечей.

– Ты в порядке? – Рука Дэи ложится на мое плечо.

– Что за мальчишество, Леклис?! – Кажется, только взоры свидетелей удерживают Клорину от нанесения мне пары пощечин. – Решил поиграть в рыцарство? Он же мог тебя убить! Ты ранен? Где?

– Просто пара царапин. Что с высоким лордом?

Мягко отстранив девушек, поворачиваюсь к упавшему Уриэлю, пара целителей уже осматривает его рану.

– Мы бессильны: он умирает, – качает головой один из

них.

Кто-то снял с эльфа шлем – в глаза сразу бросилась его неестественная бледность, на лбу выступила испарина, губы покрыла кровавая пена.

Проклятье, как неудачно!

– Он сказал, глядя на мертвецов, что тут рождается будущее, а я не понял... – Уриэль хрипло расхохотался, поперхнулся кровью и зашелся кашлем. Его блуждающий взор остановился на мне. – Две пешки. Две маленькие пешки, возомнившие себя королями. Проклятые вороны смотрят. Нет, я еще жив. Он сказал, что я достоин, достоин...

Уриэль вновь зашелся кашлем, сплевывая кровь.

– Кто? Кто?! – спросил я, опускаясь на колени рядом с ним.

– Разрушить, что хотел сохранить... – Он захрипел и замер.

– Говори! – безумно прокричал я, встряхивая остывающее тело. – Говори! Не смей умирать так просто!

– Он уже мертв, Леклис. – Голос Дэи, словно ведро холодной воды, вернул меня к действительности.

Поднимаюсь с земли, стараясь не смотреть на мертвеца. Сотни раз я представлял себе этот момент. И что? Никогда не думал, что стану жалеть о его смерти. Его последняя исповедь была слишком коротка и непонятна. Две пешки? Что он имел в виду? Кто или что та странная сила, играющая с нашим миром, как ей заблагорассудится?

– Леклис, нужно осмотреть твои раны! – Взяв за руку, Дэя потащила меня прочь от тела герцога, Клорина осталась вместе с магами и воинами присматривать за остатками армии эльфов.

Похоже, лучше подчиниться, иначе она от меня не отстанет. К тому же немногочисленные ранки, полученные в бою, противно ныли. Отойдя подальше от мертвецов, я сел на землю, позволив девушке заняться моими ранами. Недавно я с удивлением обнаружил, что амулет драконов не блокирует лечебную и защитную магию.

– Знаешь, Леклис, я согласна с Клориной. – От лечебной магии на тело напала приятная истома. – Порой ты ведешь себя словно мальчишка. Ты – будущий король и не должен лезть в самую гущу битвы! Из трех десятков твоих телохранителей уцелело всего пятеро! – Она осуждающе покачала головой. – Просто чудо, что ты сам не получил серьезных ран.

Я лишь устало кивнул в ответ – спорить с девушкой совершенно не хотелось. Тем более что она была права.

Привыкай, Леклис! Отныне твоя жизнь тебе не принадлежит.

Занятый собственными мыслями, я не заметил, как он к нам подошел. Зато заметила Клорина и встретила капитана далеко не самым ласковым взглядом. Впрочем, уставший Глок на недовольство девушки обратил мало внимания.

– Что делать с остатками эльфийской армии? – спросил он

хриплым, пересохшим голосом. Доспех капитана был сильно помят и залит кровью. Нелегко нам далась победа...

– Они сдались? – спросил я, зная, каким будет ответ.

– Нет, сир.

– Тогда отправьте всех прямо к творцу: пусть полюбуется на свои творения.

– Леклис! – С моих губ едва не сорвался стон, когда нежные пальчики Дэи случайно – случайно ли? – надавили на рану чуть выше колена. Все же герцогу удалось пару раз весьма чувствительно меня зацепить. – Прояви милосердие.

– Милосердие? Какое странное слово. Что оно означает?

Девушка настороженно посмотрела мне в лицо, пытаясь понять, шучу я или нет.

– На их руках много крови. Армия дома вырезала орков и полукровок целыми селениями.

– Тогда их должны судить! Но убивать их сейчас – это низко, это нечестно.

– В войне вообще слишком мало чести.

– Леклис?!

– Хорошо, – тяжело вздохнув, согласился я. – Но не рассчитывай на многое: большинство из них все равно умрет от рук палача.

Поднявшись, я направился к темнеющему неподалеку строю эльфов, окруженному моими воинами. Семь-восемь сотен – прикинул я длину и глубину построения – все, что осталось от армии дома: остальные либо убиты, либо рассе-

яны по лесу, пленных очень мало. Эльфы не горели желанием сдаваться, да и мои воины не были образцом милосердия и всепрощения. Скорее всего, большинство сложивших оружие эльфов отправлялись прямой дорогой к своим предкам: слишком много зла принесли они этой земле – и теперь с лихвой расплачивались за это.

Миновав расступившиеся ряды своих воинов, я остановился перед замершим «ежом» эльфов.

– Сложите оружие, и я обещаю вам справедливый суд. – Не успели последние слова сорваться с моих губ, как в мою сторону полетели стрелы. – Сложите оружие или умрите! – вторично предложил я, стараясь не обращать внимания на вспышки сгорающих при ударе о магический щит стрел.

В ответ полетели оскорбительные выкрики и новые стрелы.

Кто-то из эльфов затянул песню, хор нестройных, уставших голосов мгновенно подхватил ее. Слова были непонятны – не силен я в древней речи, – но мотив был легко узнаваем. «Песнь об Эйргеде», одно из самых знаменитых преданий эльфов, написанное в стихотворной форме, повествующее о гибели младшего сына первого императора, попавшего в засаду драконитов. Легенда, правда, была малость приукрашена. Грабительский набег кучки эльфов был представлен в виде великого похода, а мелкая стычка – сражением, решившим судьбу мира.

– Эти выродки – что, возомнили себя героями древних

сказаний?! – Меченый грязно выругался. Он тоже узнал мотив. – Они, значит, воинство добра, а мы – силы зла. Лицемерные ублюдки: я видел их доброту!

– Пускай потешат свою гордыню перед смертью.

– Прикажите атаковать!

Оглядываю изготовившихся к схватке эльфов и отрицательно качаю головой:

– Фанатики... Я не хочу терять своих воинов. Маги у них остались?

– Нет, сир.

– Тогда истребите их магией.

Плотнее запахнув полы плаща, направляюсь к Ветру, рвущемуся из рук оруженосца. То тут, то там ходят, ища раненых, поисковые группы во главе с магами Воды. Словно соперничая с ними, меж мертвецов бродят вечные спутники любой битвы – вороны. Одна из абсолютно обнаглевших птиц садится прямо на моем пути. Черные булавки глаз бесстрашно смотрят прямо в глаза.

УБЕЙ ВОРОНА!

Химера с резким свистом разрезает воздух. Напуганный ворон мгновенно срывается с места и устремляется прочь, оглашая окрестности противным карканьем. Вслед за своим собратом срываются остальные пернатые падальщики. Их гневные крики заполняют воздух, причудливо переплетаясь с пением эльфов.

Что на меня нашло?

Понимая, как глупо я выгляжу, гоняя мечом птиц, убираю Химеру обратно в ножны. Позади что-то полыхнуло, земля вздрогнула – пение эльфов сменилось криками боли. Хриплые отрывистые команды, звон оружия – и крики смолкли.

Глава 7

Лабиринты власти

Крылатым ангелам сродни,
К земле направились они —
Опасная повадка.
Из-за кустов, как из-за стен,
Следят охотники за тем,
Чтоб счастье было кратко...

Владимир Высоцкий

Я сгреб мокрый снег, спрятавшийся в тени крепостного зубца, и скомкал его в ладонях. В этом году зима пришла рано: еще и двух недель не прошло после достопамятной битвы в лесу, а снег уже белым саваном покрывал землю. Перебросив получившийся снежок из одной руки в другую, огляделся по сторонам – никто не смотрит? – и с силой запустил снежный снаряд в каменную громаду башни. Вытерев холодные мокрые руки о плащ, я, наклонившись между зубцов, в очередной раз осмотрел внешний двор.

Прежде пустынное ристалище пестрело высокими цветными шатрами гостей. Горели костры, на которых на длинных вертелах готовились звериные туши. Ароматный запах не единожды заставлял завистливо сглатывать слюну несущих караул стражников, рассыпанных по крепостным стенам. Вокруг костров сновали слуги, спеша накормить голодных хозяев. Лошади, которым не нашлось места в конюшнях, уныло жевали сухое сено возле наспех сколоченной коновязи рядом с полуразрушенной казармой королевской стражи.

Старый замок ожил и наполнился суетой и гомоном. Представители знатнейших родов стекались в столицу на предстоящую коронацию. Ворота стояли распахнутыми день и ночь, а гости все прибывали и прибывали. Слуги сбились с ног, пытаясь должным образом устроить их. Даже далеко не маленький королевский замок не мог вместить всех желающих, тем более что каждого гостя сопровождала многочисленная свита слуг и охраны. Поэтому часть пришлось разместить во внешнем дворе, который вскоре стал напоминать стоянку армии.

Не нравится мне это. Какая-то напряженность витала в воздухе. Слишком много чужих воинов в самом сердце столицы, а преданные мне войска остались зимовать на окраине города в полевом лагере, да и не так много их осталось.

– Ты становишься параноиком, Леклис, – одернул я себя. – Их много, но единства среди них нет, как и нет силы,

способной их объединить.

У северных ворот внешней стены показалась внушительная процессия, вызвавшая заметное оживление в лагере и на крепостных стенах. Сотня верховых окружала карету, ведомую четверкой лошадей.

Впереди ехал огромный воин в вороненой, грубо выкованной кирасе с длинным, словно копье, оркским двуручником, пристегнутым к седлу. При его приближении скучающие стражники, дежурившие у ворот, отвлеклись от блаженного ничегонеделанья и попытались принять вид, более подобающий королевским стражникам, назначенным на столь ответственный пост. Получилось у них плохо.

Всадник проехал ворота и окинул двор придиричивым взглядом. Внезапно налетевший порыв холодного ветра скинул с его головы капюшон обитого мехом плаща, явив осеннему солнцу широкоскулое обветренное лицо со слегка выступающей вперед челюстью. Если у кого-то и были какие-то сомнения по поводу личности прибывших, то теперь они исчезли.

Орки.

Не столь уж и диковинные гости столицы.

Стуча подкованными сапогами по каменным ступеням башни, я быстро спустился во двор и направился к прибывшим всадникам.

Мое появление не осталось незамеченным. Предводитель орков, издав радостный возглас, больше похожий на рык зве-

ря, мгновенно оказался рядом, стискивая меня в медвежьих объятьях.

– Леклис! А мы думали, ты погиб!

– Сердрик, медведь этакий, – задыхаясь прохрипел я, чувствуя, что в кольцо его рук рискую стать плоским. – Я, конечно, рад тебя видеть, но оставь в покое мои ребра, они мне еще пригодятся.

Орк раскатисто расхохотался, но из объятий меня все же выпустил.

Многие недооценивали графа Сердрика, правителя Пограничья. Его считали таким недалеким рубакой, с которым можно неплохо скоротать время, выпив кружечку-другую, но не стоит вести долгих разговоров о политике. Граф не спешил развеивать это заблуждение.

Но я знал: это всего лишь маска.

Сердрик был далеко не глуп. Опытный воин и политик, он железной рукой правил не самыми спокойными землями орков и заслужил подлинное уважение этой воинственной расы.

Вот и сейчас, несмотря на показную браваду и веселость, его глаза внимательно изучают меня, подмечая мою реакцию. Впрочем, я занимался тем же самым, и орк быстро это понял.

– Выше нос, – ободряюще подмигнул он мне. – Улыбнись, Леклис, ты младше меня на добрый десяток лет, а взгляд у тебя – как у старой загнанной лошади! Знаю, тебе было

нелегко. – На мгновение его лицо стало серьезным, а взгляд холодным и жестким. – Нам всем было нелегко, но теперь мы вместе. – Он вновь улыбнулся и подмигнул: – Пойдем, кое-кто будет рад тебя видеть.

Приобняв меня левой рукой за плечи, он буквально потащил меня к карете, возле которой уже хлопотали вездесущие слуги. Дверцы открылись, из кареты вышла красивая, молодая, чуть полноватая женщина. Не прошло и нескольких мгновений, как я вторично оказался в объятиях – на этот раз менее болезненных – своей двоюродной сестры Ларгориты.

– Здравствуй, сестренка! – Я не удержался и закружил ее, она шутливо вырывалась.

– Ты здорово вырос, – тихо сказала она, вглядываясь в мое лицо, когда я все же вернул ее на землю.

Несмело улыбнувшись, сестра украдкой утерла уголки глаз.

Поглощенный встречей с Ларгоритой, я не сразу заметил, как из глубины кареты вышла служанка, держа на руках мерно посапывающего младенца, укутанного в теплые пеленки.

– Познакомься с моим первенцем, Леклис! – Голос Сердрика был полон гордости и обожания. Он осторожно, чтобы не разбудить, взял ребенка из рук служанки и принялся баюкать в своих огромных руках. – Уритрил, познакомься с дядей Леклисом.

– Мы назвали его в память об отце. – В голосе Ларгориты проскользнула боль недавней утраты. Она еще раз украд-

кой вытерла слезы и забрала младенца из рук графа, – тот неохотно расстался с драгоценной ношей.

Изумленно хлопая глазами, я смотрел на разворачивающуюся семейную сцену.

Слезы творца, сколько же меня не было?

– Леклис? – Голос Ларгориты вывел меня из оцепенения. – Ты покажешь нам наши покои?

У меня перехватило дыхание, поэтому я лишь мужественно кивнул головой и махнул рукой в сторону замка.

* * *

Впервые за долгие месяцы я не ощущал себя загоняемой дичью. Развалившись в мягком кресле, гораздо более удобном, чем королевский трон, и лениво потягивая дорогое вино, я был доволен жизнью и даже, наверное, счастлив. Помимо меня за небольшим сервированным столом в уютной гостиной расположились Ларгорита и Сердрик, да еще неразлучная парочка Клорина и Дэя хлопотали над младенцем, не доверяя его нянькам.

Я же просто наслаждался уже почти позабытым чувством покоя и домашнего уюта. Даже Химера и гномья кольчуга остались сегодня в моих покоях. Правда, с непривычки узкий, украшенный золотым шитьем камзол натирал шею, а руки то и дело сами шарили по поясу в поисках рукояти меча или хотя бы кинжала, но это были только досадные мелочи, не способные испортить мне настроения.

– А ты, Леклис, не надумал остепениться? Завести семью и детей? – лукаво поинтересовалась Ларгорита, украдкой по-смотрев на девушек. Их щеки мгновенно залил смущенный румянец.

Вопрос застал меня врасплох: я подавился и кашлянул. Сердрик дружески похлопал меня по спине, помогая проглотить непослушный кусок. Лучше бы он этого не делал: к ноющим после его дружеских объятий ребрам теперь прибавился здоровый синяк на спине.

– Посмотрим, – отдышавшись, прохрипел я.

Упаси творец!

Эльфы мечтают получить мою голову, королевство разваливается на части, какая тут, к Падшему, семья! Может быть, потом, когда все успокоится. Нет, я еще слишком молод. Лет через пять-семь – а лучше через десять – я, возможно, начну задумываться о семейном очаге.

– Если доживешь.

Своему внутреннему скептику я приказал заткнуться и вновь расслабился.

– Что ты будешь делать после коронации? – тихо спросил Сердрик, пользуясь тем, что его кресло стоит рядом с моим. При этом его лицо не покидала приветливая улыбка. Глядя со стороны, можно было бы предположить, что он рассказывает мне какую-то веселую историю.

– Давай не будем об этом сейчас, – так же тихо попросил я, пригубив вино. – Хочу хоть ненадолго отвлечься.

Он понимающе качнул головой и, осушив свой бокал вина, сосредоточил внимание на зажаренном молочном поросенке с золотистой хрустящей корочкой. Есть он предпочитал руками, не отягощая себя правилами придворного этикета, за что удостоился недовольного взгляда жены. Несмотря на легкий налет цивилизации, орки так и остались воинственными дикарями, пренебрегающими ненужными условностями.

«Мы все – дети творца, но орки почему-то упорно отказываются взрослеть», – усмехнулся я про себя, вспомнив старую шутку. Мне нравился этот гордый и воинственный, а порой и жестокий народ. Кровная связь эльфа и орки-рабыни дала толчок к основанию Восточного королевства, и орки помнили о связывающем нас родстве.

Совместный обед, как и все хорошее, быстро подошел к концу, но я был рад вырвать у судьбы хотя бы этот час спокойной жизни и просто побыть самим собой, тем более что впереди меня ждал не слишком приятный королевский совет.

* * *

Королевский совет собрался в том самом кабинете, в котором несколькими месяцами ранее проходил похожий совет, возглавляемый моим дядей.

Первым прибыл герцог Рокнар Хэпланд, правитель южных земель. Воин он был никудышный, зато в его руках со-

средоточились огромные богатства. Почти вся торговля проходила через его земли, а пошлины пока еще никто не отменял.

Сразу после него явился правитель Табаса герцог Гхан. Он находился в столице уже довольно давно и успел мне порядком надоесть.

Жирный боров, в доспехи-то едва влазит! Кого он хочет обмануть своими заверениями в вечной верности? Армия эльфов, вторгшаяся в его земли, беспрепятственно покинула их, как только до нее дошла весть о поражении Уриэля. У меня не было сил, чтобы их остановить, и они спокойно покинули королевство. За одно это его стоило бы лишиться земель и титула!

Вслед за ним появился Сердрик и неизвестный мне барон, представляющий центральные провинции, в сопровождении нескольких графов из разных концов королевства – большинство из них я не знал.

Последним прибыл Сигурт, герцог Инарда, с ним меня связывали далеко не дружеские отношения. Одно время Ларгорита была увлечена им и вполне могла бы выскочить за него замуж, если бы не один случайно подслушанный мной разговор, который я пересказал сестре. Последовавший после этого разрыв больно ударил по самолюбию Сигурта и нарушил его планы. Ларгорита нужна была ему лишь как средство достижения власти, о которой младший брат прежнего герцога Инарда мог мечтать только во сне.

Судьба любит перекраивать наши жизни по своему усмотрению. В походе на драконов погиб предыдущий герцог и два его старших сына. Младший сын пытался сопротивляться армии эльфов и погиб в какой-то незначительной стычке от глупой случайной стрелы. Почему эта стрела прилетела откуда-то со спины, предпочитали не говорить. Теперь прямо напротив меня, словно в противовес, расположился хозяин обширных земель восточной части королевства, и взгляды, которыми мы с ним обменивались, были далеко не дружеские. Не знаю, каким образом, но он узнал, кто был причиной достопамятного разрыва. Наверное, он бы с удовольствием поднял против меня мятеж, если бы его земли не успели хорошенько потрепать эльфы и алчные соседи.

«Вылезли, крысы!» – мрачно подумал я, оглядывая собравшихся. Их было не больше двух десятков: все самые влиятельные дворяне королевства под предводительством трех герцогов, состоящих в очень далеком родстве с правящей королевской династией. Из всей этой своры я мог рассчитывать на поддержку графа Сердрика и представителя от баронов центральных провинций. Если подумать – это не так уж и мало. Подобный альянс потенциально сильнее любого из герцогств по отдельности, а вот все вместе они вполне могут потягаться силами со мной.

Сегодняшнее собрание преследовало только одну цель: мы должны были решить – продолжать войну с эльфами или нет. Момент был очень удачным: армии домов были запер-

ты в Горном королевстве. Стоило Восточному королевству соединить силы, и удар для империи мог бы стать смертельным.

По правде сказать, я уже давно принял решение, и оно далось мне не слишком легко, но приличия требовали обсудить его с советом.

– Мои слова вам не понравятся, но все-таки я скажу, – заявил Сердрик с присущей ему прямоотой. – Война не нужна. Мы можем проиграть ее.

Слова графа приграничья не слишком понравились герцогу Табаса:

– Империя сейчас слаба, как никогда, – с горячностью возразил он, на его обрюзгшем лице блестели капли пота. – В семи королевствах разгорается междоусобная война, гоблины все еще осаждают Горное королевство. Большая часть армий старших домов заперта в Горном королевстве, перевалы завалены снегом. Даже магам не под силу их освободить.

– У эльфов хватит воинов, чтобы встретить нас, – равнодушно пожал плечами Сердрик, прекрасно понимая, что основная тяжесть новой войны ляжет на орков. – Мы с трудом справились с одним старшим домом. Я настаиваю: нам нужно укрепить границы королевства. Война с империей в нашем положении – просто кровавая авантюра.

– Это слова труса!

– Труса?! Это ты смеешь называть меня трусом?! Пока вы прятали свои задницы в поместьях, приграничье истекало

кровью.

Гхан зло выругался и схватился за рукоять меча, граф не остался в долгу. Еще пара мгновений – и вспыхнет потасовка. Появился соблазн не вмешиваться: за графа я не волновался – он прекрасный мечник, а вот эта жирная свинья успела мне порядком надоесть. С каким удовольствием я бы отправил его к творцу – да и не только его, – но нельзя! Нельзя! Нужно стиснуть зубы и терпеть, умиротворять, притворяться, что прощаю. Сейчас я слаб и нуждаюсь в их помощи, а потом... посмотрим. Многие из присутствующих лишатся если не своих жалких жизней, то своего влияния на жизнь королевства. Существовавшую с начала объединения вольницу пора прекратить. В этом королевстве будет только одна власть, один закон и один правитель.

Но это будет потом, а пока нужно в очередной раз наступить на горло собственной ярости.

– Первый, кто обнажит меч, будет ночевать в тюремных казематах! – Мое предостережение вернуло спорщиков к действительности.

– Граф Сердрик оскорбил меня! Я требую...

– Требуете?! – Пальцы до боли в суставах вцепились в подлокотники кресла, кажется, дерево слегка затрещало. В это мгновение я как никогда был близок к убийству этого двуличного ублюдка. Ярость, презрение и ненависть сплелись во мне, словно клубок ядовитых змей. У шлюх Старого города больше чести, чем у сборища этих продажных тварей!

– Но он оскорбил меня, все слышали! – Герцог Табаса оглядел собравшихся, но поддержки не нашел. Слова Сердрика были справедливы по отношению ко многим из них, но идти на открытый конфликт они не хотели и поэтому предпочли пропустить оскорбления мимо ушей.

– Думаю, – произнес я сквозь сжатые зубы, – вы оба немного погорячились. – Самообладание постепенно возвращалось ко мне. – Но ведь кое в чем граф прав: многие из вас слишком долго колебались, прежде чем встать на мою сторону.

– Ваше появление было столь внезапным, мы не сразу поверили, – окончательно стушевался герцог Гхан, остатки его горячности мгновенно испарились.

– За ваше... хм... «ожидание» мы платили кровью! – зло сверкнул глазами Сердрик, но руку с рукоятки меча все же убрал. Он лучше меня понимал, что нельзя сейчас провоцировать сильных и влиятельных герцогов королевства.

– Все, хватит! – Я не удержался и ударил кулаком по столу. Стоящий передо мной кубок подпрыгнул и опрокинулся, его содержимое липкой лужей растеклось по поверхности стола. В зале мгновенно воцарилась тишина. – Вы все свободны, господа, завтра я сам приму решение, – холодно и официально объявил я, показывая, что совет окончен.

Уходили молча, бросая в мою сторону настороженные взгляды. Слишком коротким вышел совет. Что бы ни говорил Глок, мне слишком трудно дается контроль над соб-

ственными эмоциями. Последний из выходящих плотно закрыл за собой дверь, и я остался один.

В старинном камине плясали языки пламени, я подкинул туда еще немного дров – огонь с жадностью набросился на сухое дерево. Топить камин в королевском дворце не было такой уж необходимостью, маги Воздуха не зря ели свой хлеб, но этот старый камин в королевском кабинете был исключением. Мне нравилось смотреть на огонь, и день ото дня слуги исправно растапливали этот камин, спеша исполнить прихоть будущего короля.

Король!

С отвращением стягиваю с себя серебряный обруч короны принца. Проклятая железка успела ужасно надоесть – стоило пару часов ее не снимать, и появлялись сильные головные боли.

– Хватит ворчать, Леклис. Признайся самому себе: ты просто боишься власти.

Власть, власть, власть.

Прав был дракон: сомнительное удовольствие быть правителем муравейника.

Интересно, какие цели преследуют сами драконы?

«Он создал нас для того, чтобы мы сражались друг с другом...» Кажется, такими были его слова? А предостережение, полученное от него...

Война на севере,

Смута на юге,
Мор на западе,
Ненависть на востоке.

Получается какой-то глупый стишок. Предположим, с ненавистью все понятно – это я сам, или мой приход к власти.

Война на севере?

Уж не нашествие ли гоблинов имел в виду дракон? Надо отправить шпионов в Горное королевство: пусть поглядят, что к чему. Можно написать Бальдору письмо с просьбой помочь им.

«Нет! – решил я, отрицательно покачав головой. – Это гнусность – требовать от друга услуг за спасение его жизни».

А шпионов все же пошлем.

Смута на юге?

Тоже не слишком сложно: семь королевств, как только ослабла эльфийская узда, с радостью вцепились друг в друга, стремясь оторвать кусок пожирней. Люди, что с них взять.

Мор на западе?

Эпидемия у эльфов? Хм... Хотелось бы надеяться. Это пророчество – если это пророчество – пока не исполнилось.

Убей ворона...

Я задумчиво почесал шрам над глазом.

Непонятно. Вряд ли дракон хотел, чтобы я перестрелял всех птиц в королевстве. Нет. Тут что-то другое – знать бы,

что именно.

И все же: почему драконы предложили мне помощь? Что такого важного в этом Сердце Дракона, если они готовы на все ради его возвращения? За последние несколько дней я перерыл груду книг, в которых так или иначе упоминались драконы, но не нашел не то что ответа, а даже упоминания о Сердце. Хотя что мы знаем о драконах кроме того, что их создал Падший? Ничего. Когда создал? Зачем? Их цели непонятны.

Некоторое время я размышлял.

Ладно, Леклис, у тебя есть более важные дела: надо что-то решать с империей.

– Уничтожить! Смести с лика земли. Сделать так, чтобы от эльфов остались только воспоминания.

В памяти всплыли лица дяди, Ольдена, Торка и многих-многих других, чьи кости остались лежать на том трижды проклятом поле битвы. Отомстить – это мой долг перед мертвыми.

Мрачная усмешка перекосила лицо. Я все уже давно решил.

Крушения империи я не допущу.

Долг перед мертвыми... Мертвые не платят долгов и не требуют их. В первую очередь надо позаботиться о живых, а мертвым – вечный покой и вечная слава.

Подло?

Возможно.

Но нельзя втравливать королевство в новую войну. Сердрик прав: мы не готовы, мы можем проиграть ее.

Но не только страх перед поражением заставил меня отказаться от похода на эльфов.

Что, если именно этого похода добивается неизвестный враг, направивший гоблинов на штурм Железного холма?

Полукровки, эльфы, гоблины... Нас кто-то целенаправленно стравливает, а пока мы пускаем друг другу кровь, этот кто-то добивается того, что ему нужно.

Проклятье Падшему! Незнамо кто добивается неизвестно чего. Хуже всего эта неопределенность.

Когда знаешь, кто твой враг, – тебе известно, что он может, а чего нет. Ты можешь предугадать его действия, опередить намеренья и, в конце концов, вырвать победу. А когда ты сражаешься с тенью, все твои удары уходят в воздух.

Вопросы, вопросы, а ответов все нет и нет. Убив герцога Уриэля, я сам оборвал единственную ниточку, ведущую к разгадке. Теперь остались только туманные намеки дракона о некоем маге. Гоблин тоже говорил о маге. Слишком странно все это: один маг вертит всем миром, включая драконов, – так, как ему вздумается.

Я нервно хихикнул.

Все это слишком напоминает детскую сказку: злой властелин мечтает покорить мир, а силы света в лице какого-нибудь доброго и благородного – а как же иначе! – рыцаря ему мешают.

К несчастью, в жизни все не так, как в сказке. Да и не тяну я на светлого рыцаря: у меня даже знамена черного цвета, и кто вспомнит, что черный цвет – это цвет верности, а вовсе не зла?

Очень сильный маг – так сказал дракон. Слишком просто, чтобы быть правдой. Да будь тот маг хоть в десять раз сильнее магистра Тиллита – ему бы не удалось повернуть столь грандиозную игру в одиночку!

– А с чего ты решил, что он был один?

Догадка была неприятной и предвещающей еще большие неприятности. Хотя все самое плохое, что могло, – уже случилось.

Или не все?

Глава 8

Осколки прошлого

По занесенному снегом лесу, опустив голову к самой земле и старательно пригнувшись, неспешной трусцой бежал серый зверь. Мощное телосложение, крупная широколобая голова, толстый хвост. Это был один из самых опасных хищников восточных земель – королевский волк, в два раза превосходящий по размерам своих обычных серых собратьев.

Внезапно он остановился, поднял голову и жадно потянул носом воздух: пахло чем-то знакомым и опасным. Двухногие! Нет. Двухногий. Один! Мозг волка лихорадочно зара-

ботал. Что одинокий двуногий забыл в его лесу? Волк не раз сталкивался с представителями этого племени, но чаще всего они приходили огромными шумными стаями верхом на лошадях. Только глупые звери становились тогда у них на пути, делаясь добычей длинных и острых стрел.

Встречались, правда, и одиночки... Противно заныла старая рана: тот охотник все же успел ударить железным зубом, прежде чем волчьи клыки разорвали ему горло.

Этот двуногий тоже был один. В любое другое время волк, пожалуй, не стал бы на него нападать – двуногие были сильными противниками, – но в глубине леса, в уютном логове выводок волчат теребил пустые сосцы голодной волчицы. Волчице нужна еда, иначе ей не выкормить малышей. Оскалив клыки, он стал медленно подкрадываться к человеку.

Двуногий вел себя на редкость странно. Усевшись на поваленное дерево, он задумчиво водил концом длинного резного посоха по снегу, чертя замысловатые знаки. Перед ним лежал еще один двуногий. Мертвый. Волк брезгливо фыркнул, уловив запах гниющего тела. Неужели он собрался это есть? Бесшумно скользя меж стволов, серый хищник подходил все ближе и ближе, Однако с каждым шагом тревога волка нарастала: от двуногого разило смертью. И вот когда до вожака оставался один бросок, человек повернулся в его сторону и усмехнулся. Приготовившегося к прыжку волка окатило волной страха, – он понял, что странный двуногий в это мгновение решает: жить ему или уме-

реть. Казалось бы, вот она, цель, один прыжок – и его зубы вонзятся в незащищенное горло глупого двуногого, но звериное чутье подсказывало: нет, не успею!

Эта добыча ему не по зубам. Сейчас он не охотник, а дичь. Страх смерти ушел, осталось лишь глухое чувство отчаянья – не за себя, а за те пушистые слепые комочки, безнадежно пытающиеся отыскать молоко в сосцах голодной матери.

Долгие мгновения человек и волк смотрели друг другу в глаза. Наконец матерый зверь не выдержал. Поджав хвост и заскулив, словно провинившийся щенок, он попятился, стелась брюхом у самой земли, почти зарываясь в снег. Человек усмехнулся и вновь повернулся спиной к зверю.

Поняв, что буря миновала, волк перестал пятиться и стремглав кинулся в лес. Он не помнил, как долго он бежал, петляя между деревьями. Наконец, когда звериное сердце перестало тревожно сжиматься, остановился, переводя дыхание. Чуткий нос уловил новый, куда менее опасный запах, глаза сразу же нашли следы. Всего пару минут назад тут пробежало стадо диких оленей. По следам было видно, что одно из животных сильно хромот – легкая добыча. Волк оскалится и устремился по следу, забыв про неудачу со своей первой жертвой.

Встреча с хищником слегка позабавила мага. Он нарочно провоцировал зверя на атаку, однако тот оказался значительно умнее и предпочел отступить. Маг не стал его уби-

вать. Зачем? Дикий зверь следует своей природе – его не за что ненавидеть.

Шум битвы раздавался все ближе и ближе, войска империи с остервенением рвались вперед, спеша уничтожить последних из магов Жизни.

– Нас теснят, мастер. Еще полчаса – и от Бездушных останутся только воспоминания. – С первого взгляда высокого светловолосого воина можно было принять за обычного человека-наемника, если бы не его глаза: лишённые зрачков, холодные и безжизненные, они казались кусками льда.

– Нам нужен как минимум час, – устало проговорил маг, в его сгорбленной фигуре, укутанной в потрепанный плащ, было трудно узнать некогда великого магистра ордена Жизни. Как иллюзорно было их могущество...

Труден путь мага Жизни. Ох, как труден! Если боевых магов в империи насчитывалось около пары сотен, то магов Жизни было немногим больше десятка. Ими всегда восхищались: их силой и хладнокровием, их жесткостью на грани с жестокостью, – и как же яростно их ненавидели! О них вспоминали только тогда, когда другого выхода просто не было: слишком тягостна плата, единая для всех. Они приходили и спасали. В лицо их благодарили и славили, а в спину шептали проклятья.

– Мы сделаем все, что в наших силах, мастер.

– Сделайте больше! Все оставшиеся – на прорыв из доли-

ны!

– Будет исполнено. – Бездушный не испытывал эмоций. Приказ отдан – приказ будет выполнен. Сомнения, страх смерти – все это осталось где-то там, в далеком прошлом, как и сама жизнь. Развернувшись, он неспешно направился к замершим отрядам, готовым к своей последней битве.

– Время уходит, мальчик. – Голос великого магистра был сух и холоден, в эти мгновения он и сам походил на Бездушного. – Вот тут книги, сохрани их любой ценой. В них наше прошлое и ваше будущее. Я не знаю, что ждет вас там, но эти знания помогут вам выжить.

– Я сохраню их... – Голос юноши дрожал, выдавая страх перед неизвестностью. – А как же вы?

– Нам уже не успеть, мальчик, – покачал головой старый маг. – Он дал нам возможность спасти хотя бы вас, но цена... Цена будет тяжела.

– Должен быть другой путь, учитель!

– Другого пути нет...

Ворон, спланировавший на навершие резного посоха, застал задумавшегося мага врасплох. Пощекотав пальцем грудь птицы, он привычным движением заставил ее замереть и, словно статуя, замер сам.

– А он оказался крепче, чем я думал, – пробормотал маг спустя пару минут, разрывая незримую нить, связавшую его с птицей.

Ворон рухнул вниз, не издав ни звука, и черным пятном застыл на белом покрывале снега. Птица была мертва, она не могла перенести вторжения чужого разума. Странно, он нередко убивал сам или заставлял делать это других, но, только обрекая на смерть очередного пернатого шпиона или гонца, испытывал легкие уколы совести, нет-нет да и проби- вающие грубую броню равнодушия.

Кто им дал право нас судить? Мы не отнимаем жизнь про- сто так, со скуки или от безделья.

– Спущенных цепей оказалось мало, – усмехнулся маг мертвецу. – Жаль. Принц мне нравился. Я начинаю жалеть, что сделал ставку на него, а не на вас, герцог. Вы неплохо служили мне при жизни, – теперь время исполнить послед- нее поручение.

* * *

Мезамира я нашел на самой вершине одной из башен, возвышающихся над южным крылом королевского замка. Небольшая комнатка с высоким потолком и узкими бойни- цами вместо окон – настоящая крепость в крепости. Мас- сивная дубовая дверь, окованная железом, только усилива- ла впечатление. Не знаю почему, но именно тут и предпочел поселиться вампир.

Он не участвовал в сражении с эльфами. Вампиры по сво- ей природе убийцы-одиночки. Их стихия – это темная ночь да острый кинжал из-за угла. Нет, феноменальная реакция и

живучесть делали их очень опасными противниками, но использовать прирожденного убийцу в сражении двух армий – это забивать гвозди королевской короной. Надо сказать, мое решение не слишком понравилось вампиру, он пытался спорить, но я был непреклонен. Хватит с меня Янвира и его сотни, да тех пяти мальчишек-магов, погибших при захвате замка.

После победы прошло немало времени, прежде чем вампир перестал таить на меня свою мальчишескую обиду. Он оттаял только после пары совместных тренировочных схваток, в которых победил – я даже почти не поддавался. До сих пор не могу поверить, что мне удалось выжить в схватке с ним и его бывшим учителем!

– Гляжу, ты неплохо устроился, – поприветствовал я Мегамира, с удивлением оглядывая комнату. Какого только оружия в ней не было: узкие метательные ножи, аккуратно разложенные на небольшом столике, пара миниатюрных скорострельных арбалетов, короткий лук, оружейная стойка с десятком разных по форме и размерам мечей. – А гномью катапульту ты под кроватью прячешь?

– Нет, – сокрушенно покачал головой вампир с притворно-серьезным выражением на лице. – Ее не удалось поднять по лестнице.

– Какая жалость! А если переносить по частям?

– Пожалуй, стоит попытаться.

– Ладно, шутки в сторону, – покачал я головой. – У меня

для тебя есть задание.

– Кого надо убить? – кровожадно усмехнулся вампир.

– Спешу огорчить: никого убивать не надо. По крайне мере, пока, – усмехнулся я не менее кровожадно. – Ты уже встречался с герцогом Инарда?

– Тот высокий полуэльф? Да, я его видел.

– Мне нужно, чтобы ты внимательно наблюдал за ним до коронации.

– Ждешь неприятностей? – Улыбка мгновенно сошла с губ Мезамира, взгляд его стал внимательным и жестким.

– Всякое может случиться, – пожал я плечами, с интересом рассматривая коллекцию метательных ножей. Трогать я их, правда, не стал: вдруг лезвия уже отравлены? – После коронации он должен присягнуть мне на верность. Не могу сказать, что это свяжет его по рукам и ногам, но нарушение клятвы может отторгнуть от него часть союзников.

– Что делать, если факт измены герцога подтвердится? Убить его?

– Нет, – предостерег я вампира, – не предпринимай ничего. Только наблюдай и сообщай лично мне.

– Хорошо, – кивнул он в ответ. – Когда начинать?

– Вчера.

* * *

Широкие улицы, роскошные дома с высокими, словно висящими в воздухе, башенками. Много веков минуло с

тех пор, когда первые эльфы создавали свои города в кронах первозданного леса, но привычка жить как можно выше осталась и нашла свое отражение в архитектуре столицы. Она создавала тот неповторимый, величественный облик, увидеть который и не полюбить было просто невозможно.

Даже на фоне этого великолепия бесценной жемчужиной блистал императорский дворец, воплотивший в камне мощь и величие эльфийских владык. Его высокие беломраморные башни были видны из любой точки города. Особой гордостью был раскинутый вокруг дворца парк, воссоздающий древнюю родину лесного народа. Сколько драгоценных сил тратили маги Воздуха для поддержания на его территории вечного лета, а маги Земли – для ухода за растениями!

Артис передал поводья своего жеребца сноровистому слуге и направился к одному из четырех главных входов. Красота благоухающей природы мало заботила бывшего наследника престола. Гонец, примчавшийся к нему на виллу пару часов назад, принес письмо от брата-императора с просьбой немедленно прибыть к нему.

Что за срочность?

Задумавшись, он не сразу заметил спешившую к нему навстречу эльфийку в платье из зеленого шелка с глубоким вырезом на груди по последнему веянию моды.

– Проклятье Падшему, – пробормотал Артис, оглядываясь по сторонам в поисках пути, позволяющего избежать

встречи с фавориткой императора.

Леди Лориэнь была широко известна при дворе тем, что меняла любовников чаще, чем перчатки. В ее постели побывала добрая половина высших вельмож империи, за что многочисленные недруги нередко называли ее не иначе как имперской шлюхой. Несмотря на столь сомнительную славу, год назад на Осеннем балу ей удалось очаровать Элберта VII и не выпускать его из паутины своих женских чар, пользуясь положением любовницы императора на горе своим завистникам.

– Светлый лорд, – присела она в положенном по этикету реверансе, правда, несколько более глубоком, чем следовало. При желании Артис мог разглядеть, что скрывает ткань платья. Лориэнь уже давно и весьма безуспешно пыталась добиться внимания бывшего наследного принца.

«Смазливая стерва!» – подумал Артис. Она была действительно красива: миловидное лицо, яркие светло-синие глаза, роскошные золотые волосы и хорошо сложенная фигурка действовали на мужчин так же, как кошачья мята на кошек.

– Приветствую вас, леди. – Он отвесил учтивый полупоклон.

– Император просил немедленно проводить вас к нему.

– Что-то случилось?

– А вы не знаете, милорд? – Глаза эльфийки расширились от удивления. – Принц Леклис разбил Дом восходящего солнца! Известие о поражении гонец нового главы дома

привез еще ночью, а с утра в тронном зале нашли голову герцога прямо на императорском троне – подарок принца императору! Как только она туда попала? Стражники прочесывают парк и осматривают дворец. Маги охраны клянутся, что никаких следов враждебной магии замечено не было. Наверное, у мятежника есть сообщники во дворце, возможно, кто-то из слуг! – Она подозрительно огляделась по сторонам, словно надеясь отыскать невидимых заговорщиков. – Император заперся у себя в кабинете и все утро не выходил. Пару часов назад он приказал вызвать вас.

Молчаливость, как и добродетель, не являлась основным качеством любовницы императора. Но у леди Лориэнь было одно неоспоримое достоинство – или недостаток? – она многое знала о дворцовых интригах и сплетнях. В первых, правда, она не слишком преуспела, зато во вторых ей воистину не было равных! Ее общество было на редкость утомительным, но избежать его было труднее, чем вытащить лесного клеща из тела. Подхватив Артиса под локоть, она повела его к покоям императора, попутно пересказывая последние сплетни. Артис молчаливо и стойко переносил неожиданную пытку. Не стоило настраивать против себя любовницу брата.

Наконец, миновав несколько роскошных залов, они достигли своей цели.

Перед дверьми с выложенным золотом и платиной мэллорном – мифическим прадеревом эльфов – замерли недвижимыми статуями друг против друга вечные противники-со-

ратники Кипарисы и Тигры – личная гвардия императора. Их набирали из двух одноименных младших домов, подчиненных императорской династии с незапамятных времен. Первые славились своим умением сражаться в тесном, сомкнутом строю и были единственным отрядом тяжелой пехоты у недолюбливающих доспехи и ближний бой эльфов. Тигры же были известны как непревзойденные мастера боевого шеста, бойцы-одиночки, презирающие всяческие доспехи.

– Светлый лорд! – коротко поприветствовал Артиса один из Кипарисов, видимо, главный в этой десятке. – Прошу вас подождать, мы доложим о вашем приходе. Доложи! – приказал он стоящему у самых дверей обнаженному по пояс Тигру, который мгновенно скрылся за узорчатыми створками.

Через пару мгновений вернулся:

– Император ждет вас, светлый лорд.

Двери широко распахнулись, позволяя проникнуть в святая святых империи – рабочий кабинет правителя.

По густому и мягкому ворсу ковра нервно расхаживал милостью творца император Рассветной империи Элберт VII. Артис с некоторым удивлением рассматривал брата. Выглядел тот неважно: длинные белые волосы были всклокочены и растрепаны, на лице застыла мрачная гримаса. Свалившиеся на империю неприятности застали молодого императора врасплох.

Нельзя сказать, что Элберт VII был таким уж плохим пра-

вителем: именно в годы его правления Рассветная империя достигла вершины своего могущества. Покровитель наук и искусств, он, к неудовольствию старших домов, мало интересовался ведением новых войн, не вмешивался в дела людей и гномов. Но то, что годится для времени мира и благоденствия, совершенно не подходит для времени смут, в которое со скоростью летящего с горы камня катилась империя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.